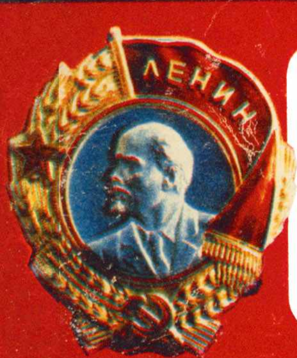
КИЕВУ — 1500 ЛЕТ

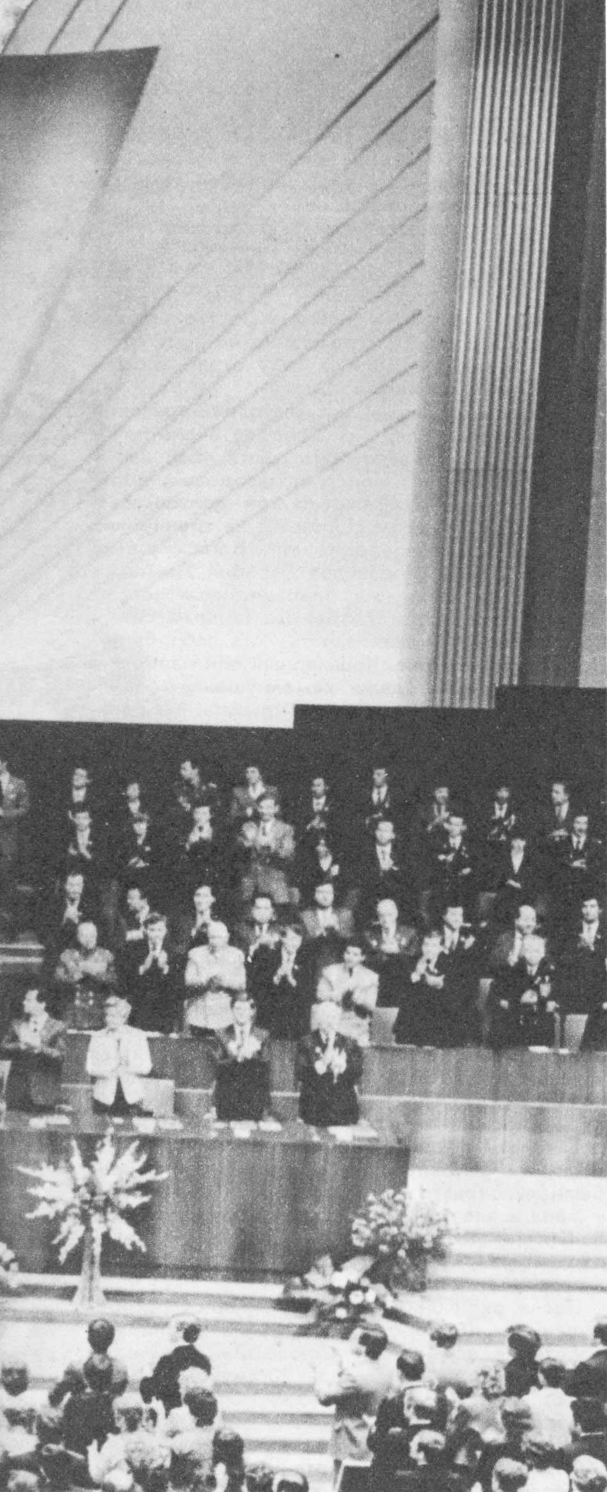
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 21 МАЙ 1982

МОСКВА, 18 МАЯ. КРЕМЛЕВ

СКИЙ ДВОРЕЦ СЪЕЗДОВ...

В Кремлевском Дворце съездов 18 мая открылся XIX съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. В зале — около пяти тысяч делегатов от более чем 41 миллиона комсомольцев. Среди почетных гостей советской молодежи — представители коммунистических, демократических и социалистических молодежных организаций зарубежных стран, а также международных молодежных организаций.

Бурными, продолжительными аплодисментами приветствовали собравшиеся товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, М. С. Горбачева, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Я. Пельше, Н. А. Тихонова, Д. Ф. Устинова, К. У. Черненко, П. Н. Демичева, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, И. В. Капитонова, В. И. Долгих, М. В. Зимянина.

С воодушевлением съезд избрал почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым.

Избираются руководящие органы съезда: президиум, секретариат, редакционная и мандатная комиссии.

Единогласно утверждается порядок дня съезда:

1. Отчет Центрального Комитета ВЛКСМ.
2. Отчетный доклад Центральной ревизионной комиссии ВЛКСМ.
3. Выборы центральных органов ВЛКСМ.

На съезде с речью «Забота об интересах народа — дело чести комсомола» выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев. Делегаты и гости съезда встречают Леонида Ильича стоя, бурной, долго не смолкающей овацией. Речь Л. И. Брежнева неоднократно прерывалась бурными, продолжительными аплодисментами.

Затем с докладом «Отчет ЦК ВЛКСМ и задачи Ленинского комсомола по формированию поколения людей политически активных, знающих дело, любящих труд и умеющих работать, всегда готовых к защите своей Родины» выступил первый секретарь ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастухов.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и А. ГОСТЕВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 21 (2862)

22 МАЯ 1982

Командир космического корабля А. Н. Березовой и бортинженер летчик-космонавт СССР В. В. Лебедев. Снимок сделан во время тренировки на море.

Фото А. Пушкарева (ТАСС)

«САЛЮТ-7»: ПРИБЫЛ ПЕРВЫЙ ЭКИПАЖ

Теснее стало в космосе: теперь там сразу две советские научные станции. По-прежнему курсирует на орбите «Салют-6» с пристыкованным к нему тяжелым «Космосом-1267». А «Салют-6» — это ветеран! Более 1600 экспериментов выполнено на его борту 16 экспедициями, в которых участвовало 27 космонавтов.

А 14 мая «космическое новоселье» праздновалось уже на другой научно-исследовательской станции — новом, седьмом по счету «Салюте». Надо отметить, что и управляет теперь работой обоих комплексов новый руководитель полетами, дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт, долгожитель космоса Валерий Рюмин, которому Алексей Станиславович Елисеев передал бразды правления.

«Станция «Салют-7» снаружи точно такая, как и ее предшественница, — сказал он. — Те же обводы, те же размеры, также два стыковочных узла. А внутри? Недаром ведь каждая из длительных экспедиций привозила перечень замечаний, как из этой «хорошей станции сделать еще более хорошую».

Теперь космический дом получился красивее, удобнее, просторнее. Убран занимавший много места бортовой субмиллиметровый телескоп, его место займет изящная малогабаритная рентгеновская аппаратура. Элегантнее стала космическая мебель в бытовом отсеке, правда, она все меньше становится похожей на земную. Иллюминаторы страдали от микрометеоритов и космической пыли — теперь они надежно закрываются предохранительными крышками. А один из иллюминаторов устроен так, что космонавты могут принимать даже солнечные ванны. Увеличен запас воды, можно сказать, что «Родник» — новая система, питающаяся из больших баков вместо множества маленьких контейнеров: это то же самое, что водопровод у нас в квартирах, можно так же смешивать горячую и холодную воду. Удобнее стало управление станцией за счет расширения функции вычислительного комплекса. Модернизированы солнечные батареи, улучшилось энергоснабжение.

Сейчас на станции еще мало научной аппаратуры, она по мере надобности будет, как и прежде, доставляться грузовыми кораблями. А пока станция только обживается новым экипажем. Первые ушибы при проплыве по отсекам, первое удивление, что она совсем не такая, как на стапеле, а «перевернутая», первые радости от знакомства с ней.

Примерно полгода тому назад я их впервые увидела выходящими из тренажера этой станции после многочасовой работы. Командира Анатолия Николаевича Березового и бортинженера Валентина Витальевича Лебедева. Оба мокрые, усталые, еле-еле тащили ноги, какие уж тут с ними интервью. И потом, сколько ни приезжала на тренировки — утром ли, днем или поздно вечером — видела, в каких муках рождался их Космос. Березовой и Лебедев эти несколько последних лет готовились по разным другим программам. А теперь оба вместе постигали и новую станцию, и корабль — не «Союз», а «Союз Т», что очень меняет дело. Аппаратура появилась совершенно новая и весьма разнообразная, в том числе и та, что должна прибыть на борт на транспортных кораблях.

В этом апреле Анатолию и Валентину исполнилось по 40 лет. Но всего месяц отделял их от старта, было совсем не до празднеств, поэтому 12 апреля, в гагаринский день, посидели за соком в профилактории, погуляли с друзьями у озера. А вечером опять сидели в тренажере. Так оба вымечтали этот полет, так яростно и одержимо работали, что, когда в последний день перед отлетом из Звездного в Байконур встретились с журналистами, мне показалось, что одержимость эта так опалила их, что и на вопросы отвечали дерзко, жестко, словно перед ними экзаменационная комиссия, которая еще будет решать.

А потом — сбылось! И милый их сердцам грохот ракеты, и стремительный долгожданный космос со сменой космических дней и ночей, и, наконец, главное — встреча со станцией «Салют-7». Как молоды они вдруг стали, говорили наперебой, а Анатолий все разглядывал станцию, усы его задорно торчали, он их в волнении приглаживал рукой, как будто они могли вырасти за сутки их полета.

Да, вот как бывает, ребята из того набора, что и Березовой, уже по два раза слетали, по третьему готовятся. Как-то спросила его, нет ли ощущения несправедливости судьбы? «Нет,— говорит,— я был уверен все эти годы, что полечу и наверстаю. Знаете, как з песне — «надо только выучиться ждать, надо быть спокойным и упрямым...». А что долго готовился, так теперь нет такого места на корабле, на станции, которые бы я на ощупь даже не знал. Нет и такой работы, которую не мог бы выполнить».

А когда-то, после окончания школы, он не знал, кем хочет быть и вообще чего хочет. Поехал со своей серебряной медалью в Новочеркасский политехнический институт. «Все ходят, зубрят, волнуются,— рассказывал он,— я поглядел на них и думаю, чего же я буду перебегать дорогу кому-то, место чужое занимать. И устроился на завод «Нефтемаш» учеником токаря. Жил в общежитии. В 1961 году свой день рождения отмечал не 11 апреля, а 12, так вышло. И вдруг слышим, все бегут, кричат, целуются. Гагарин полетел в космос! И тем же вечером все хлопцы из нашей комнаты решили стать космонавтами».

Мечта... Кто из нас не мечтает. Но жизнь ставит такие подножки, что от мечтаний подчас только осколки остаются. А вот Березовой сумел сделать свою мечту целью и идти к этой цели упорно и достойно. И это нравственная его позиция, стремление не просто себя утвердить, а в полную силу отдать людям все, что есть лучшего в нем.

В этом смысле командир Анатолий Березовой и бортинженер Валентин Лебедев очень похожи. Достаточно вспомнить хотя бы, как в последний момент перед полугодовым полетом на станцию «Салют-6» (он должен был работать с Леонидом Поповым) на тренировке Валентин сильно повредил ногу. В космос вместо него тогда отправился Валерий Рюмин, а Лебедев оказался на операционном столе. «Во сне вижу себя здоровым, полным сил, а просыпаюсь — такая злость на себя берет. Нога болит в лубке. Кошмарный сон наоборот. Лечился упорно, даже самовнушением занимался, потом учился бегать, прыгать, как раньше. Но это все ерунда, это легко. А вот переучиваться на новую технику — это задача посложнее. Но я поставил себе цель через 2—3 года, не позднее, полететь».

Поставил цель, поставил задачу, как будто поставить задачу означает выполнить ее. Так вот Лебедев таков, что глагол «хочу» для него означает «могу», причем это еще с «докосмических» времен. Судите сами. Когда учился в Московском авиационном институте, написал заявление и вместе с рекомендацией комсомола отправил Юрию Алексеевичу Гагарину. Просил зачислить в отряд, выражал согласие на любые эксперименты. Ему ответили, что таких желающих много, а ему надо учиться и еще хорошо бы знать самолеты не только теоретически. Тогда специалисты считали, что путь в космос только через авиацию. И Лебедев утром слушал лекции, а потом на электричку и в аэроклуб. А клубы эти расположены были далековато от Москвы. «Так вся юность у меня в электричках прошла», — вспоминал Валентин. Но самолеты он освоил, получил первый разряд, летал даже на реактивных. И на вертолетах тоже.

После окончания института добился распределения в КБ Королева. Через 7 лет впервые полетел в космос на «Союзе-13». Вместе со своим командиром Петром Климуком работали космическими астрономами. Отсняли тогда по заданию ученых несколько тысяч спектропортретов звездного неба. На основе этого материала защитил диссертацию.

После первого полета Валентина Лебедева избрали членом Центрального Комитета комсомола. Свои обязанности выполнял сугубо по-деловому. Собрал и возглавил большой студенческий отряд и вместе с ним выехал на БАМ. Там до сих пор работает его бригада, возглавляемая сейчас Владимиром Степанищевым.

Анатолий Березовой и Валентин Лебедев начали свою вахту на станции в дни, когда в Москве собрался XIX съезд комсомола. И первая работа их — эксперимент совершенно новый, посвящен съезду. С борта станции на самостоятельную орбиту они запустили малогабаритный искусственный спутник Земли «Искра-2», созданный студенчеством в стенах, где учился Валентин Лебедев. Он небольшой, этот радиолюбительский спутник, весом всего 23 кг, имеет форму шестигранной призмы. Анатолий и Валентин сначала тщательно проверили работу его систем на своем контрольном пункте, затем установили в шлюзовой камере рабочего отсека. Станцию сориентировали так, чтобы спутник, не задевая «Салют», пошел в обратную сторону от станции.

Причем надо отметить, что программа работ сохраняет определенную преемственность исследований, выполненных предыдущими экипажами, но на новой аппаратуре и новыми методиками.

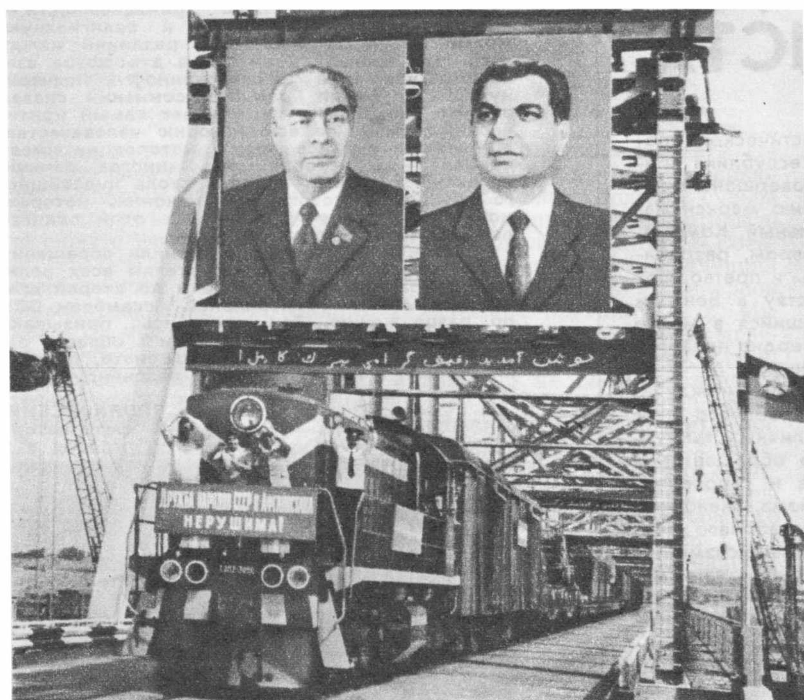
Впереди у них много интересных дел, экспериментов. Главное — испытание новой станции «Салют-7», первыми хозяевами которой стал этот экипаж. И пусть космос дарует им и «Салюту-7» столь же счастливую судьбу, как и их предшественникам.

Р. ГЕОРГИЕВА

Во время церемонии открытия моста.

Фото С. Смирнова, А. Стешанова, Р. Джуманиязова

Мост дружбы через Амударью открыт.

Город Термез, Сурхандарьинской области. Строители автомобильно-железнодорожного моста через пограничную реку.

МОСТ ДРУЖБЫ

Те, кто бывал в Термезе, знают, как красива и своенравна здесь Амударья. Могучие воды ее стремительно несутся вдоль советского и афганского берегов, становясь преградой на пути транспорта двух дружественных стран. И вот этой преграде положен конец. Стальные пролеты нового автомобильно-железнодорожного моста в крепком рукопожатии соединили берега Советского Союза и Демократической Республики Афганистан.

Не узнать было в эти дни древний Термез. Словно помолодел он, одевшись в кумач знамен по случаю ввода в эксплуатацию этой стройки мира, дружбы и сотрудничества двух народов. Море цветов, улыбки людей, дружеские рукопожатия строителей, автомобилистов и железнодорожников — все это запомнится навсегда.

Собравшиеся на митинг сердечно приветствуют прибывшие на торжества партийно-правительственные делегации: Советского Союза — во главе с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидовым, Демократической Республики Афганистан — во главе с Генеральным секретарем ЦК НДПА, Председателем Революционного совета ДРА Б. Кармалем.

Отмечая успех советских и афганских строителей, выступивший на митинге товарищ Бабрак Кармаль подчеркнул, что досрочная сдача в эксплуатацию одного из важнейших объектов советско-афганского сотрудничества — моста для железнодорожного и автомобильного транспорта через реку Амударья стала по праву символом нашей дружбы, близости, товарищества и братства советского и афганского народов.

Выступивший на митинге товарищ Ш. Р. Рашидов подчеркнул, что сооружение и досрочный ввод нового моста явились конкретным примером подлинно братской дружбы и товарищества между трудящимися СССР и ДРА.

Руководители делегаций СССР и ДРА разрезали алую ленту... Отныне и навсегда рельсовый и автомобильный путь через великую реку Средней Азии открыт. Затем товарищи Б. Кармаль и Ш. Р. Рашидов, члены делегаций двух стран переехали по мосту из Термеза на афганский берег Амударьи — в порт Хайратон, где состоялся митинг афгано-советской дружбы. После этого члены советской и афганской делегаций осмотрели большой комплекс сооружений, возведенных с помощью советских строителей и предназначенный для обработки грузов, первую в Афганистане железнодорожную станцию Хайратон, электростанцию и другие объекты. Руководители делегаций уложили в основание первого дома будущего города Хайратон металлическую капсулу, внутри которой — памятная записка о знаменательном событии, состоявшемся 12 мая 1982 года.

На следующий день в Термезе состоялся многотысячный митинг, посвященный открытию памятника Владимиру Ильичу Ленину. В нем приняли участие партийно-правительственные делегации: СССР — во главе с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидовым, ДРА — во главе с Генеральным секретарем ЦК НДПА, Председателем Революционного совета ДРА Б. Кармалем.

На митинге выступили Б. Кармаль и Ш. Р. Рашидов.

Ш. Р. Рашидов и Б. Кармаль возложили цветы к памятнику В. И. Ленину.

СЛАВНЫЙ ПУТЬ КОММУНИСТА

Выдающемуся партийному и государственному руководителю Венгрии, Первому секретарю ЦК Венгерской социалистической рабочей партии Яношу Кадару исполняется 70 лет. Он родился 26 мая 1912 года. «До четырнадцати лет я жил так,— вспоминает Янош Кадар,— зимой учился в столице, а летом работал в деревне, помогая свинопасу и получая в оплату муку и сало. Таким образом я смог окончить не только четыре класса начальной школы, но и четыре класса реального училища, что по тем временам было для таких бедняков, как я, большим достижением».

С ранних лет он работает подсобным рабочим, затем учеником механика и познает тяжелые условия жизни рабочего при капитализме. В годы безработицы на бирже труда, юношей, он впервые встречается с коммунистами и в 17 лет включается в рабочее движение. Сначала Янош Кадар работал в молодежной организации металлистов, а в 1931 году вступает в ряды Коммунистической партии Венгрии. В годы господства хортистско-фашистского режима товарищ Кадар вел активную революционную работу. В 1942 году он избирается членом, а в январе 1943 года — секретарем Центрального Комитета партии и уходит в подполье, мобилизуя трудящихся на борьбу с фашизмом. С первых дней вступления в революционное движение страны и до освобождения Венгрии Янош Кадар находился под надзором полиции. Его неоднократно арестовывали.

После освобождения страны товарищ Кадар включается в строительство новой, демократической Венгрии. Он становится членом Политбюро и Секретариата, заместителем генерального секретаря ЦК партии, избирается в парламент. Он возглавлял будапештскую партийную организацию. В 1948—1950 годах Я. Кадар работал на посту министра внутренних дел Венгрии. Его плодотворная деятельность была прервана в 1951 году арестом и тюремным заключением, основанными на ложных обвинениях. После реабилитации в 1954 году товарищ Кадар вновь активно участвует в партийной работе. В стране утверждался социалистический уклад жизни. Однако, как известно, путь к социализму в Венгрии был осложнен допущенными просчетами. Ими воспользовались контрреволюционные элементы, враждебные зарубежные силы, которые развязали контрреволюционный мятеж в 1956 году. Товарищ Кадар выступил инициатором сплочения и мобилизации революционных сил на разгром мятежа и укрепления диктатуры пролетариата. Он возглавил воссозданную партию коммунистов и Революционное рабоче-крестьянское правительство.

Вся жизнь славного венгерского коммуниста неразрывно связана с партией. Завершив в начале 60-х годов выполнение основных задач переходного периода от капитализма к социализму, создав основу социалистического общества, Венгерская Народная Республика приступила к его всестороннему совершенствованию. Творчески применяя теорию марксизма-ленинизма, ВСРП, ее Центральный Комитет, возглавляемый товарищем Кадаром, разрабатывают теоретические проблемы и претворяют в жизнь задачи по строительству в Венгрии развитого социализма. Состоявшийся в марте 1980 года XII съезд ВСРП подтвердил правильность генерального курса партии.

Янош Кадар — видный деятель международного и коммунистического рабочего движения — во многих своих публичных выступлениях и статьях неоднократно обращается к вопросам укрепления единства и сплоченности мировой системы социализма, международного коммунистического и рабочего движения на принципиальной базе марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

Отмечая выдающиеся заслуги Яноша Кадара в борьбе за мир и безопасность народов, Комитет по международным Ленинским премиям присудил ему премию «За укрепление мира между народами». В этой высокой награде ярко отражено уважение всех людей доброй воли к славному сыну венгерского народа. Большому другу советского народа товарищу Яношу Кадару присвоено звание Героя Советского Союза, он награжден орденом Ленина. «Коммунисты Советского Союза, все советские люди знают так же хорошо, как знает каждый венгр, что на всех этапах борьбы за победу социалистической революции, становления и развития социализма в вашей стране во все, в том числе и самые трудные, моменты Вы, товарищ Кадар, действовали как последовательный революционер-ленинец»,— сказал при вручении этой награды Л. И. Брежнев.

...Подготавливая специальный номер «Огонька», посвященный 30-й годовщине освобождения Венгрии, от фашизма, мы, группа журналистов, две недели провели в этой стране. Нам посчастливилось встретиться с товарищем Кадаром в его рабочем кабинете. Он заинтересованно расспрашивал нас, в каких городах мы побывали, что увидели, с кем встречались, и, узнав, что мы собираемся на пуск нового крупного объекта венгерской индустрии — олефинового комплекса Тисайского химического комбината, сказал: «Мы в Венгрии очень гордимся дружбой с советскими людьми и очень бережно относимся к развитию самых разнообразных контактов между нашими странами — от встреч на высшем уровне до «поездов дружбы», которые тысячам и сотням тысяч людей дают возможность подружиться!» В тот день фотокорреспондент Л. Шерстенников сделал снимок, который мы сегодня публикуем.

Н. ИВАНОВА

ВО ИМЯ ЖИЗНИ

Две руки оберегают хрупкий зеленый росток, пять лепестков которого символизируют континенты Земли. Так была отображена идея защиты жизни на эмблеме Всемирной конференции религиозных деятелей против ядерной угрозы, состоявшейся в Москве 10—14 мая. Этот форум носил исключительно представительный характер. В его работе участвовали около 600 религиозных деятелей из 90 стран мира.

В приветствии участникам конференции Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов отметил, как особенно нужно в эти дни, чтобы каждый житель нашей планеты, верующий и неверующий, глубоко осознал свою личную ответственность за сохранение мира. «Советское правительство,— говорится в приветствии,— с глубоким одобрением и пониманием относится к вашим усилиям, направленным на борьбу против ядерной угрозы, высоко оценивает благородные идеи и цели вашего форума».

В дискуссии приняли участие главы церквей, члены правительств и парламентов, известные ученые, крупные международные общественные деятели. С яркой речью выступил президент Всемирного Совета Мира Ромеш Чандра.

Большое внимание привлекло выступление известного проповедника-евангелиста из США Билли Грэма. На эту конференцию приехали люди, имеющие разную принадлежность — культурную, политическую и религиозную. Но, несмотря на множество различий между нами, мы собрались вместе в атмосфере взаимного уважения и озабоченности, подчеркнул доктор Билли Грэм. Нет сомнений, сказал он, что сейчас мир переживает самый критический момент за всю историю человечества. Мы живем в такое время, которое не имеет параллели в истории, ибо никогда раньше человек не держал в руках столь чудовищного оружия массового уничтожения, которым можно уничтожить жизнь на этой планете всего за несколько часов.

Участники конференции приняли обращения к руководителям и последователям всех религий, к правительствам мира и ко второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению. Эти документы, призывающие к незамедлительным шагам в области разоружения, и прежде всего ядерного, получили огромный международный резонанс.

Игорь ТРОЯНОВСКИЙ,
фото автора

МАСКИ И СКАЗКИ

Рисунки
Бор. ЕФИМОВА

Стихи
Ник. ЭНТЕЛИСА

Страшась
Разоблаченья и огласки,
На Западе
Напяливают маски.

Заморский дядя
Щеголяет ныне
В фальшивой
Миротворческой личине.

МИР И ВОЙНА — ДВА ПОДХОДА

Владимир КАТИН

Сегодня человечество находится как бы на развилке двух дорог: одна ведет в бездну термоядерной войны, другая — к сияющим вершинам прочного мира. На этой развилке решается судьба нашей планеты. Задача не из легких. Есть силы, которые открыто или скрыто тянут мир в сторону роковой ядерной авантюры. Военные стратеги в США буквально одержимы разработкой концепций «превентивных войн», «первого удара», «ограниченной ядерной войны», созданием нейтронного, химического оружия и т. п. Мы далеки от мысли сгущать краски. Они и без того довольно мрачные. Судите сами: недавно на совещании в Пентагоне ответственный представитель ВМС США заявил, что не следует слишком волноваться за последствия ядерной войны, так как в ходе ее погибнет всего лишь 500 миллионов человек... Причем во всех военных доктринах США Европу уже называют на суконном солдатском языке «театром военных действий». Кулисами этого «театра», где США намерены разыграть кровавый спектакль, сделаны страны НАТО, где сосредоточен громадный арсенал американского ядерного оружия.

Однако для военного сценария, составленного в кабинетах Пентагона, возникла помеха, не предусмотренная ни политиками Вашингтона, ни их электронно-вычислительной техникой. В Западной Европе поднялось и растет мощное антивоенное движение. Правительство США сначала демонстративно не обращало на это движение внимания; потом официальные лица стали его всячески поносить, хулить. И вдруг метаморфоза — американский президент высказывает понимание тревог западноевропейцев и борцов за замораживание ядерных вооружений у себя в стране. Недавнее внешнеполитическое выступление Р. Рейгана пестрит замечаниями о стремлении «сохранить мир сейчас и в будущем», он заявляет о готовности «установить новое взаимопонимание» с СССР. О чем же идет речь на самом деле? А речь идет всего-навсего о том, что после полуторагодового перерыва, который был сделан самой же американской стороной, Вашингтон решил возобновить переговоры с Москвой о стратегических вооружениях. Ничего в этом «конструктивного», конечно, нет. Все дело в том, что под давлением общественности США и Западной Европы президент Рейган был просто вынужден наконец согласиться на требования о возобновлении переговоров с СССР о стратегических вооружениях. «Одной из задач, которые, по-видимому, ставил перед собой президент,— отмечает газета «Крисчен сайенс монитор»,— была попытка сбить накал антивоенного движения в США».

И не только в США. Одна из целей так называемой «мирной» программы Рейгана — обеспечить себе пропагандистскую подготовку визита в «антиамериканскую Европу», куда он должен отправиться в начале июня. Поэтому план президента США рассчитан на то, чтобы успокоить разгневанную общественность на европейском континенте. В то же время, как и прежде, преследуется цель во что бы то ни стало достичь военного превосходства над СССР. Кстати, этот ход или уловку Рейгана очень многие раскусили сразу же, как только он произнес свою программную речь. Так, исполнительный директор Совета Мира США М. Майерсон заявил: «Суть «инициативы» Рейгана сводится к тому, чтобы заставить Советский Союз разоружиться в одностороннем порядке». Сенатор-демократ Г. Харт говорит: «Я был разочарован... Рейган, увы, не призвал к обузданию гонки вооружений».

Итак, прикрываясь бутафорией слов о стремлении к миру, Вашингтон на самом деле интенсивно форсирует гонку вооружений, планирует ядерную войну. Советская концепция на этот счет такова: начать такую войну в надежде выйти из нее победителем может только тот, кто решил совершить самоубийство! Дело в том, что какой бы мощью нападающий ни обладал, какой бы способ развязывания ядерной войны ни избрал, он не добьется своих целей — возмездие последует неотвратимо. Поэтому наивно полагать, что можно зажечь ядерный пожар в Европе, а самим отсидеться за океаном.

В нашей стране считают, что сохранение мира неотделимо от ограничения гонки вооружений, от поэтапного разоружения. Однако нынешняя администрация США стремится поставить под сомнение все положительное, что было уже совместно достигнуто в области советско-американских отношений. А если говорить откровенно, то в последнее время усилиями американской администрации нагромождено много новых преград на пути к обузданию гонки вооружений. Советский Союз никогда не считал, что повышение уровня военного противостояния, эскалация ядерной конфронтации являются наилучшим способом сохранения мира. Именно поэтому только за два последних десятилетия СССР выдвинул свыше ста предложений, призванных создать надежные гарантии для предотвращения войны. 37 лет без войн в Европе — таков конкретный и внушительный показатель коэффициента полезного действия миролюбивой политики Советского Союза.

Ключевой вопрос современности — о мире и войне — волнует сейчас не только государственных и политических деятелей в различных странах мира, но и людей, далеких от политики, например, религиозных деятелей, врачей. На состоявшемся в городе Кембридже втором международном конгрессе «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» было принято Обращение к главе Советского государства Л. И. Брежневу и президенту США Р. Рейгану. В этом Обращении есть такие слова, наполненные глубоким смыслом: «Ядерное оружие должно быть в конечном счете уничтожено, пока оно не уничтожило людей». Л. И. Брежнев не замедлил откликнуться на это Обращение. В его ответе говорится, что он разделяет вывод о том, что ядерная война стала бы роковой для любой страны и любого народа, против которых было бы использовано это оружие. В этой связи глава Советского государства заявил:

«Избавить нашу планету от грозящей ей опасности, сохранить мир — высший долг руководителей государств перед своими народами, перед человечеством. Не истерзанную взрывами, а цветущую планету обязаны мы оставить грядущим поколениям. И чтобы свет не померк над землей, нужно без промедления создать неодолимые преграды ядерной войне».

Творится снова
В Ольстере расправа.
А бритт твердит,
Что он защитник права.

Юаровец,
Вершитель дел позорных,
Прикинулся
Ближайшим другом черных.

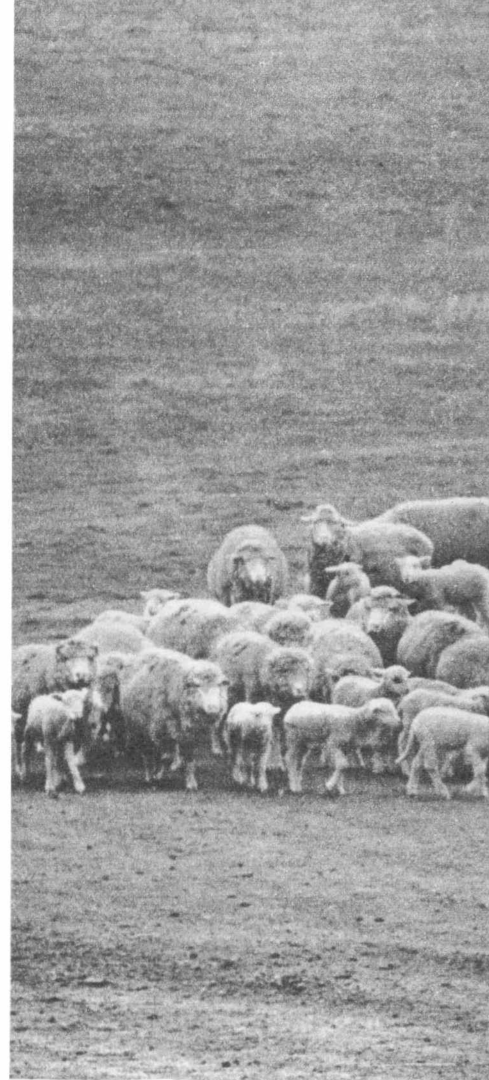
В Гаити
Крови пролито немало,
Но рядится
Диктатор в либерала.

Народы
Отвергают эти сказки
И с лицемеров
Сбрасывают маски!

ЗЕЛЕНАЯ ПОРА ИРГАКЛЫ

Николай БЫКОВ

Фото Бориса КУЗЬМИНА

Восточная окраина Ставрополья, далекая, судя по школьной карте, Ногайская степь. Коротко здесь время свежей растущей зелени. Старожилы знают, вот-вот подует астраханец, погаснут золотые свечи тюльпанов и опадут дикие маки, от Осетии до Маныча побуреет земля. И только Иргаклы, его рукотворные поля и пастбища останутся еще какое-то время зелеными. Бывало, печально оправдывались местные жители: полупустыня... Теперь со значением предупреждают приезжего: п е р в а я зона! Ставрополье после почвенно-климатической «переаттестации» и анализа, быть может, столетней информации об осадках поделили на пять зон экономического благоприятствования. Так вот, село Иргаклы, Степновского района, записали в первую зону, что практически означало молчаливое согласие со «стихийным» овцеводством и не более того. Оно так и есть, точнее — так и было до воды Терско-Кумского канала...

Об орденоносном колхозе «Путь к коммунизму» с центральной усадьбой в старом радушном селе Иргаклы рассказывали мне и в прошлом и в позапрошлом годах: «Оазис! А вокруг — черно, особенно после июльских метелей...» И называли человека, с именем которого связывали преображение дальнего восточного уголка сурового края: председатель Терещенко. Но сначала пишущие ездили годами в Григориполисскую, где урожаи росли как на дрожжах, потом устремились за новинками в Ипатово. В дальний же угол Иргаклы поманили деятельность дотоле неизвестного Н. Д. Терещенко и ее результаты. Репортеры зачастили к нему, а свет не ближний, край края... Но меня беда задержала: у председателя инфаркт. Миновали еще одна многотрудная осень и нынешняя, как никогда, тяжелая зима, которая после предательского послабления в феврале обрушила такой снегопад в марте, что в крае только чудом спасли сотни тысяч овец. Весну неурочные холода и сугробы задержали на несколько недель. Все это должно хотя бы упомянуть, потому что речь о степном селе, о той самой первой зоне, в которой отродясь не собирали ни сена, ни тем более хлеба.

...Иргаклы встретило оглушающим щебетанием птиц и буйной зеленью весны. Центр села обличьем своим и декоративными кустарниками, парадом неожиданных деревьев — ив, берез, невиданных здесь дотоле сосен, пирамидальных тополей,— напоминал открытки с видами курортных городков в полосе знаменитых вод.

Николай Дмитриевич Терещенко председательствует уже двадцать один год. Председателей с таким стажем борьбы и долготерпения не так уж много. Нет, он не тридцатитысячник, он моложе — гагановец (было и такое благородное передвижение сознательных коммунистов из передовых бригад и хозяйств в отстающие).

— Какая тому причина?— рассуждал вслух Николай Дмитриевич.— Молодость?.. Призвание?..

Терещенко из тех пятидесятилетних, которые не могут в этот факт поверить, которые только-только набрали высоту профессионального отношения и к жизни вообще и к проблемам производства в частности. Конечно, мы говорили о торосах сельскохозяйственной проблематики — о чем же еще говорить на краю «пахотной цивилизации»? Так вот кредо Терещенко: бич наш — иждивенчество. Родовой признак человека, не умеющего и не желающего быть хозяином, а этот признак — благоприобретенный. Терещенко из местных, и он помнит, как изыскивали воду, как дорожили ею. И как берегли жизнь всего зеленого, всего живого—счет шел на капли буквально. И был среди черной, выжженной земли вишневый сад—самое стойкое впечатление детства, наполненного войной, мобилизацией отца и матери, оккупацией, всем самым страшным и все-таки бессильным уничтожить образ вишневого сада в яви. Сегодня село Иргаклы и земли окрест по почину и с помощью Николая Дмитриевича обернулись оазисом.

Когда повторяли о местном ордена Трудового Красного Знамени колхозе — «оазис», я мысленно добавлял — «экономический». В самом деле, и образ сада, и парковая явь, клумбы и розарии — это все отрадное следствие экономической прочности предприятия да и самой здешней жизни. Колхоз богат. Ежегодная прибыль не менее двух миллионов рублей, но и колхозники живут так, словно укоренились не на земле п е р в о й зоны под крылом астраханца, а на кубанских черноземах: свои коровы, овцы, птица, виноградники, бахчи, а заработки в колхозе намного превышают оплату труда в округе. И все своими руками, потому что избранный в 1961 году председатель повел борьбу не за «выхода», не за «га мягкой пахоты», а за укоренение на земле. Ибо жил в нем, кроме образа вишневого сада местного чудака, еще и образ курая — перекати-поля. Обезлюдела к тому времени Ногайская степь, и вопрос о жизнестойкости, о способности корней добыть спасительную влагу был первым вопросом для Терещенко. Это долгая, трудная повесть наших дней... Николай Дмитриевич, опираясь на местных и только местных людей, способных «генетически» противостоять нестерпимым условиям степного бытия, добился значительных перемен в умонастроениях, в семейных бюджетах. Убедив сотоварищей, что обезручило их иждивенчество, ожидание привозных благ, он занялся великой селекцией подручного человеческого материала, помог гибкой системой морального и материального поощрения каждому проявить себя. «Надо крутиться! Мы все экономисты по самой натуре человеческой», — внушал председатель из года в год. Что дало государство? Землю, какая есть, десятки тысяч гектаров, воду канала, электричество. Плюс какая ни есть техника. Чего же ждать более? Думать, искать — смысл хозрасчета. И вот — нет, еще не итог, но путевая веха: денег колхозных в банке побольше, чем у остальных хозяйств района, вместе взятых. Но открытый счет в банке не самоцель, а источник жизни, как артезиан, и того прекрасного культурно-административного центра Иргаклы, и новых рукотворных севооборотов и пастбищ, и всего, чем богат и славен здешний колхоз Терещенко. Тут лучший в крае колхозный кормозавод: он дает до тринадцати тысяч тонн высокоценных гранул. Корм для скота — основа здешней экономики. Кормопроизводители — герои повседневной жизни. Но и на хлеб рукой не махнули: если средняя урожайность по району двадцать три центнера, то в колхозе давно намолачивают на круг по тридцать—тридцать два! Терещенко, вроде бы сидючи в Иргаклы, видит далеко окрест, мыслит он по-государственному широко и часто неожиданно. Николай Дмитриевич избран земляками в Верховный Совет РСФСР, член его Президиума, а на XXVI съезде партии его избрали кандидатом в члены ЦК КПСС.

В Иргаклы каждого как бы «натаскали» на понимание выгоды: «Человека надобно вызвать на отдачу, заинтересовать в жизни, чтобы он осознал пользу и необходимость своей работы, а не ловчил, не искал красивой жизни на стороне или в госкармане...» Так считал и считает Николай Дмитриевич. Степь... До ближайших железнодорожных станций сто и сто двадцать километров. Асфальт, бегущий от краевого центра, обрывается, так и не добежав до степновских хозяйств, и миллионные накопления не помогают хозяевам Иргаклы одолеть бездорожье. Но жизнь укоренившихся иргаклинцев продолжается. У них лучшие в округе овцы, лучшие бахчи, лучшие в районе музыкальные коллективы — детские и взрослые, лучшие специалисты — и все из местных. Идея Терещенко начала плодоносить. Прижились первые тридцать два гектара сада! И вот нынешней весной заложены новые и подняты на шпалеру прижившиеся виноградники — без них нельзя. Сады, виноградники, овощи на поливе — не только чистый доход, но и желанные точки приложения женских рук, которые при мощной ставке на механизацию оказались не у дел. Работа сообща для славных молодых девушек и женщин ни с какой их нуждой не связана, а есть потребность и жизненная необходимость, вовсе не обременительная, как можно бы, не разобравшись, подумать.

— Бывало, не только родители, но и учителя грозили селом! — говорил Терещенко. — Нельзя временно наведываться в поле, к овцам, к виноградной лозе... Жизнь в деревне — от весны до весны — марафон, а долгая дистанция требует особых людей. Село не любому доверишь!.. Селом не грозить бы, а награждать. Награждать самых умных, самых трудолюбивых, тех, чье призвание продолжать жизнь земли, воды, растений, скотины...

Иргаклы — награда тем, кто так и не покинул полуживую, когда-то безводную степь, кто одел ее в зеленое под жарообильной и несдержанной звездой — Солнцем. А прохладны здесь только живые листья садов и полей, да напоминание из учебника географии — Северный Кавказ...

Ветеринарный врач Валентин Головатов — делегат XIX съезда ВЛКСМ.

Отара Ивана Александровича Шевченко, лучшего колхозного чабана.

Герой Социалистического Труда Николай Дмитриевич Терещенко.

Весенний день в степи.

У Владимира Ивановича и Валентины Александровны Мачулы дом — полная чаша...

ЭТО ТРУДНОЕ ЧЕРНОЕ ЗОЛОТО

Сергей МАРКОВ

Иллюзия о практически бесконечных запасах нефти давно умерла. Мир ищет энергию. Уже с надеждой смотрят в океан, на ветер, на солнце. Мир ищет энергию нетрадиционную, повторяя порой, что «новое — это хорошо забытое старое». Вспоминают даже о простой крестьянской телеге с ее вечным двигателем — лошадью.

«Из маловажного источника энергии, которым она являлась в начале века, нефть превратилась в источник, на долю которого к середине семидесятых годов приходилось уже около половины всего мирового потребления энергии. Удобство ее использования, транспортировки и переработки, низкая стоимость добычи... привели к такому переходу к использованию нефти, который явился беспрецедентным в истории с точки зрения его быстроты и масштабов...» «Вскоре стало ясно: темпы роста потребления нефти должны будут значительно снизиться и добыча нефти как основного глобального источника энергии скорее всего достигнет своего пика еще до двухтысячного года».

Это выдержки из «Доклада по обобщению работы технических групп», сделанного на всемирной конференции ООН по новым и возобновленным источникам нефти, которая состоялась в прошлом году в Найроби. Ученые, дипломаты, инженеры, журналисты более чем из ста пятидесяти стран мира собрались для того, чтобы поразмыслить над вопросом, который в чем-то сродни гамлетовскому, от решения которого зависит будущее человечества,— вопросом об источниках энергии.

Но все-таки нефть, хоть «век ее уже измерен», остается основным, самым необходимым компонентом прогресса, который выражается всем тем, что заключено между керосинкой и космическим кораблем.

Сегодня встает задача научиться оставлять в земле как можно меньше нефти, стать расчетливыми хозяевами нефтеносных пластов.

«А возьмите, например, нефть,— говорил Леонид Ильич Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии.— Огромные резервы заложены в повышении ее извлекаемости из недр». И далее: «...стержнем экономической политики становится дело, казалось бы, простое и очень будничное — хозяйское отношение к общественному добру, умение полностью, целесообразно использовать все, что у нас есть».

Во Всесоюзном нефтегазовом научно-исследовательском институте Министерства нефтяной промышленности мне показали экспериментальную установку внутрипластового горения.

Все, как на настоящих нефтеразработках. Песок, вода, нефть. Вход в пласт, вернее, в модель пласта, нагревается до двухсот пятидесяти градусов, то есть до температуры воспламенения нефти. Затем с помощью небольшого компрессора в модель закачивается воздух. На входе в модель нефть воспламеняется, и образующийся в результате этого фронт горения перемещается по пласту, а продукты горения вытесняют из пласта основной запас нефти. Вместе с газами горения нефть выбивается из противоположного конца трубы.

— Казалось бы, парадокс — нефть добывают с помощью огня. Но тем не менее сегодня для повышения отдачи нефтяного пласта метод внутрипластового горения весьма перспективен,— говорит мне директор ВНИИнефть доктор технических наук Гадель Галяутдинович Вахитов.— Эксперимент, который вы наблюдали в лаборатории тепловых методов разработки нефтяных месторождений, проводится для получения данных по конкретному месторождению — Гнединцевскому, неподалеку от Киева. Нефть там добывается уже более пятнадцати лет. Используется основной сейчас, самый распространенный метод заводнения, то есть вытеснения нефти водой. Долгое время добыча здесь была устойчивой, и отдача пласта составляла больше половины от начального содержания.

Однако в последние годы в добываемой продукции резко возросло содержание воды: на один процент нефти приходилось... 99 процентов воды! Нужно было что-то решать: оставить месторождение или применить более эффективный метод добычи. В нашем институте и в Украинском ГИПРОНИИнефть были проведены лабораторные и теоретические исследования, показавшие принципиальную возможность получения добавочной нефти из Гнединцевского месторождения методом внутрипластового горения.

— Вы сказали: больше половины? То есть остальная нефть оставалась в пласте?

— Совершенно верно. Не меньше половины нефти пока остается в земле, в недрах. Применяемые методы уже практически неспособны увеличить степень извлечения нефти из пластов. В этом и заключается основная проблема.

Потребность страны в нефти, с каждым годом возрастающая, диктует необходимость открытия и введения в действие новых и новых месторождений. Причем в европейской части страны перспектива открытия новых месторождений невелика. Основной прирост ожидается за счет месторождений, расположенных в труднодоступных, малообжитых районах Сибири и Дальнего Востока.

Их освоение требует громадных трудовых и материальных затрат. Поэтому, естественно, нельзя спокойно относиться к тому, что в старых месторождениях мертвым грузом лежит нефть. Ведь один процент дополнительной добычи нефти равен открытию нового крупного месторождения.

— Кроме того,— продолжает Г. Г. Вахитов,— известно, что нефтяные месторождения делятся как бы на две категории: с маловязкой нефтью, удобной для добычи, и с трудноизвлекаемыми запасами, нефтью высоковязкой, парафинистой... В мире в последнее время особенно встал вопрос об увеличении наряду с добычей нефти первой категории нефти и второго вида, трудного черного золота.

...В свое время метод заводнения совершил в нашей нефтяной промышленности поистине революцию. До его внедрения вообще добывалось не больше пятнадцати — двадцати процентов первоначально содержащейся в пласте нефти.

При заводнении в глубь земли закачивается в основном холодная вода. В ряде случаев она остужает нефтесодержащие слои и вызывает выпадение парафина из нефти. Постепенно он уменьшает пористое пространство пласта, через которое нефть течет к добывающим скважинам, начинается как бы «склероз» пласта. В такого типа трудных месторождениях проблему эту можно решить одним путем: закачивать горячую воду. Но возникал естественный вопрос: где взять столько горячей воды? Ведь это же реки!

Можно делать так, как в Татарии: там нагнетают в месторождения воду, сбрасываемую Заинской электростанцией. Можно заставить термальные подземные воды подниматься из нижних горизонтов в нефтяной пласт самотеком или с помощью насосов, применяя существующие скважины. Есть возможность нагревать поверхностную воду теплом земли, создавая систему специальных скважин...

Высокая температура, конечно, не единственное, что влияет на способность воды вытеснять нефть. Если при закачке к воде добавлять поверхностно-активные вещества, напоминающие обыкновенный стиральный порошок, вымывающие свойства воды заметно улучшаются. Гуще и активней становится вода с полимерной добавкой. Хорошо помогают концентрированные кислоты и щелочи, а так называемое мицеллярное заводнение — комбинированный способ с применением особых растворов — способно довести нефтеотдачу до необыкновенно высокого уровня — семидесяти и более процентов.

Однако применение всех этих способов имеет смысл, когда речь идет о добыче нефти маловязкой, легкой. В разработке же трудных месторождений с высоковязкой нефтью вода помочь не может. Нужно вводить в пласт тепло, нагревать нефть, делая ее более подвижной.

Например, с помощью метода нагнетания в пласт пара заметно увеличена нефтеотдача месторождений Краснодарского края, Коми АССР, Украины, Азербайджана... Применение этого метода позволило, по существу, возродить месторождение Оха на Сахалине, где уровень годовой добычи тяжелой нефти удалось увеличить примерно в три раза и достигнуть уровня добычи в начальный, самый продуктивный период разработки, в 1930-х годах. И это произошло всего лишь через пять лет после начала внедрения метода, когда тепловым воздействием была охвачена сравнительно небольшая часть запасов нефти месторождения. Вот уже девять лет (и это тоже рекорд) высокий уровень добычи нефти стабильно поддерживается на этом почти было заброшенном месторождении.

Внедрение метода на участках,

разработка которых завершается с применением нагнетания пара, позволило почти в три раза увеличить нефтеотдачу по сравнению с достигнутой за 45 лет обычной эксплуатации месторождения. Следовательно, в залежах тяжелых, высоковязких нефтей применение пара сможет увеличить нефтеотдачу более чем в два раза. В масштабах страны это сотни миллионов тонн.

— Опыт, накопленный на месторождении Оха, вселил уверенность в эффективность масштабного внедрения метода,— говорит заведующий лабораторией тепловых методов разработки нефтяных месторождений доктор технических наук Аркадий Анатольевич Боксерман.— Важно и то, что здесь применялась новая отечественная технология нагнетания пара в сочетании с заводнением. Однако этот прогрессивный метод имеет существенный недостаток. На пути доставки пара от генерирующей его установки до пласта по поверхностным паропроводам и в стволе скважины теряется довольно много тепла. Очевидно, чем глубже залегают нефтяные пласты, тем больше теряется тепла, тем значительнее технические проблемы доставки пара. Поэтому чаще всего метод нагнетания пара применяется на сравнительно неглубоких месторождениях — до 500—700 метров.

Что же делать, если пласт находится гораздо глубже? Ученые и конструкторы работают сейчас над созданием такого генератора пара, который можно было бы опустить в скважину, поближе к пласту.

Родилась идея: генерировать пар непосредственно в пласте с помощью внутрипластового горения...

...Еще в 1888 году гениальный русский ученый Дмитрий Иванович Менделеев выдвинул идею использования подземного горения для добычи углеводородов. А в начале 1930 годов в СССР впервые в мире советские ученые А. Б. Шейнман и К. К. Дубровай предложили метод внутрипластового горения для добычи нефти, осуществили его в лабораторной установке и провели первые промысловые испытания.

Пластовая нефть воспламеняется при помощи электронагревателя, химических веществ или газовой горелки. Мощные компрессоры закачивают в пласт воздух, поддерживая горение. Топливом служат тяжелые, неподвижные фракции нефти, то есть сгорает самое малоценное в нефти — асфальтены, некоторая часть смол. Всего сгорает десять — пятнадцать процентов от начального нефтесодержания пласта. Основная же масса нефти оттесняется продуктами горения к добывающим скважинам. Нагнетание воздуха обеспечивает по мере выгорания топлива перемещение фронта горения по пласту, а тем самым и непрерывное перемещение нефти к добывающим скважинам.

Исследования, проведенные во Всесоюзном нефтегазовом научно-исследовательском институте, показали, что если вместе с воздухом в пласт закачивать некоторый объем воды, то на фронте горения она превращается в пар, в результате чего пласт прогревается быстрее. Пар движется впереди фронта горения и ускоряет вытеснение нефти. При этом количество сжигаемой нефти уменьшается в два-три раза.

— Первые в стране промысловые испытания этого метода были начаты промысловиками Азербайджана на площади Хорасаны,— рассказывает А. А. Боксерман.— А сейчас на участках пласта, через которые прошел фронт горения, нефтеотдача выросла в три-четыре раза. Опыт, полученный в Азербайджане, стимулировал развитие испытаний прогрессивного метода в Казахстане, Башкирии, Коми АССР...

— Аркадий Анатольевич, стало быть, метод внутрипластового горения практически безупречен? Или у него есть свои трудности и недостатки?

— Многие специалисты, ученые и инженеры считают, что методу внутрипластового горения принадлежит будущее. И для этого есть основания. Потенциальные возможности внутрипластового горения значительны. Ведь в процессе его реализуется большинство известных к настоящему времени механизмов воздействия на пласт, повышающих его нефтеотдачу. Но используется пока в должной мере лишь один — механизм вытеснения нефти паром. Большое значение имеет начатый промысловиками и учеными Украины эксперимент на Гнединцевском месторождении. Уже сейчас в ходе этого опыта накоплены новые факты, свидетельствующие о том, что процесс внутрипластового горения может быть реализован даже в обводненном пласте, содержащем легкую маловязкую остаточную нефть...

Однако до масштабного применения метода необходимо решить ряд технических и технологических задач. Прежде всего нужно научиться управлять процессом горения. Не просто в пласте направить горение туда, куда нужно...

Для этого, в частности, нужно оснастить нефтяные промыслы различной контрольно-измерительной аппаратурой. А обеспечивается ею нефтяная промышленность и в недостаточном количестве и в недостаточном ассортименте.

Нельзя забывать также, что в процессе горения образуются оксиды углерода, серы и некоторые другие вещества, которые могут загрязнять атмосферу и оказывать вредное воздействие на здоровье человека.

Недавно мне попалась любопытная цифра. Чтобы изъять из атмосферы окись углерода, выбрасываемую одним автомобилем, необходима целая дубовая роща в сто пятьдесят деревьев. При добыче нефти, естественно, цифры будут, мягко говоря, другими.

Необходимо рационально организовать комплексное использование добываемой продукции. Углекислый газ, например, можно закачивать обратно в пласт и увеличивать тем самым его нефтеотдачу... Но для этого нефтяникам нужно обеспечить установками для отделения из газообразных продуктов горения углекислого газа от азота, который, кстати говоря, может быть использован для производства удобрений.

Разработки ученых необходимо воплотить в жизнь, решив проблемы и трудности, которые стоят сегодня перед нефтяниками. Черное золото окупит сторицей.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. А. СТЕЛЬМАХА

ПЕВЕЦ ПРАВДЫ И МУЖЕСТВА

Тема земли, судьбы человека-труженика традиционна в украинской литературе. Новых высот эта тема достигла в творчестве Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий Михаила Афанасьевича Стельмаха.

М. Рыльский отмечал, что «человек и земля — вот ось, вокруг которой вращается цикл романов Стельмаха». И действительно, в стельмаховском селе, как в большой прозрачной капле воды, отражаются самые острые проблемы XX века: рождение нового человека, нового общества, новой морали.

«В рассказах, повестях, романах моих,— писал М. Стельмах,— тот мир, который больше всего знаю: село на нашей Украине, отцы наши, что саблями добывали в гражданскую войну новый мир, матери, которые приносят материнство, как мадонны золотого Возрождения, те люди, которые пашут и сеют и имеют большую радость от хлеба насущного, что по своей форме похож на солнце». Глубокие размышления о жизни и законах непрерывности бытия, о «власти земли», о борьбе труженика и о счастье, которое он испытывает в суровой борьбе, о трагедии «окольных путей» и опять обретенной родине — все это создает живой импульс эпопеи народной жизни.

Жизнь для Стельмаха — это движение, активность, это столкновения и конфликты. В мире он видит две взаимоисключающие силы — добро и зло, правду и кривду, человечность и жестокость.

Доброта героев Стельмаха — в понятии вечного труда, истоки этой доброты — в осознании социального содержания понятия «хлеб». Для комиссара («Дума про тебя») хлеб и зерно — Святыня, с большой буквы, воплощение важности человеческого труда.

У писателя есть излюбленный типаж. Он создает «подвижные» типы, по-своему родственные, целостные, но одновременно меняющиеся. Мирошниченко («Кровь людская — не водица») в каждом человеке может найти и взлелеять лучшие черты его характера. Марко Бессмертный является воплощением глубокого партийного доверия к человеку. Для Григория Нечуйвитра «людская правда — выше любви». Данило Бондаренко («Четыре брода») не мыслит себя вне народных интересов. По Стельмаху, духовный мир человека — зеркало, в котором отражается богатство общественной жизни.

М. Стельмах — певец человека труда. Он любит его, восхищается его талантом, гуманностью, активной волей к переустройству мира. Уже в первом сборнике рассказов, «Березовый сок» (1944), автор поведал и о суровой борьбе с фашизмом, и о гуманистической активности советского человека. Художник стремится постигнуть глубокие внутренние переломы в характере современника. Ключ к ним — влияние социалистической действительности на формирование внутреннего мира советского человека. В романе «Правда и кривда» герой Стельмаха «котовским клином вырубал окна новой истории, позже ломал шею фашизму, а сейчас каждую весну и осень засевает землю пшеницей и рожью на счастье, на здоровье и разум». В романе «Кровь людская — не водица» писатель утверждает человеческую личность, красоту ее дел и подвигов, «трагических часто, но всепобеждающих и бессмертных».

Обновление труженика, приобщение его к революции, к творчеству является центральным в романах выдающегося украинского писателя. Крутые повороты истории, отражение революционных событий проходят сквозь сердца и души, личную жизнь героев, неминуемо диктуя нравственный выбор. Гуманизм и революция у Стельмаха неразделимы.

Историко-революционный цикл романов Стельмаха открыл для украинской прозы характер человека-борца, очень реальный, насыщенный бытовыми, психологическими подробностями. На вопрос: «Что является важным для вас в человеческом характере?» — М. А. Стельмах ответил:

— Красота деяний, творчество, разум и влюбленность в мир.— А по другому поводу он заметил:

— У нас часто так бывает, что когда пишут о герое, то его стремятся возвести на пьедестал. А герои ходят среди нас, живут с нами. Это обыкновенные люди. Но где бы они ни работали — в шахте или в поле,— они люди творческие. А еще они люди, которым раньше всех светит луч солнца.

Писатель-романтик, выдающийся мастер современной прозы, человеколюбец Михаил Афанасьевич Стельмах принадлежит к тем художникам, которые шагают в ногу с нашим быстротекущим временем.

Н. ТКАЧУК,
кандидат филологических наук

Тернополь.

К. П. ГЕМП

СКАЗ О БЕЛОМОРЬЕ

Биография этой книги необычна.

Четыре года назад, когда ее автору, Ксении Петровне Гемп, известному биологу и несравненному знатоку русского Севера, исполнилось 83 года, ее постигла беда — она сломала ногу и оказалась наглухо прикованной к своей небольшой квартирке в доме на набережной Ленина в Архангельске.

Впервые за многие-многие годы у этой неукротимой женщины, наждодневно занятой работой ученого и краеведа, общественника и лектора, появилось время, когда она могла оглянуться назад, всмотреться в прошлое, в свою необычайно яркую и богатую жизнь.

Так родилась эта книга. Книга, написанная удивительно молодо, свежо. Книга, в которой воедино сплавлены впечатления далекой молодости с сегодняшним днем.

Ксении Петровне есть что вспомнить, есть что рассказать. Бестужевка, современница легендарных исследователей Арктики Георгия Седова и Владимира Русанова, с которыми она была в дружеских отношениях, очевидец революции и гражданской войны на Севере, человек, который своими ушами слышал вещее слово Марии Дмитриевны Кривополеновой, этой великой сказительницы с Пинеги...

Главной привязой К. П. Гемп, ее любовью на всю жизнь стало Беломорье, его люди. И потому сказание о Беломорье стало и сердцевиной ее книги.

С Белым морем К. П. Гемп впервые встретилась еще в детстве, и с тех пор она уже не расставалась с ним. Долгие и долгие годы возглавляя Архангельскую водорослевую лабораторию, она вдоль и поперек избороздила это крутое, своенравное море — на судах, на парусниках, на рыбачьих лодках.

Белое море Ксения Петровна читает как книгу. Она хорошо знает его переменчивый характер, ей ведомы все ветры и подветерья, она может, что называется, назубок перечислить все острова и островки, все отмели и «кошки» — а их сотни, тысячи.

Но, конечно, с особой, покоряющей силой пишет она о поморах — об этом удивительном племени бесстрашных и многотерпеливых людей, выкованных суровым морем. Да по образу жизни своей, простой и аскетичной, по складу характера она и сама сродни поморке. Ну-ка, многие ли способны на такое — в 75 лет спуститься в Белое море на глубину 56 метров?! А Ксения Петровна отважилась.

У нас изрядно подзатаскано словечко «энциклопедия». Но повествование К. П. Гемп о поморах, о их жизни и быте, о их нравах и обычаях, об особом — высочайшем — в их среде культе слова можно без преувеличения назвать энциклопедией народной культуры Беломорья.

К какому жанру отнести книгу К. П. Гемп? К воспоминаниям? К этнографическим очеркам?

Есть, есть в ней страницы, обращенные к прошлому, и тогда появляются скупо, но рельефно очерченные портреты людей широко известных и безвестных, выхваченных из гущи народной жизни. В книге бездна этнографического материала. И все-таки это не воспоминания, не записки этнографа.

Это свободный, раскованный рассказ человека, который выступает в самых разнообразных ипостасях: то как неутомимая, более чем с пятидесятилетним стажем труженица моря, то как ученый-биолог, то как географ и историк, то как этнограф и фольклорист. И потому таким богатством содержания и красок отличается эта книга. Книга, которая, я не сомневаюсь, будет с живейшим интересом встречена самым широким читателем.

Федор АБРАМОВ

СКАЗИТЕЛЬНИЦЫ

На Севере знают и почитают устное народное творчество, ценят его слово, мудрое и меткое, слово, смягчающее печаль, слово веселое, разгоняющее тоску. Уважительно относятся у нас к творцам, сказителям-хранителям, а также и к собирателям былин, старин, сказаний, песен, сказок, поговорок, загадок, речений и слов. Все эти творения — сокровищница языка, показатель его развития, зеркало истории, характера народа, его чаяний и достижений, его культуры.

Различными путями пришли на Север творения новгородские, киевские, владимирские, московские, некоторые из них не сохранились на своей географической родине, но прочно закрепились на Севере, пополнились вариантами. Причины тому разнообразные — и исторические потрясения, не затронувшие Север, который поэтому и мог принять пришельцев с Днепра, Волхова, Волги, и суровые условия жизни северян. Для них слово прежде всего несло знакомство с миром далеким, и реальным, и фантастическим. И этот мир уже становился близким, родным, своим. И свои слова поморские, важеские, пинежские складывались в новые местные песни, сказания, сказки, а кроме того, и варианты сказов пришельцев.

Немало на Севере сказителей, подлинных художников слова и исполнения — пропевания и сказывания. С некоторыми из них мне посчастливилось повстречаться. Талантом, даром импровизации, чутьем слова былинного, а также и песенного строя, проникновением в суть исполняемого произведения, сопереживанием с его событиями и героями особенно памятны М. С. Крюкова и М. Д. Кривополенова.

Впечатления об этих сказительницах у меня сложились по их публичным выступлениям, а кроме того, и по встречам с М. Д. Кривополеновой в Петербурге, в Архангельском обществе изучения Русского Севера и в Кружке любителей изящных искусств, а с М. С. Крюковой в Географическом обществе. Марфа Семеновна Крюкова долгую жизнь, 78 лет, прожила в деревне Нижняя Золотица на берегу Белого моря. Она поморка и по облику и по манере держаться. Высокая, статная женщина, походка ее неторопливая, плавная, голову несет горделиво, у нее твердый, упрямый подбородок, серьезный взгляд, брови нередко чуть хмурятся, улыбка сдержанная. Жест ее несколько замедленный, но вдруг прорывается широкий, даже размашистый. Голос ее — голос северянки, жительницы морского берега, привыкшей не раз перекрывать шум ветра и волны. Слова она произносит четко, сохраняя все особенности беломорского говора, не преувеличивая их, сказ ее размеренный, тон убежденный и часто торжественный.

Марфа Семеновна знала, что она хранительница бесценного клада, не сомневалась, что россыпью его, коль ее охота будет, она не только одарит, осчастливит, но и поразит, удивит слушателя. Не всем дано это счастье, а ей, Крюковой Марфе Семеновне, отпущено в полную меру.

При новом знакомстве, поприветствовав, Марфа Семеновна разговора не начинала, ждала обращения к ней. На вопросы отвечала сразу же коротко, будто предвидела их и готовилась к ним. Одежда для выступлений у нее была обдумана, она носила длинный сарафан поморского кроя и на плечах богатый плат, голову повязывала цветастым, но приглушенных тонов платком.

Перед выступлением Марфа Семеновна приветствовала слушателей сдержанным поклоном и легким движением правой руки. После выступления, под шквал аплодисментов, кланялась в полпояса, торжественно, с достоинством, безулыбчиво.

Выросла Марфа Семеновна в семье и в окружении потомственных сказителей. Мать ее, Аграфена Матвеевна, была известной сказительницей, от нее было записано 62 былины и исторические песни. Пропевал и ее отец, Семен Васильевич. Марфа Семеновна в детстве читала все, что могла достать у себя в деревне. Знакомилась с записями былин, но позднее не любила вспоминать об этом, считала, что в прежних записях много неточностей. Много сюжетов различных старин было известно ей также с детства и от других золотицких сказителей. Пропевала, «как в Золотице вели».

Сюжет для Марфы Семеновны — исполнительницы был главной основой в ее творчестве. Она обладала огромной памятью, богатейшим словарем и изумительным талантом импровизатора. Зная сюжет, она сама создавала былины и многочисленные их вари-

Отрывки из готовящейся книги.

анты. Так сложился у нее громадный запас различных старин. Марфа Семеновна была требовательна к точному воспроизведению былин другими сказителями. Сама же часто развертывала отдельные былинные эпизоды в самостоятельные старины со многими новыми деталями. Ей казалось: конечно, она пировала в хоромах стольного града Киева за дубовыми столами, крытыми браными скатертями, обмирала при встрече с Чудищем поганым, дивовалась на свист-посвист Соловья-разбойника.

Начиная пропевать, она была сдержанна, но быстро увлекалась, глубоко переживая события тысячелетней давности, погруженные и в явь и в фантазию. Древние произведения она постоянно дополняла, вновь окрашивала своим личным отношением к былинным событиям и к их участникам, она часто оценивала их действия. При этом она не сбивалась с былинного ритма на прозаический рассказ, но в разговоре иногда переходила на былинный размер. Она не только вживалась в мир своих героев, но и привносила в него свои поморские представления. Пропевания были для нее основным, главным делом ее жизни, поэтому-то она охотно и даже радостно соглашалась на запись ее сказываний, интересовалась их изданием. Пропевала она свободно, слов и выражений не подыскивала, выразительно акцентируя и делая паузы.

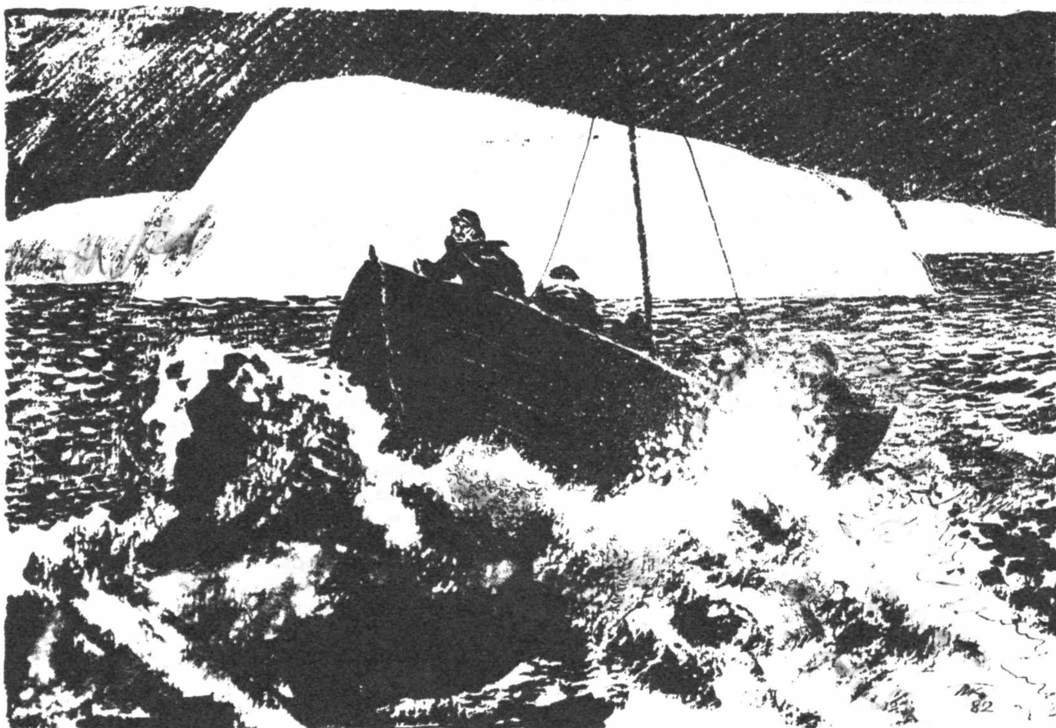
Вся жизнь Марфы Семеновны Крюковой — непрерывный труд, творческий, радостный для души. От нее записано более 150 былин, много сказок, пословиц, а также сказаний и о советской действительности, связанной с именем В. И. Ленина. Это талант удивительный, осознанный сказительницей, приумноженный трудом и всеми признанный.

Кривополенова Мария Дмитриевна — сказительница иного склада. Небольшая, сухонькая, быстрая и подвижная, шаг у нее опытного пешехода, взгляд острый, все подметит, при разговоре, а особенно когда сказывает, каждая морщинка загорелого, темного лица играет. Смешливая и насмешливая, и какая-то наивно доверчивая, многое удивляло ее, удивление она выражала открыто и словами, и восклицаниями, и жестами. Жест ее быстр, краток и предельно выразителен. Вот шевельнул лапками кот, подбираясь к миске с пирогами, вот курочка присела, чтобы яичко снесть, вот скоморохи в пляс пошли, а вот и сам Иван Грозный думу думает, и перед ним в трепете держит ответ его сын. Слышим рокочущие низы Микулы Селяниновича и чистый, хрустальный, звенящий голосок — щебет пташки, прилетевшей на поднятый Микулой пласт земли зернышки склюнуть. Все зримо, каждый жест идет в ряд со словом. Голос ее поражал глубиной, силой и музыкальностью, было в нем что-то от органа. Это голос большой певицы. Интонации у нее тонкие, иногда только намек, но есть и выразительный акцент и выдержанная, многозначительная пауза. Одевалась она бедно, темный сарафан на лямках, рубашка с воротничком-каблучком, белые рукава с розовыми ластовицами, на голове светлый ситцевый платочек, повязанный «по обличью».

При выступлениях поддерживала связь со слушателями, рукой им помахивала, широко улыбалась, нет-нет и какое-то словечко бросит им мимоходом. Память у нее огромная. Обычно стародавнее, то есть былины и исторические песни, она пропевала, сохраняя всегда один текст, дословно, как запомнила «с давеших пор». Но были у нее и варианты этих произведений, созданные ею, она всегда оговаривала их — «поют еще и едак». Но в небывальщинах и неслыхальщинах она импровизировала широко и вдохновенно. Своим пропеванием она стремилась доставить слушателям удовольствие воспоминаниями о стародавнем, а небывальщинами порадовать, повеселить их. При этом сама была и довольна и весела. Думалось, что, пропевая небывальщины, она была уверена: «У нас на Пинеге и не такое еще бывало».

Легко, без жалоб прошла Мария Дмитриевна по земле, и многим принесла она не только утеху, но и утешение. А жизнь ее была нелегкой, об этом ясно говорили ее руки, натруженные, с крупными венами, они устало и както печально лежали на ее коленях, когда она отдыхала. Они оживали при работе и при пропеваниях. Она радовалась кусочку хлебушка, коль подан он был с добрым словом, и всегда отвечала подавшему своим поэтическим благодареньицем.

Памятна мне встреча с Марией Дмитриевной в Архангельском кружке любителей изящных искусств. Ольга Эрастовна Озаровская рассказывала о своих записях пропеваний сказительницы, а Мария Дмитриевна пропела о стольном граде Киеве и несколько пинежских небылиц. Затем за чайным столом зашел разговор о необходимости для Марии Дмитриевны выехать из деревни, ее зовут и в Архангельск и в Москву, на родине у нее жизнь тяжелая, в нужде, а в городе ей будет жить легче, в Москве запишут все ее пропевания, которые от нее записаны не все, а их «край непочатый, шире Пинеги», по ее словам. И вот как ответила Мария Дмитриевна: «Нельзя мне в городе жить, душа моя замрет без домашнего воздуха отецкого да материнского. О тяжелой жизни говорите, какая же это тяжесть. Ну, плохи, неподходящи бывают дни там или недели. А радости да восторгу сколько на родительской-то земле! Как земля зацветет, травы встанут, лесины в каком наряде стоят. Зимой снега землю греют, укроют ее. Я зимой всюду поспела, зимой дорога открыта, в каждой деревне в любой дом захожу, хозяйки зимой дома, к вечерку люди соберутся на мой приход. Как знакомая всем, и веду свои пропевания, небывальщинами тешу. Люди слушают, смотрю, какие лица да глаза у них, у каждого своя дума радостная, а то и печальная. Подпевают небывальщинам. Тут мне и радость. Добрым словом меня награждали, никогда обиды не видела. Марьей Дмитриевной прозвали, разве какая одногодка Марьей или Машуней назовет по-свойски. Ночевать все приглашали. Как уходить стану, хлебушка, шанег дают, а иной раз даже и сахару». Да, даже сахару, вот какая жизнь была.

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА

Посмотрела она на всех, маленькая, худенькая, лицо обветрело, голова платочком повязана, радостно засмеялась, махнула рукой. «Вы, бабоньки, не верьте тяжелой жизни, оговорилась Эрастовна, на людях я живу».

В 1978 году встретилась я с пинежанкой А. Г. Чарнусовой, ей мать рассказывала о М. Д. Кривополеновой. «Проворная такая, везде поспевала и во всем успевала, а кажись, и не спешила, не суматошилась».

И еще один облик Марьи Дмитриевны: «Говоркая она, засмеется так тоненько и глаза прищуривает».

И еще следует вспомнить. Было это в Петербурге. О. Э. Озаровская обещала рассказать слушательницам Бестужевских курсов о своих записях фольклора на Севере и познакомить с М. Д. Кривополеновой. На встречу все собрались в десятой, самой большой аудитории. Ждем. Марья Дмитриевна вошла быстро, плотно ступая, одета была обычно, сделала два-три шага, всплеснула руками, заулыбалась и громко воскликнула: «Девок-то, девок сколько!» — и взобралась на кафедру. Встреча всех сразу обрадовала, и радость сохранилась надолго.

Такой неповторимой она в памяти и осталась. Талант особый, всегда радоваться жизни и человеку. Талант сердца.

Вспоминая сказительниц, следует вспомнить и тех, кто дал широкую жизнь их творениям. Записи былин М. С. Крюковой в основном провела Э. Г. Бородина-Морозова. Запись произведений М. Д. Кривополеновой организовала О. Э. Озаровская.

ОЖИДАНЬИЦА

Не раз слыхала я сказывания женщин, ожидающих отцов, мужей, сыновей с морского промысла. Сказывания эти особенные, в быту их называли «ожиданьице». «Она, Матрена, ладно ведет ожиданьице»,— говорили поморки Кушереки о своей соседке. В них и страх за судьбу близких, и ожидание скорой встречи, и заклинание враждебного бурного моря, супротивного ветра, коварных подводных камней и наносных песчаных «кошек». И исполнение их особенное — речитативом, с певучим растягиванием тех слов предложения, которые следовало выделить как основные для выражения мысли. В голосе иных женщин слышалось подавленное рыдание. Но ни одна не причитала. Слезам не было места, все ждали в тревоге, но все надеялись.

В погоду или при долгом запаздывании возвращения промысловиков женщины выходили на угор, высматривали, не чернеет ли суденышко, не белеет ли парус. Выходила одна, появлялись вторая, третья. Некоторые в тревоге ходили по угору, некоторые сидели в одиночку или небольшими группами. Собиралось пять — десять ожидающих, иногда больше.

Ожиданьица были импровизациями, они возникали и в зависимости от внешних условий, сколь бурно море и силен ветер, и от ожидающих, была ли это старая мать или молодая жена. У каждой была своя тревога, свои надежды. И удивительно, они складывали, не сговариваясь, одно общее ожиданьице. Одна начинала как бы про себя, другие, иногда после значительного перерыва, продолжали, но

они не прерывали друг друга и не соблюдали какой-либо последовательности. Ожиданьица отличались от песен, былин, плачей характером и содержания и исполнения. Они не передавались дочерям от матери, каждое ожиданьице — новое произведение. Но у всех ожиданьиц, речь идет только о тех, которые я слышала, было и общее — традиционные выражения, определения, словосочетания, поэтому казалось, что каждый раз складывается особый вариант какого-то давнего творения, порожденного чувствами, обуревающими человека в тревожные или радостные моменты жизни. Переживания женщин были сходными. Их вызывали одинаковые причины.

Ни одна женщина не порицала море. «Отзовешься неладно, рассвирепеет»,— объяснила мне одна из ожидающих, а вторая добавила: «Живем веть им».

«Море не кротеет, а затемнилося.
Ох, рванет полуношник нежеланный.
Встанет взводень, зарыдат.
Да, свистит полуношник, пылит по морю-океану.
Пену с гребня волны рвет.
Бьет о суденышко наше, то вздымает, то кроет его.
Воды на берег накатом падут тяжким.
Где ты, кормилец детушек наших?
Знаешь все дороженьки морские,
Кажинный камушок тебе известен.
Не раз буря-шторм тебя пытали,
А все к дому ты шел, звезда вела невидимая.
Хранительница дома нашего матерь христова.
Уймись ты, море Белое, студеное,
Почитаем тебя за кормильца нашего.
Жизни нашей нету без тебя.
Отвори ты, море Белое, дорогу мужикам да сынам нашим.
Утешение дай нам, ожидающим».

Это ожиданьице я слышала в 1911 году в Яреньге на Летнем берегу.

Многие ожиданьица женщины повторяли, варьируя их. «Море не кротеет, а затуманилося»,—скажет одна. «Затуманилось наше море»,— откликнется другая. «Не кротеет, не кротеет наше море, все туманится»,— подтвердит третья. Много вариантов было на слова «Ох, рванет полуношник нежеланный», сразу же откликается другая «Негаданный накроет полуношник», или «Тяжко будет, как налетит ветер с полночи», или «Полуношник, он и есть полуношник темный», «Темный, да ярый»,— прозвучит еще голос.

Новые строки ожиданьица вела не одна и та же женщина, а любая из них. Создавалось впечатление сердечной беседы о самом заветном, сокровенном, близком каждой собеседнице.

В 1913 году записано ожиданьице в Сюзьме на Летнем берегу.

«Небо померкло, на море света не шлет.
Тучи заклубилися, пуще мрак насылают.
Звезд не видать, не кажут пути моряку.
Полуношник свищет, страшит.
Вода тяжко бьёт, берега заливает.
Зги не видать, паруса не белеют.
Где вы, кормильцы наши, бьётесь с морем.
Одна надёжда у вас — своя головушка, да рученьки.
Все дороженьки морские знакомы вам.
Не раз горевали в погоду.
Не страшились ветра с полуночи.
Не боялись взводня морского.
Воды морской тяжелой, холодной, солоной.
Не погубит вас море наше Белое.
Не оставит сирот разнесчастными.
Не оставит и матерей бедовать.
Уймется, откроет дорогу вам.
К дому родному, к теплу приведет.
Море морюшко, любое наше, уймися».

Колежма — старинное село, упоминается оно в документах 1548 года как Колежемская волость, владение Соловецкого монастыря, имеющее свои промысловые станы на Мурманском берегу в Териберке. Раскинулось оно на Поморском берегу Онежского залива длинными порядками крепких, поморской стройки, рубленых деревянных домов. В прошлом в центре села стояла старая, XVI века, деревянная церковь в честь св. Климента. На угоре вытянулись в ряд амбары, бани, стойки для сушки сетей. На берегу, у уреза воды,— лодки, карбаса.

Жители варили соль — в XVI—XVII веках было здесь 8 варниц, принадлежали они монастырю,— промышляли рыбу, морского зверя, строили суда. В XVIII—XIX — начале XX вв. возили в Норвегию для продажи муку и зерно, которые закупали в Онеге, вывозили рыбу, главным образом лабардана и пластуна, для продажи, а для своей потребы привозили ткани, сахар, кофе, трубочный табак. Любили в прошлом поморки рядиться в канифасные сарафаны и кисейные рукава, побаловаться кофейком, а поморы предпочитали самокруткам трубку-носогрейку с рубленым табаком.

Ожидая возвращения рыбаков с Мурманской страды или из «Немецкой стороны», их жены, матери, ребятишки, как и в других селах Беломорья, выходили на берег и невольно делились друг с другом своими переживаниями. Так складывались и здесь ожиданьица.

В августе 1912 года ожидали прихода двух колежемских шхун, промышлявших на Мурмане. Их уже видели у Соловков, сказывали пароходчики, вот-вот они должны подойти к Колежме. На море легкий попутный ветер. Женщины и ребятишки ждут, конец тревогам, ожиданьица полны радости встречи. Вот кто-то первой молвил:

«Нет показу на ветры несхожие.
Поветерь в самый раз, помога хорошая.
Наши-то сильны да знающи.
Шхуны сами строили ходкие.
Паруса сами шили, ветра не упустят.
К дому наши идут, соскучали по избну теплу.
Ждут их баенки, полки нашорканы.
Венички березовы напарены, кваском политы.
Пироги да шаньги на столах.
Самовар, колоба да ягодники.
Пива поставлены солодовые».

И вдруг скучный такой голос:

«Ждем, дожидаем, а на небо глядим.
Бухмарить бы не зачало,
Ветерок проверяем, не припал бы вcток».

И сразу же встречавшие зашумели:

«Не каркай, помолчи,
Не знаешь слова приветного.
Море наше осуждения не любит.
Кормит нас оно, и ты уважь его».

Тут ребята разом закричали: «Идут, шибко идут, паруса все подняты» — и помчались к прислону. А женщины скорее домой, баенки проверять, самовары подживлять, столы еще раз пополнять. Пришли долгожданные, желанные, кормильцы, великие труженики — пахари моря.

Слыхала я ожиданьица в Поньгоме и в Кузомени. Они короче, но отдельные речения имели больше вариантов.

Все ожиданьица записаны во время их ведения, на берегу, по первому речению. Точка отделяет каждое индивидуальное речение. Многие варианты-отклики записать не удавалось, иногда они возникали один за другим, иногда после некоторого раздумья.

Давно записаны ожиданьица. В наше время рыбаки выходят на промысел на крупных, хорошо оснащенных моторных судах. Нет больше страха за их судьбу, спокойно ждут родные их возвращения.

Забылись ожиданьица, ушел из жизни еще один вид устного народного творчества, хранит его только память немногих свидетелей былых тревог сердца за кормильца, за опору семьи.

Но в 1966 году в д. Сежма на реке Мезени посчастливилось мне записать, точнее в какой-то мере воспроизвести по рассказу А. Е. Масловой, а не по непосредственному исполнению, «моление» у креста на Взглавии. Возможно, в записи есть некоторые отклонения от рассказа, а в рассказе — от исполнения. На мой вопрос, кто это ждал на Взглавии, она ответила: «Так, сродственница одна». Записав моление, я читала его Анне Ефимовне. Прослушав, она долго молчала, а потом сказала: «Кабыть так, матушка крёсна моя это была. Кончилась она. Я ходила с ней на Взглавье».

«Снега белые, да глубокие
Из конца в конец полегли.
Пали ветры с ночи, да полуношник,
Все дороги замели,
Малой тропочки не оставили.
А льдины идут, грохотят, скрежетят.
Темная, да холодная тяжелая вода в разводьях плещется.
А наш-то кормилец в покрут пошел,
Зверя бить-промышлять.
Не побоялся холода, да тяготы.
Не за прибылью, не за радостью.
А от бездольица, малым детушкам на прокорм
Дал в покрут свою силушку и уменьице.
На свою пошел на смелу голову,
На мое горе-бедованьице, на мое гореваньице.
Припадаю ко кресту на Взглавии,
Оборони, убереги кормильца нашего,
Не осироть малых детушек,
Не покрой меня платом черныим,
Не пошли жизнь тяжкую,
Ветры с океана-моря меняются,
Лед торосит, да разводится.
Юровец на залежке смердит (ревит)
Дай удачи, господи, кормильцам нашим,
Дай возврат им скорый.
Матерь божия, прими сокрушенье мое,
Сына своего ты умоли, да Николу,
Рыбакам защитника, да помошника.
Упроси, взглянь на мои слезы материнские.
Вспомяни слезы и горе свое.
Нет тяжелче горя материнского
Над бедованьицем детушек своих.
Без отца не вырастить одной
Семью свою, не выкормить,
Не обуть, не выучить.
Припадаю ко кресту, другой надёжи нет».

На следующий день Анна Ефимовна сказала мне: «Почитай-ко еще моление на Взглавии». Я прочла, она долго молчала, а потом сказала: «Вернулся мужик ее бездыханным, плакалась она, сердце свое надрывала, да и всех, кто слышал. Слово у ей было, до всякого человека доходило. Молоденькая была я, пятнадцати не сполнилось, а прожгло ее Слово меня. Пускай и другие почитают. А ты все поняла». Дороги мне эти ее последние слова.

Моление я слышала только однажды. Плач записала тоже по рассказу Анны Ефимовны. Здесь он не приводится. Потрясает он силой, болью и глубиной страдания, вызванного утратой и даже не страхом, а ужасом перед неизвестным будущим ее детей. От кого, какая помощь? Осиротели, утеряли кормильца.

Это все в прошлом.

театр

ДЕРЕВЕНЬКА МОЯ...

Фото Р. Конюхова

В Коми республиканском музыкальном театре состоялась премьера музыкальной комедии композитора П. Чисталева «Деревенька моя» по пьесе В. Блинова и Л. Ильчукова.

Зрители тепло приняли спектакль, поставленный главным режиссером театра М. Гусевым, дирижером А. Файерманом, художником В. Баженовым, балетмейстером И. Скляром.

В спектакле царит подлинная стихия народного творчества. В стремительном темпе развивается веселый, занимательный сюжет. Героев спектакля, жителей современного коми села — тракториста Ваню, доярку Наташу, директора совхоза Федора Чупрова и вчерашнюю школьницу Галку — ожидают самые невероятные приключения.

Музыкальный язык спектакля пронизан духом фольклора. Большим его знатоком является композитор П. Чисталев, заслуженный деятель искусств Коми АССР.

В спектакле заняты ведущие артисты театра: народные артисты Коми АССР Э. Шмеркович, Л. Ильчуков, заслуженная артистка Коми АССР Г. Кузнецовская, артисты Н. Козина, М. Быстрова, В. Головачев, Г. Козин, Е. Бердов.

Спектакль «Деревенька моя», посвященный шестидесятилетию образования СССР, завершается знаменитой веселой «Ивановской горной».

ИСТОКИ

Людмила ШИКИНА

●

Когда пути
Земли родной
Тебе останутся в наследство,
Все чаще на тропинке той,
Где прорастают травы детства,
Тот день
Единственный в году,
И разъединый — в числах жизни,
Когда земля и гром в ладу,
Когда тебя —
Твоей Отчизне
Покажет на рассвете мать,
Все чаще будет проступать
Ее глазами,
Сердцем,
Словом.
Ты будешь все не узнавать.
И свету дня дивиться снова.
Ты будешь все не узнавать,
Другими станут степь и реки...
И только мать,
И только мать
Во всем останется навеки.

ИСТОКИ

Не мо́ря истоки,
Истоки ручья —
Под выбитым взгорьем
Долина моя.
Две струйки,
Две жилки
На лоне земли,
Где жили, где были,
Как сон, журавли.
По самую осень,
По тишь на полях
По десять,
По восемь
Вели журавлят
Матерые крылья
Отца-вожака.
И легкой, как ветер,
Казалась рука,
И ноги, казалось,
Не шли по стерне,
А плыли по быстрой
Невидной волне.

Как давнее слово,
Остужен и чист,
В ручей опадает
Березовый лист.
Прощайте,—
Прощайте.
В глазах
И в душе,
И руки не тянутся к небу...

Ужель
Душе — отзвенело,
Глазам — отцвело?!
И даже не боязно,
Даже светло
Идти по простору,
К закату зари,
На стяге которой
Летят журавли.

ЛИКУЮЩИЙ ЧАС

Все ли на том берегу
Белой — реки в парусах
Белых черемух,
Спешат
Ливни косые в лесах?..

Бьются в просветы,
В сосну.
Словно
Незрячему
Свет
В эту обещан весну
Во искупление лет:
Черных
И пашен
И снов,
Черных дорог и реки.
Словно погибших сынов
Встретить должны старики —
Так торопились ручьи,
Так торопилась река!
В небе свободно — ничьи
В дали неслись облака.
Все они знали про нас
И на наречье своем
В этот ликующий час
Нам говорили о том:
Тайну откройте цветка —
Он не глупее планет.
Поторопитесь,
Пока
В реки
Вливается
Свет.

●

Есть миг,
Как всполох.
Междучасье —
Еще не ночь,
Уже не день,
Как вечность
Вспыхнувшего счастья,
Как солнцем
Брошенная тень
На голубое
Отдаленье
Нелегкого
Под небом
Дня.
Есть всемогущие мгновенья
Земли,
Врачующей меня.

ТЕНЬ КРЫЛА

Я пью из речки тень крыла
Летящей птицы или ветра,
А может, тень былого века
Так спрессовали времена...

И год, как день, и миг, как век,
Дымятся травы теплым светом,
А от земли к другим планетам
В рассвет уходит человек.

Он там с собой наедине,
Наедине со всей вселенной.
«Спидола» пуговкой-антенной
Его орбиту ищет мне.

Он видит тучный в поле сноп,
Иных держав леса и взгорья,
Земли — и праздники, и горе,
И свежевырытый окоп...

А на волне лежит крыло,
И туча в небе плащ-палаткой,
И овдовевшая солдатка
Бросает на воду весло.

И уплывает далеко
От камышиного навета
В такое солнечное лето,
Где плакать вольно и легко.

НАЧАЛО ПРИЧИН

Старуха философ
Гадает за так —
На травы,
На росы,
На розовый мак...
Седая вещунья,
Взгляни на чебрец.
Начало ищу я,
Ищу не конец,
И горя начало,
И счастья почин.
Найти я не чаю
Начало причин.

Взглянуть бы на корень
И света
И тьмы.
Взглянуть бы — доколе
Не в разуме мы.
Скажи мне, седая,
Зачем по весне
Цветы прорастают
И падает снег
Зимою на озимь,
На стылую твердь?
Зачем эта осень,
Вещунья, ответь!
Зачем
Человека родил человек,
Зачем
Человек человеку родной?
Зачем
Человека убил человек?!
Зачем
Это солнце
Стоит надо мной?!.

●

Говорят, что в пору полнолунья
Умирает дерево без боли.
Говорят, что в пору полнолунья
Затихают и луга и поле.

И не больно травам онемелым
На косу на острую ложиться.
Все под светом замирает белым,
Расстается с небом легче птица.

Что же мне в такую благость лета
Душу обезболить не дается?
Усыпило половодье света
Лебедю у старого колодца.

Что же я, причастная к рожденью
Светом обезволенного клена,
Не могу забыться на мгновенье,
Надломиться веткою зеленой?

НА ЗЕМЛЕ

Не тогда,
Когда уйдешь,
Страшен слова суд,
А теперь,
Когда живешь
И пока живут
Блики солнца и ночей
В бьющейся крови,
Доблесть чистых кумачей
Матери-земли.

Все во мне,
Пока я здесь.
Здесь мой ад, и рай,
И прощение, и месть...

На земле мой май,
На земле поля, сады
И земля в огне.
Беспощадные суды —
Только на земле.

●

Уж я тебе, болезному,
Две ягодки сорву.
Возьми, заешь отравушку,
Любовь — полынь-траву.

Две ягодки — не ягодки,
Кровинки под кустом.
Ты ешь,
А будешь спрашивать
О них меня потом.

Скажу тебе, поведаю:
От всех скорбей и бед,
От немочи, от горечи
Надежней средства нет.

Уж я тебе, хорошему,
Раскрою свой секрет:
Других таких двух ягодок
На свете больше нет.

Их поделить не велено —
Утратит силу кровь.
Им, алым, предназначено
Унять одну любовь.

Хочу тебя помиловать,
Хочу тебя простить.
Хочу тебя, любимого,
На волю отпустить.

А обо мне не спрашивай,
Теперь уж не секрет.
Других таких двух ягодок
На свете больше нет.

●

Все дальше лето памятного года.
И тот сапер,
Сказавший мне однажды,
Что в жизни ошибаются
не дважды,
Был прав, конечно,
Молодость — не мода.
Она вернуться и прийти не может.
...Пустые рукава его, как ветви,
Трепал прохладный августовский
ветер.
Его была немногим я моложе,
Но мне казалось,
Много тысяч лет
Нас разделяли —
Ни гранитный камень,
Ни пьедестал, стоявший между
нами.
На нас смотревший бронзовый
поэт
И облака, плывущие к вокзалу,—
Все замерло в каком-то
ожиданье.
О, горькое и светлое свиданье.
Я ничего солдату не сказала.
Но что же было?
Что же между нами?
Расставшись с ним, я не летела
птицей,
Я все ждала,
Что встреча повторится.
Я приходила к Пушкину с цветами.
Я слышала, как сердце оживало
В его остывшей бронзовой груди.
Снега сменяли солнце и дожди.
И я лицо солдата забывала.

О. ПЕТРИЧЕНКО

ЗАПИСКИ КОМАНДИРОВАННОГО ЧЕЛОВЕКА

ПУТЕШЕСТВИЕ БЕ

...Ночью я проснулся от ужаса.

Еще не сознавая, где явь, где сон, я судорожно нащупал спички и кое-как осветил купе. Подвыпившие с вечера рыбаки-мурманцы храпели на зависть безмятежно, и, кроме не истребленных еще запасов спиртного, жизни их, похоже, ничто не угрожало.

Жуть, однако, не проходила. Окончательно очнувшись, я, наконец, сообразил, что тихий стон исходит из коридора. С трудом откатив тяжело упершуюся дверь, я выглянул туда: озаренная мертвым светом луны, с пола на меня в упор смотрела мужская голова.

...Да простит меня читатель за это зловещее и чуждое его здоровому воображению вступление. Но не душевное расстройство автора или его ущербный вкус определяли ход событий в вагоне с заводским № 5009, следовавшем в составе поезда № 368 из Феодосии в Ленинград. Тяжкое воспоминание о пережитом, уважение к правде и бесконечное изумление неистощимой фантазией железной дороги заставляют меня рассказать о происшедшем именно так, как оно было на самом деле.

А было нехорошо. И мне и тем более совершенно ошалевшему от испуга гражданину, чей стон причудливым видением вошел в мои командировочные грезы. К счастью, гражданин еще существовал как единое целое. В чем я с величайшим облегчением и убедился, заметив, что голова раскачивается в такт движению и к тому же тихо, но внятно матерится.

Чтобы не интриговать читателя и далее, коротко ознакомлю его с некоторыми техническими особенностями вагона № 5009. Главной из них была дырка. Образовалась она между вторым и третьим купе, как раз над тем местом, где, как выяснилось, находится большой железный ящик, именуемый холодильником. Образовалась внезапно, в результате чего в этот самый ящик, расположенный под полом, всего в нескольких сантиметрах над рельсами, угодил ничего не подозревавший пассажир. То ли неласково помянул его кто заглазно, то ли судьба такая, но шел человек по коридору, а пол под ним возьми и разверзнись. И ухнул он навстречу колесному грохоту, не успев ни удивиться, ни с жизнью попрощаться. Будучи небольшого росточку, да еще присев от неожиданности, он поместился в холодильнике, почитай, выше пояса. А то, что осталось на поверхности, и было спросонья воспринято мною как усекновенная часть неизвестно куда девавшегося организма.

...Врагу не пожелаю аналогичного пробуждения. Я долго вытаскивал из дыры обвисшее тело, долго приводил старичка в чувство, отпаивая минеральной водой, убеждая его, что он живой и находится, грешный, отнюдь не в раю, а в обычном железнодорожном вагоне. «Черт бы его побрал вместе со всей железной дорогой,— очнулся, наконец, дедуся.— Войну от начала до конца танкистом прошел — такого страха не знал. А тут сознания лишился!» Плюнул и вышел на станции Синельниково.

Ну, а я поехал дальше, грустно размышляя о том, что даже самый нетребовательный и глупый чертенок (вроде обманутого Балдой) вряд ли прельстился бы вагоном № 5009. А также вагонами №№ 1900, 5129, 5249 и многими другими в нашем скрипевшем всеми суставами составе, неторопливо пересекавшем страну с юга на север. Ветераны, похоже, ходившие в упряжке еще с первенцами Дж. Стефенсона, они громко жаловались друг другу на свои старческие недуги. И ни одна из жалоб не была лишена оснований: годы и пройденные расстояния действительно давали о себе знать. Особенно нам, пассажирам.

Мы хотели чаю, но... хроническим недержанием (воды) страдали некогда могучие Титаны.

Мы хотели умыться, но... неведомая болезнь намертво свела стальные челюсти туалетных замков.

Мы хотели свету, но... лопнули, не выдержав напряжения, ветхие ремни генераторов.

Вышеупомянутая дырка была, конечно, явлением исключительным даже на этом безрадостном фоне. И все же в какой-то степени закономерным: уж больно потрепанным, убогим выглядело внутреннее убранство наших салонов. А больше всего угнетала грязь — многолетняя, неистребимо въевшаяся во все вагонные поры. И хоть мчались мы краями цветущими, необыкновенно красивыми, настроение наше от этой самой грязи было безнадежно испорченным и серым, под стать выданным в качестве постельного белья простыням и наволочкам. А из всех более чем скромных пожеланий в итоге сбылось единственное — мы благополучно добрались до станции назначения.

Теперь хочу оговориться: история эта приключилась еще прошлым летом, так что движет мною отнюдь не мстительное чувство хохоть как-то поквитаться с железной дорогой за отвратительный сервис.

Движет мною в данный момент электровоз ЧС-200, влекущий к Черному морю фирменный состав «Нева». И опыт. Многолетний опыт рядового пассажира, командированного, участника студенческих отрядов проводников.

Исходя из этого опыта, смею утверждать, что имевшее место путешествие в поезде № 368 ничем особенным из ряда сотен подобных не выделялось. Просто не повезло с вагонами, попались старые, взятые из резерва. Да и за них железную дорогу вроде как бы благодарить полагается — ведь это ради нас, дружно возжаждавших южного солнышка и фруктов, напряглась она, изыскав дополнительные резервы, и худо-бедно повезла, покатила многомиллионную громаду отдыхающих к берегам заветных теплых морей.

Однако благодарить почему-то не хочется. Хочется понять, отчего каждое лето почти синхронно с благими порывами МПС резко возрастает и количество жалоб на деятельность подчиненных данному министерству служб. Да и в иные времена года (как свидетельствует редакционная почта) претензий к ним предостаточно. Причем отнюдь не возраст вагонов является основной причиной пассажирского неудовольствия. Самых разных причин десятки. Но все они имеют непосредственное отношение к наиболее, пожалуй, загадочной из служб МПС — службе сервиса.

Чтобы разобраться в ее проблемах, я и решил вознестись на одну из вершин образцового железнодорожного обслуживания. Купил билет на фирменную «Неву» (поезд № 7, следующий из Ленинграда в Севастополь). И, поуютнее устроившись в купе, стал терпеливо дожидаться чего-нибудь необыкновенного. Рассудил: коли поезд не рядовой, особенный — значит, непременно должен обрадовать пассажира комплексом каких-то незаурядных услуг.

Долго ждал. Попутчики уж кур вареных, из дому взятых, порешили и пиво ресторанное все выпили, а услуг не видать. Чай, конечно, предлагали, радио работало да ресторанная женщина в белом все мимо похаживала, норовя порадовать неопытную душу жидким, казенной выделки супчиком.

Однако супчиком с чаем кого сейчас удивишь — эту высоту даже обыкновенные пассажирские поезда освоили. И пришлось мне отправиться вдоль по составу, предположив, что снова не повезло мне с вагоном — в силу каких-то причин обошли его, видать, услуги стороной.

Вагон оказался ни при чем. Остальные были точь-в-точь такие же, никаким особым сервисом не потревоженные. И такими оставались до самой станции Джанкой, где оживила их своим присутствием некая бойкая дамочка, представившаяся спецагентом Севастопольского бюро по обеспечению приезжающих отдыхающих временной жилой площадью. Ввиду фантастичности назначаемых цен бюро следовало признать мифом, а даму — пройдошистым посланцем предприимчивого частного сектора. К МПС она, разумеется, никакого отношения не имела, и все же это был единственный всплеск хоть чьей-то инициативы, внесший некоторое разнообразие в монотонное течение наших будней.

А дальше и отметить нечего. Так что прибыл я в славный город Севастополь в легком недоумении и при некотором разочаровании: что же собственно «фирменного» было в обычном скором поезде, доставившем меня сюда? Да и не только в нем. Заодно вспомнились поездки на «Волге», «Сибиряке» и многих иных образцовых (если верить рекламе) составах, отличавшихся друг от друга разве что цветом и размером броских надписей на вагонных стенах да рисунком оконных занавесок.

Разумеется, по сравнению с поездом № 368 и десятками ему подобных все они тем не менее заметный шаг вперед. Ну а по сравнению с действительными потребностями пассажиров да и возможностями самой железной дороги?

В славные (увы, далекие) школьные годы, когда терпкий запах паровозного дыма еще не ассоциировался с проблемами охраны окружающей среды, а трепетно волновал сердце предвкушением дальних странствий, довелось мне купить в станционном киоске одну фантастическую книжку. А точнее, футурологическую, ибо автор взял на себя смелость в художественной форме спрогнозировать наше будущее лет через 25—30. И была там глава, посвященная железнодорожному транспорту. Дословно текст ее, разумеется, не вспомню, но в кратком пересказе та часть, что относится к интересующей нас теме, звучала следующим образом:

«И через десятилетия, несмотря на бурное развитие авиации, железная дорога останется основным и любимым средством сообщения. Потому что каждая поездка будет не просто перемещением пассажира из пункта «А» в пункт «Б», а памятным прикосновением к истории нашей Родины, знакомством с ее сегодняшними достижениями.

Если нынче, предоставленные сами себе, мы бесцельно разглядываем проносящиеся мимо города и пейзажи и лишь у не всегда сведущих проводников можем что-то узнать о промелькнувших достопримечательностях, то завтра положение изменится коренным образом.

И начнутся эти перемены с вагонов. Станут они двухэтажными, причем второй этаж будет сделан в виде салона с широкими, обеспечивающими хороший обзор окнами. Записанный на магнитную ленту голос экскурсовода подробно расскажет обо всем интересном, что встретится в пути. Здесь же, удобно расположившись в уютных креслах, вы сможете посмотреть кино, телевизор, почитать книгу, взятую в библиотеке поезда.

Пассажиры 80-х годов будут избавлены от каких-либо бытовых забот: за время рейса они смогут при необходимости сдать свою одежду в стирку, химчистку, привести себя в порядок в парикмахерской, помыться в душе. Обычным делом станут телефонные переговоры с любым абонентом страны, заблаговременный заказ мест в гостинице нужного города и билетов на все виды транспорта».

— Утопия! — грустно воскликнет искушенный «пассажир 80-х».— Выдумка столь же чудесная, как сам факт продажи в станционном киоске научно-фантастической литературы.

Не будем, однако, спешить с выводами. И призадумаемся вот над чем: как, собственно, случилось, что на фоне резко возросших и, в общем, удовлетворяемых потребностей наших во всех прочих областях железная дорога ухитрилась незаметно остаться в стороне от

справедливых и тоже весьма изменившихся запросов своих клиентов?

Ну хорошо (а точнее, нехорошо), довез меня поезд № 368 до цели в условиях, максимально приближенных к боевым. Вышел я на Московском вокзале, помахал составу ручкой и отправился домой, заранее зная, что ни букета цветов, ни тем более денежной компенсации за перенесенные мытарства, испорченное настроение, вычеркнутые из жизни часы я, разумеется, не получу. Несмотря на то, что приход прошлого лета (и сопутствующих ему «масштабов перевозок») был столь же неизбежен и известен заранее, как и явление нынешнего, а «резерв», из коего берутся запасные вагоны, у хорошего хозяина ни в коем случае не должен напоминать свалку металлолома.

Малоубедительны на этом фоне и вспенившиеся было одно время восторги по поводу появления «фирменных» составов. Ибо составляющие этих восторгов: чистые, облицованные светлым пластиком вагоны, нормальное отопление, освещение, подтянутые, вежливые проводники и нарядные салфетки на столах — это не максимум, а минимум того, что обязана предоставить пассажиру дорога.

Ведь не ахаем же мы от изумления, получив в гостинице аккуратно прибранный номер с застеленной белоснежным бельем кроватью. Это давно устоявшаяся норма. И лишь в дурном сне может привидеться нам стюардесса, вышедшая в салон в домашнем, не первой свежести халате, или инспектор ГАИ, функционирующий на перекрестке в пижамных брюках и шлепанцах на босу ногу.

Увы, на железной дороге критерии, кажется, иные: здесь порой пытаются возвести в ранг заслуг элементарное и вместе с тем все никак не могут поймать ту шкодливую кошку, что неизменно оставляет лохматые следы своих стальных когтей на рекомендуемых мне в качестве постельных принадлежностей парусах — всегда серых от огорчения за свой вид и до неприличия влажных.

Впрочем, не станем останавливаться на «отдельных, еще имеющих место недостатках», поскольку МПС и в самом деле принимает определенные меры к искоренению всякого рода недочетов и негативных явлений в своем хозяйстве. Жаль только, что, с нашей, пассажирской, точки зрения, перемены к лучшему происходят слишком медленно. Тем не менее предположим, что рано или поздно абсолютно все поезда будут сиять чистотой, а на престижную должность проводника будут принимать (по конкурсу) лишь особо отличившихся в соревновании стюардесс и гидов Интуриста. Станет ли пассажир счастливее?

Вряд ли. Так как в самых стерильных условиях, созданных в вагонах нынешнего типа, он по-прежнему будет чувствовать себя лишь обыкновенным грузом, не слишком уважительно перемещаемым из пункта «А» в пункт «Б». Теснота, запрограммированная в них конструкторской мыслью трудных для страны лет, когда в ущерб многим удобствам приходилось заботиться прежде всего о сугубо утилитарной стороне дела — перевозке, на долгие годы предопределила небогатый ассортимент удовольствий, получаемых нами от поездки. В самом деле, на что может рассчитывать пассажир даже в отдельном купе? Выбор минимальный: полежать, почитать, сыграть в шахматы, домино с таким же ошалевшим от скуки соседом и, наконец, оказать посильную помощь ресторану в выполнении плана по продаже спиртного. Это, повторяю, в более или менее «привилегированных» условиях купейного. Ну, а рискните добраться до Челябинска, Павлодара, Новокузнецка, любого иного глубинного города в плацкартном или общем вагоне. Подобные маршруты можно смело рекомендовать начинающим йогам в качестве лучшего средства для воспитания воли, выдержки и предельной неприхотливости. Тем паче, что именно в этих вагонах некоторые граждане, не йоги, особенно активно скрашивают тяготы дальнего рейса с помощью алкоголя.

Вообще официально узаконенные продажа и, как следствие, распитие спиртного в пути — дикость совершенно необъяснимая. В связи с этим есть любопытное предложение для МПС: наказывать своих проштрафившихся работников не безликими выговорами или лишением премий, а командировками, скажем, из Москвы в Хабаровск и обратно в общем вагоне. Право же, вкусив хотя бы самую малость тамошних удобств и более чем непринужденной обстановки, вернутся они совсем другими. Если, конечно, вернутся, не сдавшись на милость «Аэрофлоту».

Ну а как быть обыкновенным пассажирам, для которых подобные поездки — не наказание, а нередкая служебная необходимость? По-видимому, остается уповать на то, что конструкторы, вагоностроители взглянут все-таки на календарь и заметят, что XX век уже на исходе. И задумаются наконец, что негоже въезжать в очередное тысячелетие с мерками и требованиями, устаревшими еще в предыдущем.

Они и задумались. В результате чего одна из центральных газет, рассказывая о выставке НТТМ-80, поместила на своих страницах любопытную фотографию, а к ней заметку следующего содержания:

«Много ли красот увидишь из вагонного окна? Совсем другое дело, если под стеклянным куполом вагона оборудована смотровая площадка. Здесь, рассевшись в удобных креслах, путешественники могут любоваться окрестными пейзажами. Проект такого вагона создали молодые инженеры Ленинградского вагоностроительного завода имени Егорова. Внутри салона предусмотрен максимум удобств, вплоть до системы кондиционирования воздуха». Почти как в той футурологической книжке...

Наконец-то! — обрадовался я. И поспешил на завод, надеясь встретиться с молодыми энтузиастами-единомышленниками, взявшимися за воплощение давней мечты пассажиров. Но, как ни торопился, опоздал. Лет этак на пятнадцать. Потому что главный конструктор предприятия М. Е. Шендерович, прочитав заметку, недоуменно пожал плечами.

— При чем здесь проект? Такой вагон давным-давно построен. Еще в 1965 году. И сейчас работает где-то в Средней Азии.

— А почему он не пошел в серию?

— Трудно сказать. Мы несколько раз интересовались его дальнейшей судьбой, но конкретного ответа на свои запросы так и не получили. Потом наш завод специализировали на выпуске почтово-багажных вагонов и вагонов для метро, ну а кто продолжит начатый нами эксперимент — лучше узнать в министерстве.

Вот так я познакомился с В. П. Скоробогатовым — начальником пассажирского отдела главного управления вагонного хозяйства МПС. И задал ему вполне конкретный вопрос о том, что делается на железных дорогах страны для улучшения обслуживания пассажиров. И узнал, что, несмотря на существующие сложности (лишь 40 процентов вагонов можно отнести к новым, построенным в течение трех последних пятилеток), делается очень многое. Во-первых, 152 поезда — примерно 25—30 процентов от общего количества постоянно курсирующих поездов дальнего следования — уже являются фирменными. Во-вторых, дальше будет еще лучше: за счет повышения комфортности вагонов, увеличения пропускной способности дорог, повышения скоростей движения и т. д.

Меня, естественно, заинтересовала комфортность: каким образом планируется ее повысить? Рецепты услышал знакомые: хорошее освещение, нарядный пластик, качественная вентиляция, кондиционеры...

— Ну, а в дополнение к этому предполагаются ли какие-то принципиально новые изменения конструкции самих вагонов, например, строительство двухэтажных?

— Предполагаются,— ответил Виталий Петрович.— Где-то в следующей пятилетке такой вагон иметь будем.

К сожалению, более точного срока он не назвал, равно как и завода, который конкретно займется выпуском двухэтажной новинки.

Впрочем, оставим ее в покое. Похоже, появится она нескоро, и куда интереснее было узнать, что можно сделать для облегчения нашей пассажирской участи уже сейчас. Ну, например, ввести в состав каждого поезда дальнего следования вагон-клуб (а на жарких южных направлениях и вагон-душ), как-то наладить бытовое обслуживание клиентов железной дороги, обеспечить их в пути свежими журналами, газетами, более творчески (скажем, для краеведческих, просветительских целей) использовать возможности радиовещания и т. п.

— А вы не заметили, что сейчас некоторые поезда ходят без привычных и необходимых багажных, почтовых вагонов? — в свою очередь, поинтересовался Виталий Петрович.— Мера с нашей стороны вынужденная, но необходимая — идем на это ради того, чтобы увеличить состав еще на один-два вагона, перевезти как можно больше людей...

Тактичный человек В. П. Скоробогатов. И не хотелось бы, чтобы упреки, высказанные здесь, были восприняты кем-то как упреки исключительно в его адрес. Не им созданы сегодняшние трудности, но ему приходится с ними бороться. И понятно, что, с его точки зрения, мои прожекты выглядели, мягко выражаясь, слегка отвлеченными от суровой реальности будней. Да и у любого иного более или менее сведущего в железнодорожных делах товарища предложения эти могут вызвать разве что снисходительную усмешку: дескать, надо же такое придумать — вагон-клуб, вагон-душ, бытовое обслуживание... Да знает ли автор статьи, что каждый километр пути эксплуатируется у нас в шесть-семь раз интенсивнее, чем в США, Канаде и странах Западной Европы, и какие трудности испытывает МПС в связи с постоянно растущим объемом пассажирских и грузовых перевозок?

Автор об этом знает. И реально оценивает все сложности, стоящие перед МПС. Но вместе с тем хочет спросить: кто, простите, создал сложности, стоящие сегодня перед пассажиром? Хозяйство наше, как известно, плановое, перспективы его развития рассчитываются на многие годы вперед, а значит, еще два-три десятилетия назад специалисты министерства должны были предусмотреть и нынешние наши «возросшие запросы» и даже количество граждан, желающих отдохнуть летом у берегов Черного моря.

Ну да бог с ними, с этими безвозвратно канувшими в Лету десятилетиями. Их уже не вернешь. Сейчас важнее другое. По утверждению В. П. Скоробогатова, срок службы железнодорожных вагонов исчисляется 40 годами. А это, в частности, означает, что и нынешние не ахти какие удобные плацкартные вагоны постройки 1981—1982 годов будут возить наших внуков аж в 2020 году! Нелепо даже представить, как они, покорители Марса, Венеры и прочих космических окрестностей, на родной Земле будут вот так же париться летом в крохотных отсеках псевдофирменных поездов, мерзнуть в них же зимой, и подобно нам, их отсталым предкам, с отчаяния писать жалобы в газеты, требуя управы на неподвластное времени МПС.

А ведь будут! И никуда не денутся, если министерство и впредь останется столь же «дальновидным» в учете наших естественно возрастающих потребностей и «оперативным» в их удовлетворении.

...Нет слов, непростые обязанности возложило народное хозяйство страны на могучие плечи железной дороги. Только в нынешней пятилетке ей предстоит увеличить грузооборот на 14—15 процентов и пассажирооборот на 9 процентов.

Выполняя задание редакции, я многократно перекрыл обычную норму своих ежегодных поездок, путешествуя в «сезон пик» по горячим южным маршрутам. И к каким выводам пришел — изложил выше. Ну, а возвращался домой все той же, с прошлого года знакомой дорогой. И перемен к лучшему в известном уже поезде не обнаружил ровно никаких. Разве что дырки не было. О чем и свидетельствую как о несомненном факте проявленной-таки заботы о нашем пассажирском благе.

З РОМАНТИКИ

КОЛЫБЕЛЬ НАРОДОВ-БРАТЬЕВ

В. А. ЗГУРСКИЙ,
председатель исполкома Киевского городского Совета народных депутатов, Герой Социалистического Труда

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Каждый год над седым Днепром, вдоль его проток и по берегам озер, в городских парках и на зеленых улицах крупнолистные каштаны поднимают к небу миллионы белорозовых свечей. В эту цветущую пору в нынешнем году Киев отмечает свой 15-вековой юбилей.

Генеральная конференция ЮНЕСКО отмечала, что основание Киева, матери городов русских, положило начало восточнославянской цивилизации, которая оказала огромное влияние на формирование социальных и культурных ценностей славян и способствовала установлению контактов с различными мировыми культурами. В резолюции этой конференции было предложено государствам — членам ЮНЕСКО и международным организациям присоединиться к празднованию 1500-летия Киева и привлечь к нему внимание общественности, культурных и научных кругов своих стран. Недавно завершились Дни Киева в ЮНЕСКО, проходившие в штаб-квартире этой международной организации в Париже.

Основанный на берегу могучей реки, которую народ уважительно называл по имени-отчеству — Днепр Славутич, Киев стал связующим звеном на одном из древнейших, как мы сказали бы теперь, трансконтинентальном пути «из варяг в греки».

С волнением воспринимаем мы легенды о седой старине, безмерную признательность испытываем к неутомимым летописцам, которые достойно воспели наш «стольный град» на страницах «Повести временных лет», «Слова о полку Игореве», «Никоновской летописи» — страницах истории нашей Отчизны. Они помогают нам глубже осознать, «откуду есть пошла руская земля, кто в Киеве нача первее княжити».

Летописные страницы передают нам народные предания о братьях Кие, Щеке, Хориве и их сестре Лыбеди, основавших на земле «мудрых и смысленных» полян город, названный в честь старшего брата Киевом. Еще Нестор после глубокого исследования пришел к выводу, что Кий был полянским князем, даже ходил в Царьград, где его с почестями принимал византийский император.

Бесценные материалы об основании Киева в краю полян приводит армянский историк VIII века Зеноб Глак. Подобные сведения мы находим в произведениях арабских и римских историков и даже византийского императора Константина Багрянородного. Во время археологических раскопок в Киеве — они особенно интенсивно велись в последние годы в связи с небывалым размахом городского строительства — было обнаружено немало материальных подтверждений историческим описаниям. Это не только жилые помещения и хозяйственные постройки пятого-шестого веков, но, что характерно, византийские монеты правивших в те времена императоров Анастасия и Юстиниана.

Конечно, 1982 год был избран условно для празднования 1500-летия. Что же касается условности самой даты празднования, которая намечена на конец мая,— она объясняется нашим желанием принять гостей праздника в самую прекрасную пору.

А гостей к нам пожалует немало. Ведь Киев был политическим и культурным центром могучего восточнославянского государства — Киевской Руси, которая сыграла важную роль не только в истории нашей страны, но и в истории Западной Европы, арабского Востока, оставила заметный след в развитии мировой культуры. И не случайно короли почти всех европейских государств почитали за честь породниться с киевскими князьями.

Обозревая период Киевской Руси, историки свидетельствуют, что только польские правители одиннадцать раз брали в жены русских невест, а восемь русских князей были женаты на полька. Такие же связи Киевский двор имел с королевскими дворами Венгрии, Швеции, Норвегии, Дании, Франции, Англии.

Дочь Ярослава Мудрого Анна — жена короля Франции — после смерти мужа была регентшей при малолетнем сыне. Ее подписи «Анна Регина» стоят на ряде государственных документов.

Перечень подобных связей можно продолжать и продолжать. Но не только родственной дипломатией определялись отношения Киевской Руси с другими государствами. На городских торжищах можно было встретить купцов со всей Европы, из Византии и стран арабского Востока. Кстати, на одной из фресок Софийского собора изображен «корабль пустыни» — верблюд и купец рядом с ним. Значит, художник мог встретить их в городе.

Киевская Русь стояла в ряду передовых для своего времени государств по развитию культуры. Этому, безусловно, способствовало многовековое политическое и культурное общение с Византией. Более того, есть все основания утверждать, что в известном смысле Русь была культурной наследницей Византии. Конечно же, все ее духовные сокровища, попадая на русскую почву, воспринимались творчески. Основываясь на своих самобытных традициях и используя опыт Византии и других стран, киевские зодчие, например, создали архитектурные ансамбли, которые и по сей день вызывают изумление и восхищение.

Жемчужиной древнерусского зодчества называют Софийский собор. Построенный по образцу константинопольской Софии, он в то же время несет на себе печать древнерусских архитектурных традиций, таланта местных мастеров.

Этот собор был детищем Ярослава Мудрого, который многое сделал для развития культуры и просвещения Киевской Руси. При нем в первой половине одиннадцатого века Киев обогатился не только Софийским собором, но и рядом других уникальных сооружений: это городские валы с их несравненными Золотыми воротами, Георгиевский и Ирининский соборы, Киево-Печерский монастырь, первым на Руси получивший звание Лавры. Именно в этом монастыре и создал летописец Нестор первую, можно сказать, книгу об истории нашей Отчизны — «Повесть временных лет».

При Ярославе Мудром был составлен первый на Руси сборник законов «Русская правда» и основана первая библиотека. В городе были свои ученые, поэты, художники. Внучка Ярослава Анна, или, как ее называли, Янка, основала в 1086 году женскую школу, где изучали философию, историю, педагогику.

Будучи одним из самых крупных центров средневековой Европы, Киев оставил значительный след в развитии мировой культуры, и прежде всего славянских культур. Именно туда, в древнюю Русь, уходят общие корни русского, украинского и белорусского народов, оттуда взрастает наше братство.

Мужественно и беззаветно встали киевляне осенью 1240 года на защиту родной земли от несметных орд хана Батыя. По свидетельству летописца, вражеское войско было столь многочисленным, что от скрипа возов, ржания лошадей и крика верблюдов в городе не было слышно человеческого голоса. Насмерть стоял город-воин, отбивая штурмы кочевников. Все пятьдесят тысяч его жителей стали воинами и почти все сложили свои головы на его стенах и улицах.

Ордынцы сожгли город, уничтожили почти все его население, в дымящихся развалинах осталось в живых всего две-три тысячи человек. Папский дипломат Джиованни Плано дель Карпини, побывавший здесь после Батыева погрома, свидетельствовал, что завоеватели «...сделали большое истребление в земле Руси, уничтожили города и крепости и перебили людей, обложили Киев, что был столицей Руси, и после долгой блокады они овладели им и уничтожили население... Город был очень большим и оживленным, а теперь он сведен почти на ничто: там осталось двести домов, а людей тех они держат в тяжелейшем рабстве».

Самоотверженная и героическая борьба Руси спасла Западную Европу от кровавого ига Золотой орды.

В дальнейшем разрушенный и полуопустевший город познал все тяготы чужеземного господства. Влияние Киева значительно ослабло. Вследствие феодальной раздробленности и чужеземных нашествий оказалась раздробленной и сама Русь. Именно в этот период начался процесс формирования восточнославянских народностей. Особенно интенсивно он проходил в XIV—XV столетиях. Примерно с этого времени русская, белорусская и украинская народности выступают как отдельные, однако очень близкие этнические общности. Но мы всегда помним, что наши общенациональные корни уходят в Киевскую Русь, о чем особенно приятно упомянуть теперь, в преддверии 60-летия нерушимого союза всех советских народов.

Возрождение русской государственности в последующие столетия связано уже прежде всего с Москвой — центром новой могучей державы. Формирование украинской народности проходило в среднем Поднепровье. Значительная роль в этом процессе принад-

НА ПЕРВОЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: Киев. Площадь Октябрьской Революции.

НА ВТОРОЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: Институт электросварки имени Е. О. Патона. Испытание инструмента для дуговой сварки в космосе.

НА ТРЕТЬЕЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: Площадь Богдана Хмельницкого * Вечерний Крещатик * Бригадир токарей, Герой Социалистического Труда, член ЦК КПУ, заместитель председателя Верховного Совета УССР Виктор Павлович Щербина.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Киев — древний и вечно молодой * На переднем плане — купола Киево-Печерской лавры * С птичьего полета * Вид с Владимирской горки * Памятник святому Владимиру.

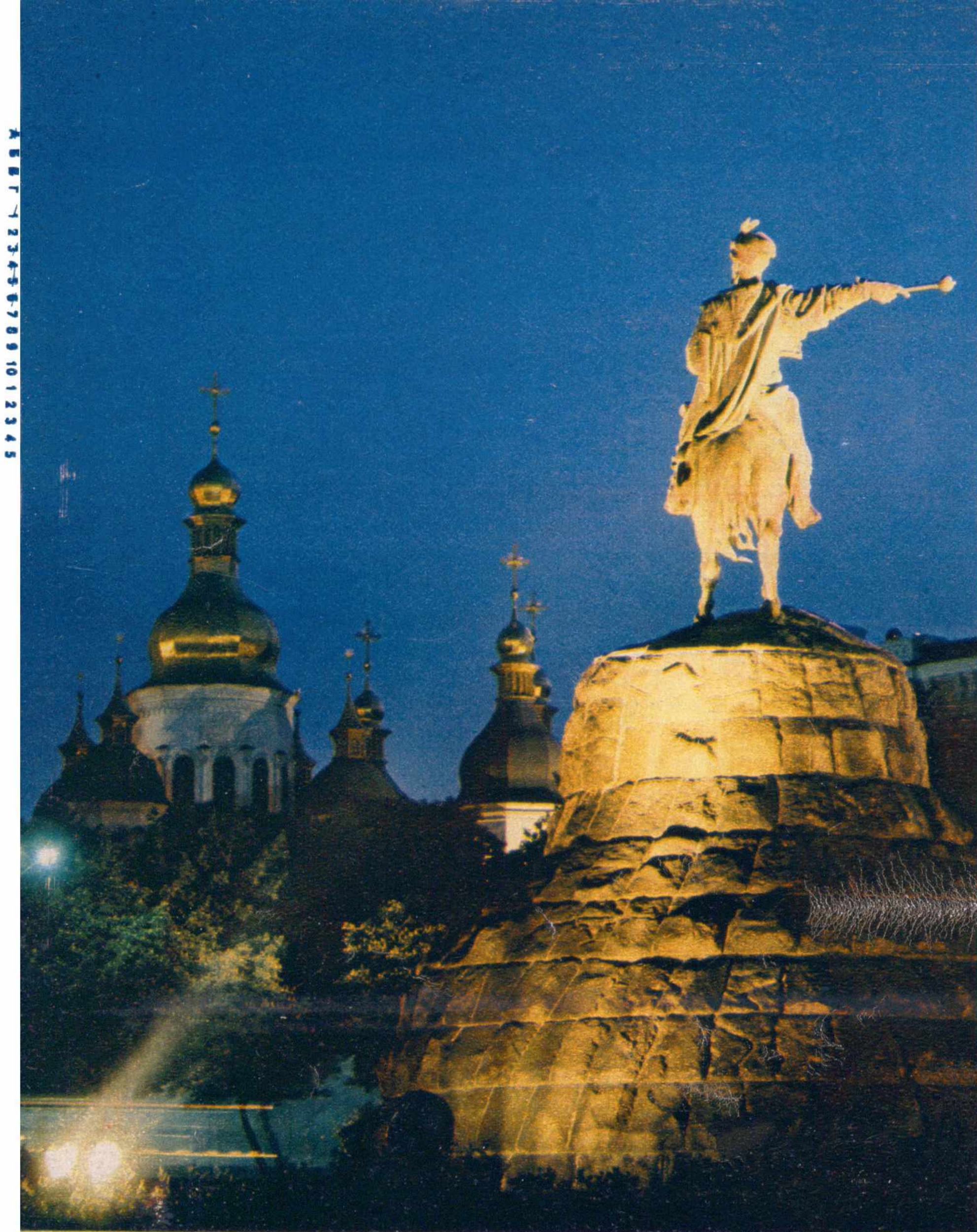
НА ШЕСТОЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: Плавательный бассейн на стадионе «Динамо».

НА СЕДЬМОЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: Дворец Спорта * На природу * На Днепре в Матвеевском заливе.

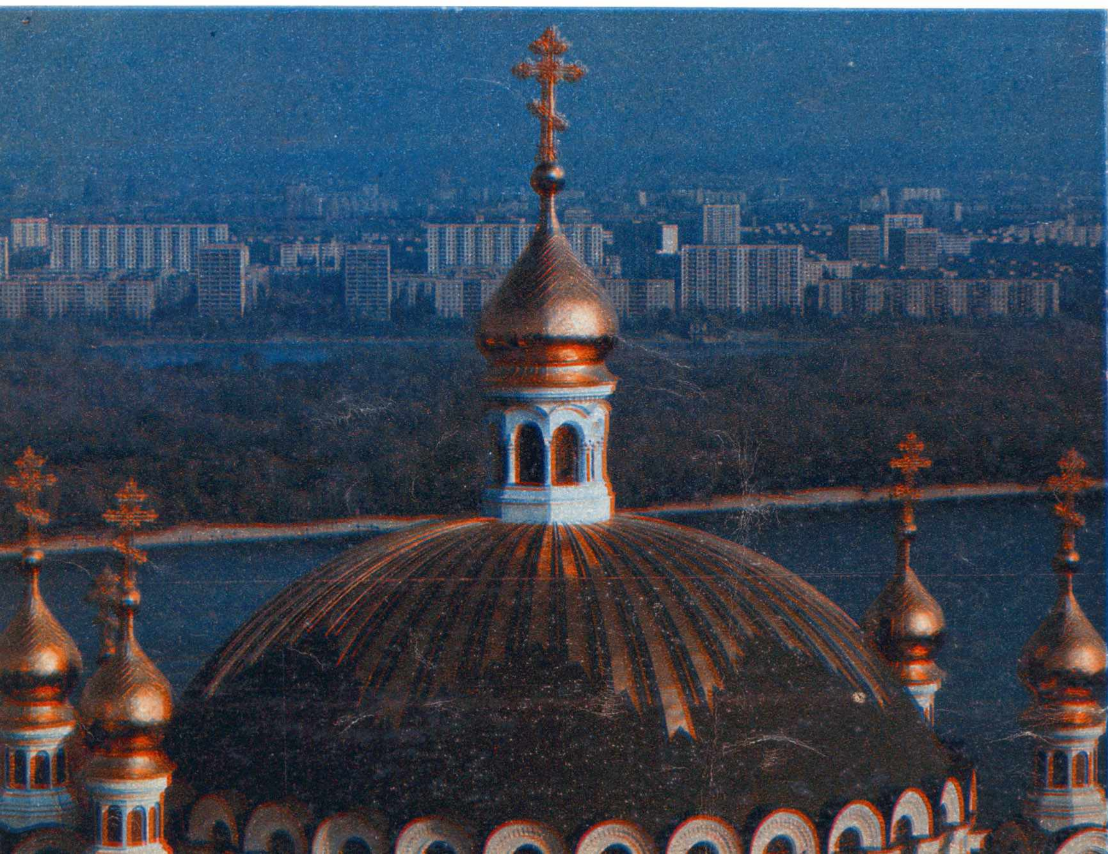
НА ВОСЬМОЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: Ботанический парк АН УССР * Киевлянин * Друзья.

НА ЧЕСТЬ ВЕЛИКОЇ ЖОВТНЕВОЇ
СОЦІАЛІСТИЧНОЇ РЕВОЛЮЦІЇ

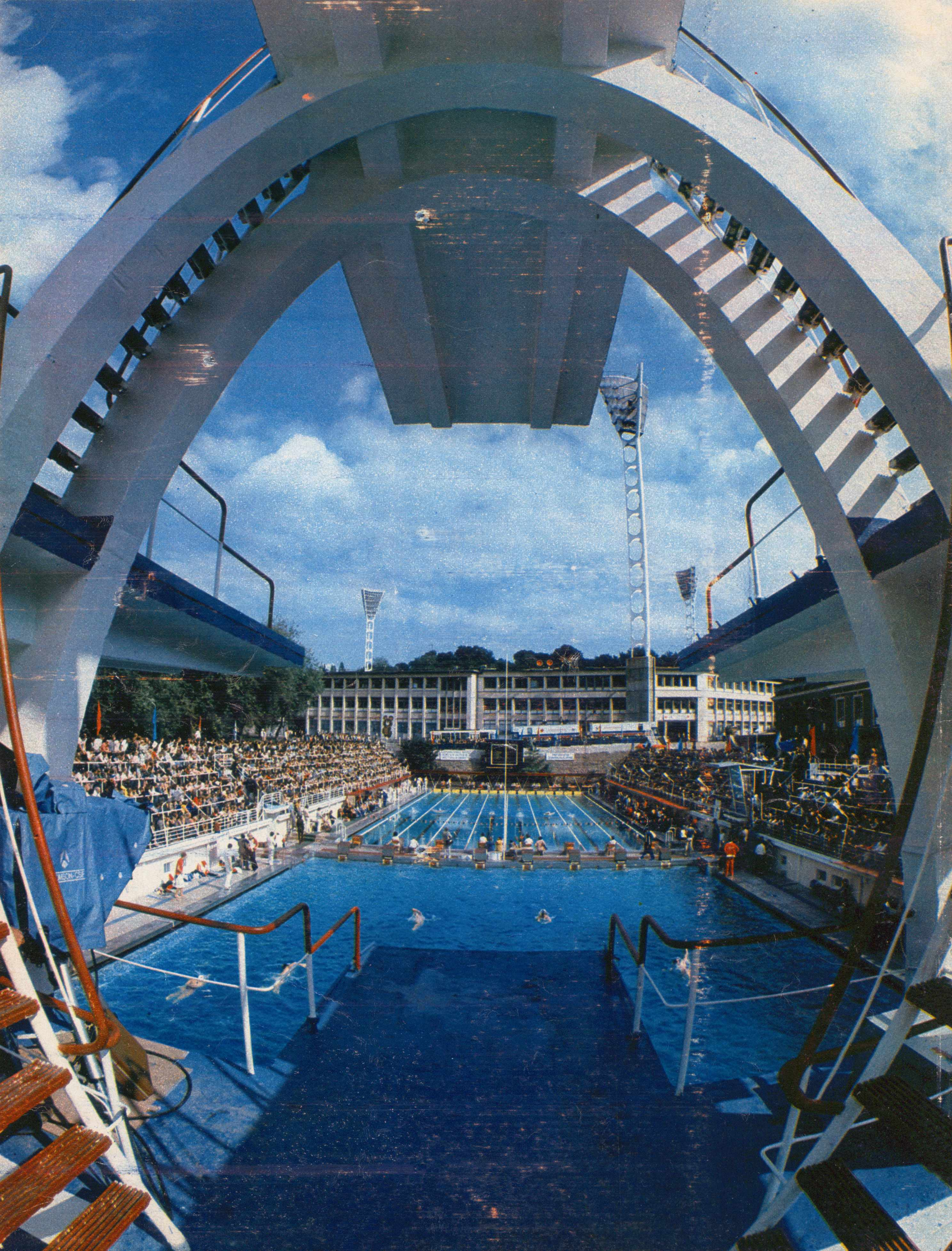

лежала Киеву. Испытывая жестокий национальный и социальный гнет, украинский народ поднялся на борьбу против иноземных захватчиков. Эта освободительная борьба, в которой народ понес огромные жертвы, завершилась под руководством выдающегося сына украинского народа Богдана Хмельницкого в 1654 году воссоединением Украины с Россией.

В январские дни того исторического года наш народ сердечно, с большими почестями встречал высокое русское посольство, и украинцы приняли присягу на верность России. Мы горды тем, что Киеву выпало быть не только «матерью городов русских», но и городом нерушимого братства русского, украинского и белорусского народов.

Воссоединение открыло широкие перспективы для экономического и культурного развития Украины и России. Наше братство прошло суровое испытание временем. Оно закалилось в борьбе, которую украинский народ вел совместно с другими народами России за социальное и национальное освобождение, за светлое будущее.

В марте 1821 года на Украине возникло Южное общество декабристов, которое возглавил Павел Пестель. В Киев к товарищам-декабристам приезжали Пушкин и Грибоедов. Сегодня мы с гордостью вспоминаем, что верным соратником выдающихся русских революционеров-демократов Виссариона Белинского и Александра Герцена был наш великий Кобзарь — Тарас Шевченко. Идеям русских революционных демократов была созвучна деятельность выдающихся украинских писателей Ивана Франко, Леси Украинки, Михаила Коцюбинского.

Украинская национальная культура развивалась и утверждалась во взаимодействии с передовой русской культурой. С Киевом тесно связана деятельность Пирогова, Глинки, Гоголя, Менделеева. Здесь выступали Шаляпин, Собинов, Нежданова, давали авторские концерты Чайковский, Рахманинов, Глазунов... В активе культурных традиций нашего города и богатые международные связи.

«Даже если бы у меня не было друзей, живущих возле Киева,— писал Оноре де Бальзак,— я все же поехал бы в Киев в интересах литературы и этнографии». Сам он приезжал сюда трижды. Наши днепровские кручи помнят Адама Мицкевича, Ференца Листа, Ивана Вазова, Ярослава Гашека, Теодора Драйзера...

Многое пережил Киев за свою полуторатысячелетнюю историю. Но особой страницей в ней выделяются революционные события на баррикадах «Арсенала» — завода-борца, могучей крепости киевских пролетариев. О тех незабываемых днях напоминают потомкам следы пуль и осколков на заводской стене, ставшей символом мужества и стойкости арсенальцев.

За годы Советской власти наш родной город расцвел второй молодостью. В ходе социалистических преобразований коренным образом изменилось его лицо, он стал крупным индустриальным, культурным и научным центром. Уже в предвоенные годы он вышел на третье место по числу жителей среди городов страны.

На пороге сороковых годов машиностроение Киева почти в тридцать раз превысило объем производства 1913 года. Крупным событием в жизни всей республики стало перенесение в 1934 году столицы Советской Украины из Харькова в Киев.

Город рос и хорошел, налаживался быт киевлян, богаче становилась их духовная жизнь. Но тут грянула война, и Киев уже в который раз стал городом-воином. Около двухсот тысяч его сыновей и дочерей в первые же дни Великой Отечественной войны пошли защищать от врага родную землю. Невольно напрашивается сравнение. Во времена нашествия Батыя, по свидетельству одной из летописей, город стойко держал оборону 10 недель и 4 дня. Почти на столько же задержали продвижение фашистских орд защитники Киева в 1941 году.

Бывший генерал вермахта Курт Типпельскирх в книге «История второй мировой войны» оправдывает медленное продвижение немецких войск на Киевском направлении ссылкой на дожди. У отставного генерала, видимо, вовсе отказала память — в июле в этом районе стояли сухие, горячие дни.

В боях под Киевом враг потерял свыше ста тысяч солдат и офицеров. В захваченном им, но не покоренном городе и его окрестностях против оккупантов действовали подпольные организации и отряды, в которых сражались почти сорок тысяч народных мстителей, приближая день нашей Победы.

Долгих два года тянулась жуткая ночь гитлеровской оккупации для Киева. Но вот 6 ноября 1943 года над городом вновь взвилось Красное знамя освобождения.

Город-воин, проявивший особое мужество в годы борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, был удостоен звания города-героя. Подвиг советского народа, подвиг всех, кто приближал светлый день Победы, достойно увековечен в величественном мемориальном комплексе «Украинский государственный музей истории Великой Отечественной войны 1941—1945 годов», который был открыт 9 мая 1981 года.

Особую значимость этому волнующему событию придало участие в нем Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Леонида Ильича Брежнева, его яркая, проникновенная речь, теплые, сердечные слова о нашем родном Киеве.

Грандиозный мемориальный комплекс, поднявшийся на днепровских кручах, подчеркнул товарищ Брежнев, «будет дорог всем советским людям. Он всегда будет символизировать победу жизни над смертью, разума над безумием, добра над злом».

Тяжелое наследие оставила Киеву война, неисчислимы были людские жертвы. В развалинах лежало около тысячи предприятий, выведено было из строя городское хозяйство. Казалось, потребуется огромный срок, чтобы возродить город. Но наш родной Киев благодаря самоотверженному труду его жителей, помощи всей страны залечил раны войны и вновь поднялся во весь свой богатырский рост.

Сегодня Киев — это сплав великого исторического прошлого, славного настоящего и еще более прекрасного будущего. Он бурно развивается, радует своей созидательной энергией и устремленностью в завтра.

Наш город — один из крупнейших индустриальных центров страны. Это город машиностроения и точного приборостроения, развитой легкой и пищевой промышленности. Его предприятия производят продукции в двадцать раз больше, чем до войны. Это станки-автоматы, речные суда, самолеты, машины и автоматические линии, компьютеры и синтетические алмазы, фотоаппараты и телевизоры, текстильные изделия и многие другие товары народного потребления.

Столица Советской Украины по праву считается одним из ведущих центров советской науки. Всего в сфере науки и научного обслуживания трудится у нас 160 тысяч человек. Характерно, что по числу занятых в народном хозяйстве наука вышла на второе место после промышленности. Центром электросварки называют институт имени Е. О. Патона. Всемирную славу снискали и многие другие научные центры нашего города.

Киев стал также широко известной кузницей кадров для народного хозяйства, науки, культуры. Здесь действуют один из старейших в стране университетов, сельхозакадемия, консерватория, политехнический институт, который воспитал многих выдающихся ученых и в котором учился главный конструктор советских ракетно-космических систем, «отец советской космонавтики» С. П. Королев.

Сегодня в восемнадцати высших учебных заведениях Киева обучаются 150 тысяч юношей и девушек. Вместе с советскими сверстниками в вузах и научно-исследовательских институтах приобретают знания шесть тысяч человек из 104 стран мира. Многие специалисты с дипломами киевских институтов стали в своих странах ведущими деятелями в политике, экономике, культуре.

Из года в год растет благосостояние киевлян. С огромным размахом ведется жилищное строительство. Каждые 20 минут в городе появляется новая квартира, каждые сутки — дом на 80 квартир. Ныне жилой фонд города более чем в пять раз превышает довоенный.

Впервые в практике массового жилищного строительства у нас была внедрена система застройки на песке. Чтобы сохранить неповторимый киевский ландшафт и не занимать плодородные земли, не сокращать зеленую зону, киевские строители в течение десятилетий намывали песчаные подушки многометровой толщины на комариные болота и топи в пойме Днепра. Затем на этих подушках, которые на практике оказались надежнейшим основанием, возводятся жилые массивы.

Ныне завершается застройка самого крупного из них — Оболони. Это по населению большой город — уже сегодня тут живет 225 тысяч человек. Начинается застройка еще двух намывных массивов — Троещины и Харьковского шоссе, где будут жить не менее чем по триста тысяч человек.

В городе большое внимание уделяется развитию сети больниц, школ, детских учреждений, предприятий торговли, общественного питания, быта, спортивных сооружений.

Важнейшей проблемой современного города является транспортное обслуживание. Растет протяженность Киевского метрополитена, сейчас действуют два радиуса, а в нынешнем году начато строительство третьего — Сырецко-Печерского. Но рядом с метро, автобусом и троллейбусом хорошо трудится и трамвай. Он у нас второй в Европе и самый старый в России, ему исполнилось девяносто лет.

А расстояния у нас немалые. Киев протянулся вдоль Днепра на 50 километров и занимает площадь почти такую же, как Москва. Но, кроме того, в черту города включен и зеленый пояс лесов, в пять раз превышающий площадь застройки. Это фабрика кислорода, большие легкие нашего города. Но и в самой застроенной части у нас 66 парков. Многочисленные протоки Днепра, 386 озер, почти сто километров пляжей в черте города позволяют каждому киевлянину найти живописный пустынный уголок для отдыха на природе, не выезжая за городскую черту. Посетив Киев, Шарль де Голль сказал: «Я видел прекрасные парки в городах, но впервые вижу город в прекрасном парке».

И как тут не вспомнить дореволюционное прошлое! В 1912 году городская дума рассматривала вопрос о высадке деревьев на городских улицах. Большинство «отцов города» отклонило это предложение по той причине, что озеленение, видите ли, придает Киеву «провинциальный вид»... А сейчас мы горды тем, что, являясь самым зеленым городом Европы, Киев наряду со станками-автоматами и компьютерами экспортирует во Францию, ФРГ, Италию, Данию семена древесно-кустарниковых растений.

Киевляне хорошо подготовились к юбилею родного города. Преобразилась, похорошела после реконструкции центральная площадь — Октябрьской Революции. Становится неузнаваемой, широкой и светлой самая длинная магистраль — Брест-Литовский проспект, большие работы ведутся по благоустройству набережной Днепра, площади Победы, построены и реставрированы многие юбилейные объекты. Первый среди них — мемориальный комплекс истории Великой Отечественной войны. Можно было бы назвать и другие объекты — Дворец торжественных событий, Республиканский дом органной и камерной музыки и т. п.

Бережно относимся мы к памятникам седой древности и старины. Завершена реставрация Андреевской церкви, Московских ворот, Печерской крепости, Софийского собора, колокольни Успенского собора, Кирилловской церкви. Воссоздается дорожка исторического Андреевского спуска, по которой князь Игорь выводил свою дружину в поход. Во время реконструкции площади Октябрьской Революции был обнаружен еще один памятник старины — Печерские ворота, которые станут своеобразным музеем. Завершается реставрация древнейшего памятника — Золотых ворот, обновляется церковь Спаса-на-Берестове, где похоронен основатель Москвы киевский князь Юрий Долгорукий, впервые открывает двери музей истории города.

Особое место среди архитектурных обнов занимает новое здание Киевского филиала Центрального музея Владимира Ильича Ленина. Он открыт в 112-ю годовщину со дня рождения основателя Советского государства. На площади Победы взметнулся ввысь величественный обелиск в честь города-героя Киева. А к днепровскому берегу «причалила» ладья с основателями Киева — Кием, Щеком, Хоривом и сестрой их Лыбедью — так выглядит памятный знак, отражающий древнюю легенду.

Вся республика принимает участие в подготовке к празднованию. Каждая область строит в городе одно кафе — с присущими ей местным колоритом, традициями, вкусом.

Программа юбилейных торжеств насыщена яркими, интересными событиями. Собрание общественности и большой концерт продолжит грандиозный художественно-спортивный праздник, который воссоздаст основные вехи истории Киева, глубоко раскроет идею дружбы и братства народов нашей многонациональной Родины. А затем основные события перенесутся на набережную Днепра и его акваторию, где пройдет яркий водно-спортивный праздник «Река дружбы».

Накануне своего юбилея наш древний Киев живет полнокровной, насыщенной жизнью смело и с оптимизмом смотрит в будущее. Киевляне своим самоотверженным трудом умножают славу родного города, вписывают новые замечательные страницы в его многовековую биографию.

БЕГ НА МЕСТЕ

Д. ИВАНОВ

Красота — среди бегущих
Первых нет и отстающих...

В. Высоцкий

ДОЛЖНО ВОЗДАТЬ ДОЛЖНОЕ

«Бытовая проза», «московская школа», «новая генерация», «сорокалетние»...

Не так давно наша критика весьма активно начала составлять шеренги нового литературного отряда. Тогда-то и замелькали эти разномастные наименования рамок, предназначенных в общем потоке «деревенской», «военной», «производственной», «городской» и прочих удобно отстоявшихся в критическом арсенале «проз» оконтурить специфическое русло для писателей, чьи имена появились на горизонте литературы не вчера и не вмиг, но как-то до той поры оставались незаметными.

Однако на сей раз такое привычное, казалось бы, для критики дело вдруг не пошло на лад: и характерного названия новейшему подразделению никак не подыскивается, да и сами авторы и их произведения без зияющих зазоров одни к другим не подстраиваются, когда всех «сорокалетних» чуть ли не скопом пытаются приписать к некой «московской школе», или у всех разом желают обнаружить близкие достоинства «второго слоя»...

Между тем, действительно, в последние годы в нашей прозе появилось немало новых имен — и тут у каждого свой счет: от единиц до десятков. (И еще год назад поступило предложение считать их просто «целой плеядой».) Правда, их приходу в литературу сопутствовало непривычное (или, правильнее, неприятное) обстоятельство: у них выходили романы, повести, сборники рассказов, выходили первые, вторые, третьи книги, но о них не говорили. Точнее, их кто-то где-то рецензировал, новые имена и произведения упоминались, но о них не говорили как о явлении, как о высокой литературе — не было такого, сразу же яркого впечатления живой жизни, а затем и ясного осознания художественного открытия, как когда выходили пусть не первые, так вторые (а то и третьи) книги Шукшина и К. Воробьева, Астафьева и Белова, Абрамова и Бондарева, Айтматова и Быкова, Казакова и Трифонова, Носова и Семина, Битова и Распутина... (И что еще характерно: некоторые из здесь названных и сейчас совсем ненамного старше нынешних «сорокалетних».)

Но вот два или три года назад завеса стихийного, нерегламентированного молчания, причину которого мы только что попытались обрисовать, — завеса эта разом спала. Не все, но многие (не без настойчивого содействия самих писателей, проложивших свое русло и взявшихся теперь за критическое перо) стали говорить и писать о «слое» или «школе» так, точно в свое время они их проглядели и сейчас спешат отдать должное.

Один из немалого числа примеров тому дает Вл. Гусев — сам автор, сам и критик, который обнаруживает у литераторов «нового типа», «новой генерации» «известное, пусть и весьма относительное единство», «во-первых, в стремлении смотреть жизни, Правде в глаза, как она есть. Смотреть Правде в глаза, как бы ни трудно было для изображения». Отсюда, во-вторых, «стремление резче видеть «вторую реальность», глубинную подоснову жизни... Человек должен постигнуть глубинные ритмы, закономерности бытия... Отсюда «романтические тенденции», отсюда законы поэтики, не всегда уловимые с первого и «простого» взгляда» («Не только по первому слою», «Литературное обозрение» № 6, 1980).

Вот и А. Курчаткин, один из типичных представителей «новой волны», убежден, что «в их творчестве как раз с наибольшей полнотой» «ощущаешь, с каким мучительным напряжением они вглядываются в эту жизнь, поворачивают своих героев, рассматривая их и так и эдак, прощупывают со всех буквально сторон — будто какой эксперимент идет...» («Бремя штиля», «Литературное обозрение» № 12, 1980).

Конечно, нужно только радоваться настойчивому стремлению «сорокалетних» «смотреть Правде в глаза», хотя, с другой стороны, это настолько безусловная в искусстве обязанность, что столь горячо присягать ей, наверное, даже и неудобно. Однако, как раньше ни представлялись особенно красноречивыми реальные результаты этого «вглядывания», так теперь и подобные громкие декларации звучат убедительно не для всех.

«Не помню в литературе случая, — решительно усомнился И. Золотусский («Оглянись с любовью», «Литературное обозрение» № 12, 1980), — чтоб кто-то прямо и откровенно говорил времени правду в глаза, а оно в ответ молчало. Не раздражалось, не нападало на эту правду, а заодно и на авторов ее. Авторы эти пишут и печатаются, их романы и повести появляются в журналах (кажется, еще чаще отдельными изданиями, — и это очень хорошо, не дай бог, чтоб кто-нибудь решил, что надо наоборот. — **Д. И.**) — но где бум? Где синяки и шишки? Где гонения на правду?»

И действительно, Правду (с большой буквы) и открытия в большинстве книг большинства «сорокалетних» приходится пока собирать по крохам. Что же касается «гонений», то и впрямь — не считать же ими тот факт, что за последний год в разговоре о книгах «новой генерации» критики дважды — сначала Ф. Кузнецов, а затем И. Дедков, — предъявляя претензии к «бескрылому позитивизму описательности», мелкотемности и бытовизму, обратились назидательно к авторитету Чернышевского. Из его знаменитой статьи «Русский человек на rendez-vous» Ф. Кузнецов напомнил непреходящее суждение о том, что «лучше не развиваться человеку, нежели развиваться без влияния мысли об общественных делах, без влияния чувств, пробуждаемых участием в них. Если из круга моих наблюдений, из сферы действий, в которой вращаюсь я, исключены идеи и побуждения, имеющие предметом общую пользу, то есть исключены гражданские мотивы, что останется наблюдать мне? в чем остается участвовать мне?»

Увы для «бытовой прозы» (или для «московской школы»? или для «второго слоя»?..) — постижения «социальной нови нашей сегодняшней городской и деревенской жизни в ее наисовременнейших формах социально-экономического и научно-технического существования» Ф. Кузнецов в их созданиях на сей раз не обнаруживает. «Что ж, — усмешливо замечает критик в своей статье «Чем движется век» («Литературная газета», 18 февраля 1981), — как говорится, дерзайте, юноши, если хватит сил!»

К пафосу выступления Ф. Кузнецова активно присоединился И. Дедков. Правда, предостерегая «от чрезмерного увлечения изображением картин частной и личной жизни», которое прежде всего бросается в глаза в книгах «сорокалетних», критик задумывается:

«Тургеневская «Ася» — повесть о сугубо частной жизни, о любви, и ничего не говорит о том, как освобождать крестьян от крепостной зависимости. Под пером Н. Г. Чернышевского повесть не приобрела никакого другого, несвойственного ей содержания, но весь ее нравственный смысл сосредоточен рождению более широкой мысли о жизни; о характере современника, о психологии общественной нерешительности, непоследовательности, трусости и т. п.

Так, может быть, прежде чем звать к преодолению в литературе всего «замкнуто-бытового», «частного», «личного», стоит попытаться понять, что же вместилось в том тесном кругу?»

Анализу того, что «вместилось», и посвящена вся статья И. Дедкова «Когда рассеялся лирический туман» («Литературное обозрение» № 8, 1981), со многими выводами которой убежденно соглашаешься. И в первую очередь с тем, что в книгах «сорокалетних» «слишком мало правды, ее живой воды, столь необходимой человеку для жизни».

Но коли большинство реальных «художественных постижений» литераторов «новой генерации» действительно таковы, что ж теперь — неужто надо-таки звать к преодолению «замкнуто-бытового», «частного», «личного» в литературе?..

Ф. Кузнецов в своей статье отвечает: «Для литературы губительно не само «погружение в быт», но «беззвездное», безыдеальное отношение к действительности...»

Е. Сидоров («Живая вода и критическая жажда», «Литературная газета», 24 декабря 1980) думает еще определеннее: «В постоянном обращении названных и неназванных писателей к быту ощущается общественная потребность, а вовсе не заблуждение, мода и т. д. ...Важно при этом, чтобы художник был поэтом, а не просто «жанристом», нес в душе идеальное начало...»

Получается — все становится на свои места: никакая сфера жизни, в том числе и бытовая, частно-личная, не заслонит художнику его внутренний свет и не будет препятствием для книг с «нравственным смыслом», способствующим «рождению более широкой мысли о жизни», если он знает «меру», несет в своей душе «звездное», «настоящее», «идеальное».

Только вот ведь какая незадача: теми же «началами» и «мотивами» клянутся и «сорокалетние». Недаром Е. Сидоров убежденно «разделяет надежды Вл. Гусева» — те самые, которые И. Дедков убедительно опровергает...

...Так сказали «сорокалетние» какое-то новое слово — или пока одни лишь надежды, обещания и, как пишет Вл. Гусев, стремления «быть мужественными и духовно, граждански зрелыми, и мудрыми в это суровое, в это патетическое и ответственное время»?

Скажем сразу: найти «интегрированный» ответ мы не рассчитываем. Мы желали бы поговорить о книгах нескольких новейших авторов, — именно нескольких, ибо способны лишь удивляться И. Дедкову, который сумел заставить себя одолеть не один десяток произведений «сорокалетних». Нас же хватило пока на значительно меньший круг авторов «второго слоя», и немногим позже мы постараемся объяснить свои затруднения на этот счет.

Однако это никак впрямую не связано с «мелочностью» исследуемой ими действительности. Ибо, во-первых, далеко не у всех новейших прозаиков повседневное бытие начисто изолировано от бытия общественного и замкнуто только на частную и личную стороны жизни. А во-вторых, повседневность частной и личной жизни тоже может быть насыщена вечными и самыми насущными проблемами. И если заранее известно, что при решении своих задач писатели «новой генерации» в чем-то отдают предпочтение микроскопу, то, конечно, как они смотрят, во многом определяет изображаемое, однако главное: что они сумели увидеть.

Но приходится повторять: и при постановке насущных и важных проблем, и просто при воссоздании окружающей действительности авторы «новой генерации» слишком редко достигают правды, художественной правды.

БЕДОЛАГА НА РАНДЕВУ

«...Понять современного человека без досконального знания того, чем занимается он «на службе», практически невозможно. Этого досконального знания нам, к сожалению, хватает не всегда, — писал год назад Р. Киреев. — Вот где главная беда «бытовой прозы», вот где ее уязвимость, и вот откуда не называемая вслух, но подразумеваемая — и нередко не без оснований — второсортность этой литературы».

Позволим себе здесь усомниться в правоте писателя. «Сорокалетние» знают жизнь «на службе» и вне ее неплохо — они изображают ее нехорошо.

Ну вот, опять, скажет, поди Р. Киреев, — я же буквально только что («Литературная газета», 3 февраля 1982) сам это же отмечал: «...чуть ли не каждый твой роман обвиняют то в объективизме, то в неспособности автора довести до логического конца мысль. В нерешительности. В непроясненности отношения к герою...» А если мой герой — сложный, «амби-

валентный», и такой и сякой, и отрицательный и положительный, если в нем наличествует «самозабвенное (?! — Д. И.) противоборство диалектических начал»?

Действительно, занятный характер вывел писатель в своем романе «Победитель». Станислав Рябов не любит жену, не уважает отца, не чтит мать, насмехается в душе над родной теткой, не испытывает благодарности к своей бывшей няньке, плохо понимает, а то и вовсе не переносит старшего брата, издевается про себя над директором НИИ, где служит, а заодно и над большинством сослуживцев и просто знакомых и малознакомых людей, не щадит в мыслях даже выпестовавшего его профессора — болезненную, но не уходящую на покой Марго — и одновременно со всеми уживается, подо всех подлаживается; и опять же: не подличает неумеренно, не идет на необязательные сделки с совестью, сознает свое приспособленчество и никак от себя не в восторге...

Итак, как видим, характер непростой. А жизнь, получается, еще сложнее: с одной стороны, толкает на приспособленчество, с другой — позволяет не пасть низко, не предавать. Вот и болтается в ней Рябов: ни туда ни сюда, ни вашим ни нашим...

Болтается?.. Нет, уверенно и успешно шагает вверх: в «Победителе» Рябов — 28-летний кандидат наук, а в новом романе «Подготовительная тетрадь», оставаясь наружно столь же привлекательным и, возможно, все еще достаточно щепетильным,— уже ректор в 37 лет. И ведь не скажем, что незаслуженно. Рябов знает свое дело, увлечен им, его ум и сердце открыты передовому (тут как раз Р. Киреева хватает, чтобы оживить в наших глазах приверженность Станислава делу), он куда как лучше тех, что вовсе не на своем месте, так что кому-то, критику Л. Аннинскому, например, может показаться: «Вот опора, вот надежда — этот... трезвый практик... человек, который сегодня может сделать дело» [1].

Да, может. Но... не делает. Рябов и в своем кровном деле прежде всего также приспособленец. Как справедливо судит И. Дедков, «существо дела, его душа, цель, старомодное «во имя?» не имеют значения» для Станислава (и многих других героев «сорокалетних»).

Ведь для того, чтобы его любимое дело осуществлялось наилучшим образом, он должен помогать Марго в ее борьбе с бездарным, никчемным директором, а он отходит в сторону. Он рассуждает: Марго должна, раньше или позже, уйти — это аксиома. Кто займет ее место? Для дела надо — Рябов. Значит, не нужно спорить с директором Панюшкиным. Раз такого назначают, бесполезны все наскоки Марго на него. И, значит, не нужно поддерживать ее... Мне такой путь не нравится, но что поделаешь. И я верю, что на этом пути не смогу ухудшиться настолько, чтоб стать вровень с Панюшкиным... А дело пока подождет. Зато потом оно пойдет лучше...

Лучше ли? Пойдет ли? Почему такого назначают? — эти самые «настоятельные потребности эпохи», к сожалению, Р. Киреева в романе не тревожат. Вместе с тем, зорко фиксируя реальный рябовский характер — на поступки этого героя смотришь часто без радости, как в зеркало,— писатель пробует ставить далеко не «мелочные» вопросы. Перед нами образ человека, который умудряется жить не по правде, а окружающие с этим мирятся, не замечают его приспособленчества, более того, не винят его в нем.

И вот здесь у Р. Киреева нет «непроясненного отношения», он уверенно обличает жизнь за то, что она «добрая» на создание таких героев и подобных ситуаций. И его позиция тут справедлива и гражданственна, он хочет сказать нам правду о жизни... А о своем герое — хочет или нет?

«Хорошо Бондареву и Быкову,— жалуется Р. Киреев,— они воевали и они собственными глазами видели человека в переплетах, когда притворяться невозможно. А как нам быть? Мы ведь тоже хотим поставить своего персонажа в экстремальную ситуацию и посмотреть, как поведет он себя, бедолага».

Так и ставьте, кто мешает?!

Увы, не ставят. Почему? Потому что бедолага...

Вот уж, действительно, слово найдено — слово, чтобы неявно выразить явное сочувствие к тому, кого писатель считает вроде как без вины виноватым. За что же, правда, винить, если он хоть и плохой, но и хороший. («Ах, если б писатель поменьше любил своего героя...» — восклицал И. Дедков.) За что же быть столь недобрым к своему герою, если сама жизнь к нему «добрая», как мы видели только что. Вот пусть она и отвечает и за Рябова и на недоуменные вопросы — кого винить?

А автор? Автор пока готов мириться и с героем и с жизнью.

С одной стороны, видит писатель, «жизнь — не военная, мирная, сегодняшняя наша жизнь — на такие («экстремальные».— Д. И.) ситуации очень даже изобретательна». С другой, считал Р. Киреев год назад, «ныне жизнь полегчала. Не упростилась, а полегчала...» (или «поспокойнела», как мог бы сказать А. Курчаткин, которому наше время представляется «временем спокойного, я бы сказал, равнинного течения жизни»). Сегодня Р. Киреев так развивает свою мысль: «На наших глазах бурно утверждают себя новые, вчера еще непривычные формы экономического развития. Корректируются моральные критерии. Ощутима тенденция к большей свободе от жестких стереотипов некоторых нравственных оценок. Словом, при безусловности и незыблемости исходных мировоззренческих позиций постепенно ослабляется категоричность в подходе к тому или иному конкретному явлению — бытовому, психологическому, производственному, семейному и так далее. Общество взрослеет...»

«Общество взрослеет»... Взрослеет — значит, появляется больше понимания; понять — значит простить; вот писатель и прощает Рябова.

А в результате Р. Киреев слишком недоговаривает правды и о своем герое и о жизни. Со своей «самозабвенной» амбивалентностью он теряет цельность взгляда и, будучи зорким, способным многое подмечать и задумываться, только копирует, фиксирует реальность то с одной, то с другой стороны (самому писателю это его свойство представляется, видимо, объективностью), в результате вместо живо запечатленных противоречивых характеров и действительности перед нами предстают плоские, односторонние изображения, которые, как в затейливом калейдоскопе, складываются то в «или — или», то в «и — и»...

Сочувствовать или обвинять? И жалеть и винить? Дать Рябову проверить себя перед необходимостью предать Марго или умолчать о такой возможности и отвести героя от решающего столкновения с жизнью, а жизнь — от столкновения с «безусловным и незыблемым»?

Как и всегда, выбор пусть незаметно, но давно уже совершился, и выбрал писатель последнее. А в результате перед нами характер абсолютно ясный и законченный уже к пятидесятой или шестидесятой странице. И все дальнейшее будет нескончаемыми вариациями и наслоениями уже известного. И требуется с боем заставлять себя не отложить роман, который ходит кругами на одном и том же месте и толчет, толчет воду в словесной ступе. И становимся мы свидетелями энергичных споров приспособившегося младшего брата со старшим, ни к чему не приспосабливающимся, споров бесконечных и бездейственных, безгласных и в полный голос, а заканчивающихся вдруг ни с того ни с сего дифирамбом старшего в честь Станислава. И будет писатель натужно заманивать нас через всю книгу бессмысленным ожиданием, поедет или нет Рябов в Жаброво к девушке, заронившей в нем глубокое вроде бы чувство,— поедет или смалодушничает?— хотя уже в самом начале ясно, что Рябов — родной брат герою тургеневской «Аси».

И будем мы с тоской вспоминать Ивана Сергеевича Тургенева и его совсем короткую повесть: там были правда жизни и правда характеров, там состоялось свидание с героем — и Ася и вместе с нею читатели узнали его до конца. А в «Победителе» правда ушла, как в песок, вслед за «ослаблением категоричности», вслед за «большей свободой от жестких стереотипов некоторых нравственных оценок»...

Теперь о «Подготовительной тетради», новом романе Р. Киреева.

Целую «систему» приспособления, донельзя разветвленную и до мелочей продуманную, осуществил его герой Петр Иванович Свечкин, но не для собственного незаконного блага, а во имя дела, ориентируясь на реальные условия нашего хозяйственного механизма. Суть ее такова. Берется какое-либо лицо, имеющее непосредственное отношение к делу, которым занимается Свечкин, но не имеющее, как это ни печально, прямой в деле заинтересованности. Однако выявляется сильный побочный интерес этого лица, и находится тот или иной способ, в целом благопристойный, этот интерес удовлетворить. И тогда-то нужное лицо оказывается в силах и возможности существенно помочь основному делу Свечкина... В комплексе это привело в романе к тому, что изделия Новоромановской швейной фабрики стали рвать с руками и чуть ли даже не за границей.

Но Виктор Карманов, сотрудник областной газеты, который никогда и ни к чему — новый вариант Рябова-старшего — не приспосабливается (даже к собственному ребенку и жене, отчего и живет раздельно с ними), поднялся против этой «системы». Поднялся, хотя в свое время поддался ее эффективности и возвеличил Свечкина на газетных полосах. Поднялся, но потерпел поражение... «Система» остается неколебимой, отдельных ее участников не удается вытащить за ушко да на солнышко... Самого же Карманова понижают в должности из-за неподтверждения фактов его фельетона. И даже Эльвира — человек, кого Виктор, кажется, впервые в жизни полюбил и которая ответила ему взаимностью,— рвет с ним: ей нужен приспособленный к ней Свечкин.

Итак, снова та же важная, значительная, остропроблемная и своевременная тема, но — наружно — диаметрально противоположный подход к ней. В «Победителе» отношение к приспособленчеству было «общепримиряющим», здесь же писатель явно ополчился против него; и гиперболизированной всеохватностью свечкинской «системы», и яростной схваткой с ней Карманова, и тем, что Виктор оказывается у разбитого корыта,— Р. Киреев открыто хочет восстать против «имеющего место» положения вещей. И одновременно проводится точная мысль, что в настоящий момент подобная «система» — вещь реальная, с ней надо считаться, отдельные наскоки вроде кармановских, как они ни справедливы, чаще всего обречены на неудачу. Так что налицо драматическая, если не более высокая ситуация.

Но, увы, никакого драматизма ни на миг в романе не возникает, просто не ощущается. Все в «Подготовительной тетради» предопределено и ограничено той же литературной схемой, какой руководствуется Карманов, сочиняющий в свободное от работы время свою комическую примирительную версию Дон Жуана. Каковы художественные достоинства этого произведения, о которых Виктор заботится вроде бы больше всего на свете, читатель так и не узнает, зато узнаёт, что занимает в нем автора вопрос глобальный — «проблема, над какой вот уже столько веков бьются лучшие умы человечества. «Нет правды на земле. Но правды нет и выше».

А может, есть? Или нет? Есть или нет?..»

И кармановский Дон Жуан задумывает «грандиозный эксперимент»: «Да, он будет грешить, грешить неустанно и преднамеренно, но вовсе не из-за любви к греху, не из сладострастия и распущенности... а жаждая получить ответ. Какой? Это зависит не от него. Если справедливость существует, то он должен быть наказан. Должен! И вот уже, подзуженный легендой, бесстрашный экспериментатор приглашает на ужин статую Командора...»

Что же в ответ? «Жуана, однако, ждет разочарование. Земля не разверзается под ногами, а страшный гость вместо того, чтобы, с грохотом возвещая торжество правды, умертвить обидчика ледяным рукопожатием, жалуется на радикулит и просит чаю».

Таким образом, тема и события романа Р. Киреева оказываются лишь иллюстрацией к этой схеме, именно схеме, а не живой сути вечного вопроса о справедливости.

Столь же мало правды в образе Свечкина, призванного иллюстрировать тезу романа. В «Подготовительной тетради» во всем, даже в сакраментальной истории с незаконными персиками, он, Свечкин, воплощающий приспособленчество, выглядит эдаким благим, безоблачно чистым, чуть ли не ангелом с крылышками. Между тем, как писал по близкому поводу Чернышевский, разбирая тургеневскую «Асю», «прикасающийся к смоле зачернится»,— и Свечкин, возводящий вавилонскую башню приспособления, неотвратимо должен от «системы» заинтересовывания скатиться к системе «подмазывания» и пасть в конце «концов...

Что касается его противоборца и, по видимости, носителя антитезы Карманова, то ведь тот уже на второй странице романа видит исход своего Дон Жуана и свой собственный: «Комедия — это ряд событий, порой довольно бурных и занимательных, иногда поучительных, однако ничего не меняющих в судьбах тех, с кем эти события происходят». Так в романе Р. Киреева и случается, только вместо сшибки трагического и комического мы видим их примирение.

И здесь мы снова ощущаем «амбивалентный», равноправный, а по существу, равнодушный авторский взгляд, который опять глушит живой нерв книги. Оттого снова «бег на месте», бесполезная суета вокруг да около непростых вопросов. И снова надо из последних сил бороться с собою, чтобы не оставить книгу, не дочитав и до середины.

Окончание следует.

[1] Кстати, А. Латынина недавно очень точно заметила: «Я всегда с интересом читаю Льва Аннинского, но в последнее время у меня часто возникает ощущение, что статьями своими он кого-то словно дразнит, как в диалоге с Трифоновым дразнит своего собеседника». И правда, Ю. Трифонову только и оставалось, что прямо-таки кричать: «Но как же не замечать такие отчетливые, наполненные авторским отношением и чувством сцены, как будто их вовсе не было? ...Почему же критик не задумывается над тем, что именно хотел сказать автор?» («Новый мир» № 11. 1981).

Три черепахи

Олег ШМЕЛЕВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

ГЛАВА IX

ДОПРОС С ПЕРЕРЫВОМ

Хорошо разработанный план допроса — великая, конечно, вещь, но Басков понимал, что допрос человека с таким богатым уголовным опытом, как у Брыся, не укладывается в общие рамки. Тут вряд ли сумеешь поставить ловушку, которую твой подневольный собеседник не заметит, вряд ли перехитришь его в игре околичностями. Поэтому Басков избрал самую простую тактику — ставить Брыся перед фактом, и пусть он опровергает, если сможет.

Когда конвойный ввел Брыся, Басков поразился перемене, происшедшей с арестованным: за три дня он постарел на десяток лет. Крупные морщины на щеках глубоко врубились в кожу, глаза запали, а цвет лица приобрел какой-то чугунный оттенок. Новый костюм висел на нем, словно на вешалке, а между тем Басков отлично помнил, что там, на почте в Харькове, плечи у него были как влитые.

— Вы что, совсем не едите? — спросил Басков, когда Брысь сел на стул.

— А вы меня на откорм поставили, что ли? — мрачно пошутил Брысь.

Басков пожалел, что задал чисто по-человечески свой вопрос.

— Я к вам не подмазываюсь, Балакин. Начнем по делу.— Он взял паспорт.— Откуда у вас документ Константина Васильевича Зыкова?

— На улице нашел,— с издевкой ответил Брысь.

— Вы даете понять, что врете. Только не надо строить насмешки, это не укрепляет отношения. Лучше вы начистоту, Александр Иваныч.

На Баскова глянули из-под густых темных бровей усталые и вместе неуловимо насмешливые глаза.

— Не держите меня за долдона, гражданин начальник. Вы еще молодой, а я давно с ярмарки еду. Ксива краденая, ну и что? Не за это меня взяли.

— Ладно, разберемся. Только не зовите меня начальником. Лучше — гражданин майор.— Басков из своей руки показал Брысю его письмо.— Это вы писали?

— Ну, наверно, я.

У Баскова уже было заключение графологической экспертизы, где говорилось, что денежный перевод и телеграмма написаны одним человеком, а письмо, по всей вероятности, другим, но он сейчас не хотел касаться этого вопроса.

— Что вы должны были получить от Шальнева и что он устраивал? — спросил Басков.

Брысь покачал головой.

— Эх, гражданин майор... Я телом еще не старик, раз покуда комар кусать не отказывается... А душа...— Он взглянул на Баскова уже без тени насмешки.— Можно мне спросить? Один раз, больше не буду.

Басков почувствовал, что сейчас должен произойти какой-то поворот, что сидящий перед ним матерый рецидивист по неведомой ему, Баскову, причине дрогнул где-то в глубине своего существа и хочет вынырнуть на белый свет, чтобы глотнуть глоток чистого воздуха или, если это не удастся, утонуть.

— Спрашивайте.

— Меня сдал Шальнев? — тихо спросил Брысь.

— Нет. Подумайте сами: зачем бы я стал задавать вам лишние вопросы, если бы на них уже ответил Шальнев?

— Я ваши порядки знаю. Один сказал — другой закрепить должен. Я вор в законе, и вот мое слово: скажите правду про Шальнева, он меня заложил или нет,— расколюсь, жилы вам мотать не буду.

Момент был из тех, что редко повторяются. Сняв трубку, Басков позвонил по телефону.

— Марат, зайди.

Тот явился немедля. Брысь сначала на него даже не оглянулся.

— Ты когда был в больнице? — спросил Басков.

— В пятницу, товарищ майор.

— Как там?

— Лучше, но пока без сознания.— При этих словах Брысь посмотрел на Марата, который тоже смотрел на него.

— Позвони, предупреди — сейчас приедем. И вызови «воронок».

— Слушаюсь, товарищ майор...

Марат ушел, а Басков подвинул на столе сигареты, зажигалку и пепельницу поближе к Брысю и сказал, взглянув на часы:

— Закуривайте. Я покажу вам кое-что, Балакин, и тогда вы, может быть, поверите мне.

Брысь еще не понимал, что ему готовится.

В палате, где лежал Шальнев, ничто не изменилось с того июльского жаркого дня, когда его сюда привезли. Он висел в своем фантастическом гамаке, укрытый до пояса простынею, и трубочки по-прежнему змеились от его рук и ног к стеклянному шкафу в изголовье, похожему на действующую модель какого-то химического производства в разрезе.

Изменилось только то, что было лицом Шальнева. Теперь оно походило на кору сосны с выступившими на поверхности смоляными каплями.

Сестра оставила Баскова и Балакина, одетых в белые халаты и белые же полотняные бахилы поверх ботинок, и Басков сказал, показав на левую руку Шальнева, лежавшую вдоль тела на кромке гамака:

— У него нет паспорта, но там есть татуировка... Посмотрите.

Балакин приблизился, склонился над рукой, по которой от запястья к локтю ползла синяя черепаха. Потом, пятясь, вернулся на середину комнаты и спросил шепотом:

— Кто его?

— Я думаю, что не вы. Но и без вас здесь не обошлось. Или как?

— Эх, гражданин начальник,— только и сказал Балакин.

— Ладно, пошли.

...Басков надеялся, что после столь убедительного ответа на вопрос Балакина о Шальневе, да если учесть слово, данное вором, допрос пойдет без помех, но он просчитался.

Уже в машине с Балакиным что-то случилось, он даже отказался от предложенной сигареты. А когда Басков, продолжая прерванный допрос, снова спросил, что должен был сделать Шальнев и каких вестей ждал от него Балакин, он услышал в ответ:

— Ничего я вам не скажу, гражданин майор. Дайте подумать.

Баскову обижаться не приходилось: на то они и воры, их дело такое — изворачиваться. И за то, что свозил Балакина к Шальневу, он себя не ругал. Неприятно было одно — что поддался минутной слабости и поверил, будто в душе Балакина может произойти какой-то перелом.

— Подумайте, Балакин, подумайте,— сказал Басков.— Но учтите, мне долго ждать времени нет.

Басков не хотел открывать всех своих карт и не стал говорить на первом допросе ни о П., ни о Ленинграде, ни о паспорте Балакина, обнаруженном в кармане у Шальнева,— вообще ни о чем из того, что ему было известно: он хотел дать Балакину возможность самому, без постороннего нажима, признаться во всем. Жаль, что не получилось с первого захода.

Басков много бы дал, чтобы узнать, о чем будет думать у себя в камере Балакин. Можно догадываться, что он должен определить линию своего поведения на допросах и решить, в чем признаваться, а что отрицать. Можно также предположить, что он при этом будет учитывать важное обстоятельство: его показания и признания затронут третьих лиц.

Предугадать, как поведет себя Балакин дальше, было трудно, а время терять действительно не следовало. И Басков подумал об Анатолии Ивановиче Серегине.

Нет, он был далек от всякой сентиментальности, но свято верил в неисчезающую силу далеких детских впечатлений. Он по себе знает, что ломоть черного хлеба, политый подсолнечным маслом и присыпанный солью, который был съеден пополам с приятелем по пути из дома в школу,— это такая прочная скрепка, что ее не разорвет никакое время.

И так же свято верил Басков в то, что самый закоренелый преступник, если только он не врожденный дебил, носит в себе тайную тоску по тем светлым дням, когда сердце его еще не заскорузло. Положи горячую ладонь на замерзшее стекло окна — увидишь через прогалину ясное небо...

Если Балакин и захочет раскрыться перед кем-нибудь, то гораздо скорее сделает это перед другом детства, чем перед обычным работником угрозыска, которых на своем веку он повидал наверняка больше, чем обыкновенный честный человек — зубных врачей...

Испросив разрешение начальства, Басков отправился в телеграфный зал дежурной части, и там девушки тотчас связали его по телетайпу с областным управлением внутренних дел, которое возглавлял полковник Серегин.

Анатолий Иванович, когда узнал, в чем дело, охотно согласился прилететь в Москву, но сказал, что задержится на два дня. Это Баскова устраивало.

Никаких театральных эффектов они не приготовили. Басков сидел за своим столом, а Серегин в кресле, спиной к окну.

Войдя в раскрытую конвойным дверь, Ба-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 12—20.

лакин склонил голову в коротком поклоне и сказал:

— Здравия желаю, граждане начальники.

— Попроще, Балакин,— сказал Басков.— Вот стул, садитесь. Курить хотите?

— Бросил, гражданин майор. Спасибо.

На Серегина, как прежде на Марата, Балакин не обращал внимания и повернулся к нему, только когда услышал:

— Ну, здравствуй, Брысь.

Балакин не удивился.

— Я уже здоровался. А зовут меня так, между прочим, только хорошие знакомые.

— Мы знакомы давно.

— Что-то не припоминаю.

Серегин расстегнул запонку на левой руке, поддернул рукав, обнажив ползущую от запястья к локтю бледно-голубую черепаху.

— Может, вспомнишь? Твоя работа.

Балакин перевел взгляд с черепахи на лицо Серегина, помолчал, и некое подобие улыбки скользнуло по его губам.

— Испания... Как же, не забыл, наколочка моя... А звать тебя?

— Серьга.

— Вы с Эсбэ дружками были... Клюшками промышляли...

— И свечками.

Балакин покосился на Серегина.

— Не забыл, значит, свечечки?.. А ты кто ж теперь будешь?

— В милиции служу.

— Угу, понятно.

Басков уловил зыковские интонации. Оно неудивительно, так как Балакин хоть и недолго, но с Зыковым общался. Однако Балакин ерничал, а это на него совсем не было похоже. Так делают, когда хотят скрыть свое подлинное состояние.

— А что вам понятно? — спросил Басков.

— Психологию разводите. Слезу из меня давите. Так ведь я, гражданин майор, последний раз плакал, когда, извините, от материнской титьки отрывали.

Басков уже видел, что не такой уж он железный, каким хочет казаться, но играть дальше в кошки-мышки не имело смысла.

— Вы угадали,— сказал он.— Хотите, мы тоже погадаем?

Балакин с преувеличенной готовностью подался к нему, изображая наивный интерес, который вовсе не был наивным.

— Ну-ка, ну-ка.

— Будем исходить из того, что не вы напали на Шальнева. Это похоже на правду, верно?

— Похоже,— серьезно согласился Балакин.

— Тогда попробуем угадать, что вас беспокоит.— Басков закурил сигарету, вынул из стола паспорт, положил его под ладонь.— Начнем по порядку... Когда я показал вам ваше письмо, вы подумали, что вас выдал Шальнев. Так?

— Я вам это говорил.

— Потом вы увидели Шальнева в больнице, и подозрение отпало. Так?

— Верно.

— Тогда вы спросили себя: как мы на вас вышли? Ну, тут ясно: нашли полумертвого Шальнева, установили наблюдение за квартирой, перехватили письмо, а дальше все проще пареной репы. Так?

— Ну, так.

— Теперь один вопрос, Балакин: вы бы по лицу узнали Шальнева?

— Какое же там лицо...

— Вот именно.— Басков сделал паузу и продолжал: — Значит, установить, что это Шальнев, можно было лишь по паспорту. Согласны?

— И по другим бумагам тоже,— уже деловито поправил Балакин.

— Никаких бумаг при Шальневе не оказалось. В кармане у него нашли только это.

Басков подал Балакину паспорт и мельком взглянул на Серегина, молча следившего за развитием этого разговора, который можно было считать допросом лишь весьма условно. Серегин знал обо всем, что удалось добыть Баскову по делу, в мельчайших подробностях, и он понимал, что сейчас наступил важный момент.

Балакин держал в руках свой собственный паспорт, глядел на собственный портрет и молчал. Желваки вздувались и опадали на его скулах.

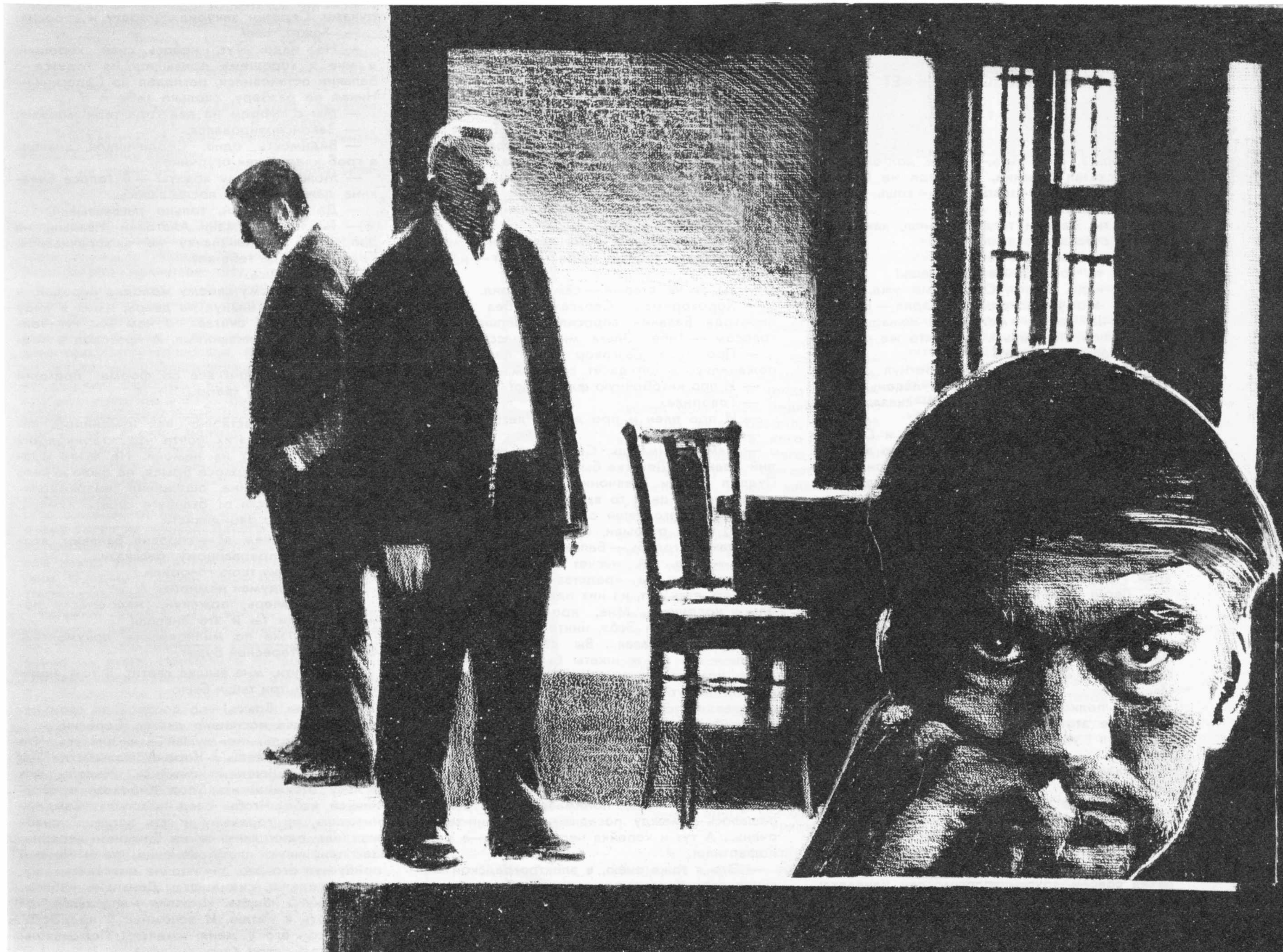
— Ну что, Александр Иванович,— прервал молчание Басков,— ловил я вас, когда про Шальнева спрашивал?

— Это было у Эсбэ в кармане? — не отвечая на вопрос, спросил Балакин.

— А откуда же бы попал ко мне ваш паспорт? Или опять думаете, покупают вас?

Балакин молчал.

— Кого покрываете, Александр Иванович,— со вздохом сказал Басков.

— Мне покрывать некого.

— Города, где после колонии жили, боитесь?

— Это вы на меня не навесите.— Балакин поднял голову.— Большое дело — уехал, не рассчитавшись.

Басков поднялся, взял у него паспорт, спрятал в сейф.

— Вы уж и меня за долдона не держите, Александр Иванович. Тут ведь заколдованный круг. И сдается мне, одно имечко все развязать может.

Имя Чистого ни разу еще не всплывало, но наивно было бы полагать, будто Балакин не подозревает, что оно известно Баскову. Однако Басков не желал первым произносить это имя — опять-таки в надежде, что Балакин в конце концов использует оставляемый ему шанс добровольно помочь следствию и тем облегчить не только душу, но, может быть, и будущую свою участь. Если бы он мог признаться этому старому взломщику сейфов в своей симпатии к нему, вызванной еще рассказом Серегина... Да нет, это было бы уж слишком...

Басков, закрыв сейф, сказал Серегину:

— Мне на полчасика отлучиться надо, Анатолий Иванович. А вы тут посидите, потолкуйте. Наверно, есть что вспомнить.

— А вот Брысь скажет опять, что психологию разводим — какой же разговор?

Балакин промолчал, и Басков у него за спиной, уже от двери, весело подмигнул Серегину.

— Я Марату скажу, пусть чайку принесет.

И он оставил Балакина и Серегина с глазу на глаз.

ГЛАВА X

БРЫСЬ РАССКАЗЫВАЕТ

1

— Серьга, стал быть,— после долгого молчания сказал Балакин, не глядя на Серегина.— А вот как звать вас — хошь убей... Память отшибло.

— А ты меня и тогда не знал, как звать. Это мы с Эсбэ тебя знали.

Балакин посмотрел на него.

— На ты хочешь? Не брезгуешь?

— Не надо, Брысь. Старые мы уже.

— Я этому молодке говорил,— Балакин кивнул на дверь,— меня еще комары кусают — значит, не старый. А вы кто же по чину будете, если не секрет?

— Полковник.— Серегин застегнул запонку на рукаве и пригладил волосы ладонью.

— Далеконько разбежались,— сказал Балакин.

Вид у него был очень усталый, и Серегин считал пошлым продолжать разговор в таком невразумительном духе. Не об этом он думал.

— Знаешь, Брысь,— сказал он, сердясь не себя,— я тебя не допрашиваю.— Он тоже кивнул на дверь.— Этот молодка через меня Шальнева опознал, через твою черепашку... Тебе учесть это надо, а вешать на тебя лишнего никто не станет. Сам навешал... Тебе же край. Помоги — легче будет.

— Легче мне не будет,— с усмешкой сказал Балакин.— А вас как все же величать прикажете?

— Еще раз прошу, Брысь, не будь клоуном. Не хочешь по-человечески говорить — хоть бы по фене морочил. А зовут меня Анатолий Иванович.

— Ты, полковник новую феню не поймешь.

— Тебе этот сухой монтаж не надоел?

Балакин упер локти в колени, обхватил голову.

— Надоел, Серьга, надоел. Записывать будешь?

— Я тебя не допрашиваю.

— Ну, тогда с чего начнем?

— У тебя же все в одной завязке. Из клубка две нитки торчат. Хочешь — с Эсбэ, хочешь — с кассы.— Серегин помолчал и добавил совсем другим голосом, сам удивляясь своему волнению: — Ты ж смотри, как сошлось... Ты нам с Эсбэ татуировку делал, в Испанию бежали...

— Брось, Серьга. Черепашки — это для ваших... как их называют-то?.. Для романтиков. А я не про то...

Серегин чувствовал, что невпопад он говорит с Брысем, и взволновался не к месту, но притворяться не мог. Он сказал:

— В общем, учти, я про тебя много знаю. Я, например, с Ольгой Шальневой говорил.

При этих словах Балакин словно окаменел. Серегин заметил лишь, как дернулись его пальцы, зарытые в густые еще, темные с проседью волосы. Потом он распрямился, пристально поглядел в глаза Серегину.

— Давно видел? — Голос у него стал совсем тихий.

Серегин прикинул.

— Месяц назад.

— И Эсбэ видел? — Вопрос звучал нащупывающе, в нем крылся второй смысл — о времени и месте. Серегин уловил это и ответил так, чтобы стало ясно и невысказанное:

— Там же, где и ты. В больнице.

— Значит, не повидал он Ольгу?

Спросив так, Балакин шагнул сразу через много ступенек, и теперь обоим было понятно, что петлять и хитрить дальше ни к чему. Оставалось одно: вернуться назад и пройти по всей лесенке, не пропуская ни одной ступеньки.

— Не доехал,— сказал Серегин.

Балакин зло прищурился.

— Чистый сработал... Слыхал про Чистого?

— Как же.

— Взяли его?

На этот вопрос по правилам отвечать бы не полагалось, но у них шло уже не по правилам.

— Пока не взяли,— сказал Серегин.

— Ну, лады, Серьга, колюсь я, до самой задницы колюсь. Ты прав, тут мне край.

Серегин промолчал. Что ему было говорить? Не спугнуть бы того, что зрело в Балакине.

— Так с чего начнем? — спросил Балакин.

— Давай с совхозной кассы.

— Это, Серьга, ближе к концу... Ты вот про Испанию помнишь, потому как черепашку на руке носишь. Полиняла черепашка, а у меня тут,— Балакин положил ладонь на сердце,— у меня вот тут одна метка сидит, не выцветает, не тушью сделано... Ты женатый?

— Дед уже.

— Вот видишь, а меня если какой молокосос старым хреном любя назовет — и тому рад...

— Ты ж не старый — сам говорил.

— Хорохоримся, Серьга.— И без всякого перехода Балакин спросил охрипшим вдруг голосом: — Тебе Ольга много рассказывала?

— Про тебя разговор был. Как чуть не поженились в пятьдесят седьмом.

— И про китобойную флотилию?

— Говорила.

— И про плен и про десять лет?

— Точно.

— Сам понимаешь, Серьга, то есть Анатолий Иваныч... Десятка была, а плена не было... Пудрил мозги девчонке... Эсбэ-то, может, догадывался, да и то вряд ли. Это уж после, когда меня его теща сдала, ему в милиции, может, глаза открыли, а может, и не открыли, а так он голубь.— Балакин помолчал, вспоминая.— Да-а... А насчет женитьбы — истинная правда... Ты представь, какой я был. Тридцать пять лет, из них пятнадцать по тюрьмам и колониям... Мне, кроме Матрены, ну няньки Олиной и Эсбэ, никто в жизни доброго слова не сказал... Вы с Эсбэ за мной бегали — так вы ж шкеты были... Ну, боялся меня кое-кто — это, знаешь, щекочет, да не греет... А тут залетел в чужое гнездо, посмотрел на Эсбэ, как он с молодой женой друг на друга не надышатся — завидки взяли... А про Олю что говорить? Насчет женитьбы я не врал. Сначала думал: зачем волку жилетка — он ее все равно о кусты порвет. А потом вижу, полюбил так — режь на части... У меня, понимаешь, это быстро решалось — между посадками времени-то не очень... А тут и копейка честная была—в очко пофартило...

— Это я тоже знаю, в электроградской милиции твое дело видел,— сказал Серегин.

— Мог бы и не видеть. Я тебе все без балды говорю. Не про то речь... Ты скажи, откуда такие падлы берутся — теща эта проклятая? Ладно, я вор, меня по закону надо ловить и сажать. А она людям жизнь ломает — кто ее остановит? Я б тогда, если б вырвался, глотку по горячке бы ей перервал, хотя и баба.— Балакин остановил себя, передохнул и продолжал тише: — Что заложила — пустяк, это и по дурости бывает или по честности. Не в том дело... Я тогда завязать решил, крепко решил. Думал, вот оформлюсь во Владимире, куда-никуда устроюсь, копейка на первое время есть. Олю перевезу, распишемся — и все путем... А эта подлая баба приходит — и кранты...

— Игорю она тоже устроила. Жену и сына отняла.

— Это я в Ленинграде от него слыхал,— мрачно сказал Балакин.— Из-за меня все и получилось.

— Ну, положим, не только,— возразил Серегин.— У него все равно к тому шло.

— Ты на мою совесть, Анатолий Иваныч, бальзам не лей. Я-то знаю.

Серегину на миг показалось, что перед ним сидит не матерый вор Балакин, а тот Брысь, с которым они бежали в Испанию. И, подавляя в себе ненужную Брысю жалость, он спросил ворчливо:

— А о дочке-то когда узнал?

— То особый разговор. Слушай по порядку, а то не поймешь.— Балакин вдруг поднял руку, как школьник за партой, когда напрашивается, чтобы учитель к доске вызвал.— Можно, я пройдусь немного? Поясница затекла.

— Не пижонь. Курить хочешь?

— Я, правда, бросил.

Балакин прошелся от стены до стены поперек кабинета, растирая поясницу обеими руками. Серегин закурил сигарету и спросил:

— Может, чаю?

— Не надо. Тут, небось, чай хороший, а мне к хорошему привыкать не годится.— Балакин остановился, поглядел на Серегина.— Никак не разберу, сколько тебе лет?

— Мы с Игорем на два года тебя моложе.

— Законсервировался.

— Видимость одна. Сердечников, знаешь, в гроб кладут, как огурчикоз.

— Можно, я буду ходить? — В голосе Балакина даже робость послышалась.

— Да хоть бегай, только рассказывай.

— Ты не подумай, Анатолий Иваныч, на допросе я бы наизнанку не выворачивался. Только Эсбэ да тебе вот.

— Чую, Брысь.

— Но ты этому своему молодке передай,— Балакин опять кивнул на дверь, имея в виду Баскова,— пусть считает, о чем мы тут толкуем, моими показаниями. А протокол я подпишу.

— Ну, это нужно все по форме. Времени и у тебя и у него хватит.

— Тоже верно.

Серегин почувствовал, как изменилось настроение после этих почти что стариковских обоюдных жалоб на немочи. Не было надрыва и злости в голосе Брыся, не было у него самого, у Серегина, ощущения непреодолимой отдаленности от бывшего своего кумира, а ныне старого рецидивиста.

— Так об чем я? — спросил Балакин, возвращаясь к прерванному рассказу.

— Про дочку твою говорили.

Балакин подумал немного.

— Нет, теперь, пожалуй, надо кассу помянуть... Или ты и это знаешь?

— Опять же по милицейским документам. От тебя интересней будет.

— Не шути, мне вышка светит. В том ящичке двадцать три тыщи было.

— Что ты, Брысь! — с досадой за свои неловкие слова поспешно сказал Серегин.

— Ладно, ты не думай — не плачусь. Что было — не вернешь... Короче, ковырнули мы с Чистым ящичек и смылись. Недели три в лесу отсиживались, под Кировом, в охотничьей избе. Чтобы след простыл... Сам понимаешь, по горячему искать легче. А снабжал нас один ханурик из ближней деревни. За приличную плату, конечно, да и Чистый припугнул его раз, так что не опасались... Ну, сидим неделю, сидим две. Деньгами набиты, а швырнуть некуда. И взяла меня такая тоска — хоть в петлю. И вспомнил я про Эсбэ. А адресок его у меня имелся... Понимаешь, получилось такое дело...

— Про адрес можешь не рассказывать. И про подписку на журнал «Вокруг света» тоже.

Балакин кивнул.

— Понятно. Короче сказать, приоделись мы в Кирове и на попутных добрались до Ленинграда... Теперь вижу: лучше б мне туда не соваться.

— Глупо, конечно. В Ленинграде не в лесу. Ты ж догадывался... На тебя розыск объявлен.

— Я не про то,— возразил раздраженно Балакин.— Не надо было Игоря замешивать, да если бы да кабы... Но ты слушай, пока у меня говорилка работает, а то заткнусь.

— Извиняй, молчу.

Балакин сел на стул, вынул из пачки, лежавшей на столе, сигарету, понюхал табак, но не соблазнился, положил сигарету рядом с пачкой и невесело усмехнулся.

— Видишь, как человек устроен. Вышка светит, а я курево бросил, о здоровье беспокоюсь. Кашлять надоело, дышать трудно.

— Далась тебе эта вышка... Суд рассудит.

— Не будем шлепать, Серьга. Слушай дальше.— Балакин снова поднялся и начал ходить туда-сюда, от стены до стены.— Игорь принял нас, как человек, да я и не сомневался... У него, правда, сосед сбоку, такой ухватистый кулачок, но мы его не боялись, в компанию вошел, и насчет поддачи — большой любитель... Само собой, мы с Чистым даже Игорю про себя — ни гу-гу. Вкалывали на севере, заработали копейку — можем гулять... Наивняк, конечно, а что еще сочинишь?.. После уж я Игорю-то открылся, пришлось открыться... И дурак... Колебался он — ну и пусть бы себе колебался. Ему бы легче было.

— Постой, Брысь,— сказал Серегин.— Неужели он такой ребенок? Он же о твоем прошлом знал. Ты у него в пятьдесят седьмом гостил.

— Тогда он всей моей туфте поверил. Я ж говорю: голубь. За это и люблю.

— Фантастика какая-то. Столько его жизнь клевала... Войну прошел...

— Я на войне не был, но так соображаю, Серьга: она хитрованству не учила.

— Это верно...

— Ну вот... Гуляем, значит. У Чистого с соседом свои делишки завелись, по бабьей части, а мы с Игорем за жизнь толкуем, Электроград поминаем. Ну, спросил я про Ольгу. Он: живет, мол, дочка уж большая, скоро институт кончает. Замужем? — спрашиваю. Да нет, говорит, как-то так получилось — не вышла... Это мы еще в первый день про Ольгу толковали, и он, понимаешь, не сказал, чья у Ольги дочка, а я и в мыслях не держал спросить. Больше двадцати лет прошло, мало что у бабы было... А потом раз ночью померекал, прикинул: институт кончает — значит, не меньше двадцати... Аж в ушах зазвенело. Бужу Игоря, а он все время в штопоре был, дурной спросонья. Трясу его: от кого у Ольги дочка? Он хихикает, как блаженненький. Люба от вас, говорит, товарищ китобой, от кого ж еще? Вот крест, чуть я ему тогда не врезал. Какого ж черта сразу не сказал? — говорю. А он: а зачем? Ты для нее умер, утонул в холодных водах Антарктики. И правда, зачем было говорить? Какая теперь разница? Вот так...

Балакин замолк, и Серегин не нарушал молчания. Балакин, шагая, шаркал подошвами, и от этого шарканья Серегину сделалось тяжко на душе. Неужели и он вот так ноги волочит, когда задумывается? Да нет вроде бы. Вспомнился Никитин — сослуживец, которого в минувшем году хватил инсульт. Он с тех пор ходит с палочкой и вот так же шаркает, потеряв всякую уверенность в походке. Но только в походке... А за шарканьем Балакина чудилась Серегину до странности несоответственная, несообразная картина. Он видел раз на Оби, как, подточенный водою, рухнул в реку высокий берег, шурша опрокинувшимися вниз головою деревьями, стоявшими на самом обрезе... Какая же боль должна точить человека, чтобы матерый мужичище, которому тюрьмы и колонии давно стали родным домом, вдруг сломался на глазах.

Продолжение следует.

ХУДОЖНИК ПОДЛИННЫЙ, НЕИСЧЕРПАЕМЫЙ

Фото В. Вдовенко

Галина **КАРЕЛИНА**

Василий Васильевич Меркурьев — актер трагический?.. Кто же поверит, что в этом человеке широкой, доброй души, физической и нравственной мощи жила заветная потаенная мечта о трагической роли?.. Он редко и мало кому об этом говорил, повергая кого в изумление, кого в ироническое недоверие. Чего, мол, такому артисту не хватает!..

Последняя в его жизни репетиция в спектакле «Рембрандт» началась ночью. Василий Васильевич был очень болен. Премьеру сыграть он уже не смог... Это было тем более обидно, что о роли Рембрандта художник мечтал как о самом заветном в своей жизни... Чем же так привлекала его философская, бунтарская, исполненная суровой правды и высокого пафоса драма Дмитрия Кедрина? Что соединяло нищего короля живописцев и нашего большого актера, художника двадцатого столетия?.. Вот Рембрандта упрекают в пьесе:

Мне непонятно, что тебя влечет
К ночлежке, к рынку, к улице, к таверне?
Людей из общества — наперечет
В твоем кругу: все больше грязной черни.

— Натуру в них ищу я, может быть. А может — совесть...— отвечает Рембрандт.

Это была тяга к людям, к жизни. Творческое стремление поверить себя высшими критериями искусства.

«Шагая по улице, разглядывая случайного соседа по купе поезда или увидев из окна автобуса мелькнувшего в толпе пешехода, ловлю себя на том, что непроизвольно ищу своего будущего героя, тороплюсь представить себе его внешний облик, «необщее» выражение его лица, его походку, его манеру оглядываться вокруг, жить и действовать. А вдруг как раз тот, на которого я не обращу внимания, и окажется моим будущим героем?» — размышлял Меркурьев.

Близость его к людям, удивительно целомудренное видение мира и позволило мне понять, почему тогда, ночью, больной, он пришел на сцену и, собрав все силы, репетировал, чтобы хоть раз сыграть эту желанную роль, о которой к тому же было объявлено, которую так ждали ленинградцы... Он вышел на сцену в костюме и гриме Рембрандта— великий мастер, тоже стоящий на пороге небытия. На призыв пастора покаяться герой спокойно, с трагической простотой и мудростью отвечал:

Как будто не в чем. Я в труде ослеп.
Не убивал, не предавал, работал.
Любил, страдал и честно ел свой хлеб,
Обильно орошенный горьким потом.

Забыть это невозможно. Тьма и свет. Пустой темный зал и освещенная сцена. Большой, прекрасный человек, при виде которого, при звуках неповторимого голоса сжимается сердце в предчувствии невозвратимой утраты... Впрочем, впечатление о пред-

смертном монологе Рембрандта в исполнении Меркурьева нельзя передать словами. Это тайна. Надо было копить ее в себе всю жизнь, чтобы вот так выйти на сцену и, превратив своих товарищей в потрясенных слушателей, поведать им такие глубины души человеческой. Именно тогда мы и поняли, какой это был актер. И как же несправедливо, как обидно, что он умер, так и не сыграв эту роль... Многого лишились люди! Все мы, видевшие его тогда, объединились чувством потрясения,—тем богатством, какое он отдал нам щедро, безоглядно.

Великий актер он был... Совсем другой, чем Николай Симонов, Николай Черкасов. Но и он, безусловно, был по-своему велик в трагедийном плане... Нотки трагического он умел находить еще в юности, в ролях совсем иного плана. Так, в 1926 году, в период учебы у Вивьена, Василий Васильевич Меркурьев получил прозвище «старика», блестяще сыграв Грознова в комедии А. Н. Островского «Правда-хорошо, а счастье лучше». Грозный «ундер» из комедии, вызывая смех, вдруг пробуждал в сердцах зрителей какое-то сочувствие, какое-то явно доброе чувство.

К Островскому у Василия Васильевича вообще было особое отношение. Я помню, как мы работали над «Последней жертвой»; он страстно любил и весь спектакль и свою роль — Флора Федулыча Прибыткова—тоже. Искал что-то очень сложное в судьбе своего, такого, кажется, примерного и устойчивого патриархального героя. В душе этого московского воротилы, каким его рисовал Меркурьев, шла напряженная внутренняя работа — борьба с самим собой. А за блеском внешнего благополучия явственно проглядывало одиночество, какая-то детская незащищенность и ранимость. И снова повторю: в этом был не только его герой, но еще и он сам. Это тема не только образа, но и личности актера, его судьбы... В самых трагических местах своей собственной роли я видела глаза человека чуткого, участливого, понимающего горе другого человека. «Только бы помочь! Только бы спасти!» — говорили эти глаза.

На сцене Меркурьев не терпел лжи потому, что сам никогда не лгал. Его всегда сопровождало доверие, вера. Фальшь ранила его, приносила ему почти физическую боль. При нем невозможно было играть неискренне, холодно, расчетливо. Он как бы растворялся в участии партнера, и в этом был его великий дар, великая сценическая культура.

Критика не сумела или не захотела понять всю сложность задачи, которую Меркурьев ставил перед собой в образе Прибыткова, и когда решил ее так тонко, так по-своему, как это было присуще только ему одному. Очевидно, сказался все тот же стереотип критики, когда о привычном не надо думать, а суждения можно выносить безапелляционно. Ведь непривычное требует внимания и размышления, смелости и тонкости, а может быть, даже и спора, но тогда уж доказательного... «Я не увидел! Я не понял!» — вот уровень иных споров нынешней критики.

Но как бы ни огорчался этим непониманием Меркурьев, как бы ни посмеивались некоторые, что вот-де он и Отелло хочет сыграть, артист упрямо стремился сказать людям свое сокровенное слово о жизни и смерти, об одиночестве, о том, как нелегко быть на земле человеком... И как же хорошо, что все это понял, услышав крик души артиста, Игорь Олегович Горбачев! Он прямо-таки подарил Меркурьеву возможность осуществить мечту, поручив ему роль Бурцева — боевого медицинского генерала, руководителя института в спектакле «Пока бьется сердце» Д. Храбровицкого.

С появлением Меркурьева казалось, что здесь на сцену вылетает гигант! Вся энергия, вся его мощь были направлены на дело во имя науки, во имя справедливости. Он был готов сокрушить всех и вся, кто мешал осуществлению его благородных идей.

Финальную сцену разговора умирающего Бурцева со своим любимым учеником и другом — хирургом Крымовым забыть невозможно. «Сколько же мы с тобой спасли! Дивизию можно собрать! Крымов! Дивизию целую! Не-ет, хорошо...» Непередаваемые оттенки звучали в голосе героя: он говорил как человек, прошедший страшное горнило, умудренный огромным опытом. Он умирал спокойно, без страха, с сознанием того, что выполнил свой долг до конца, подарив жизнь другим людям. Перед этим отступало все: одиночество и неустроенность личной судьбы, какие-то ошибки, сомнения и неудачи той, уже ушедшей жизни... Бурцев — Меркурьев умирал счастливым человеком именно потому, что выполнил до конца свой высший долг. Все остальное для него уже не имело значения.

Это тоже был, наверное, один из последних шагов Меркурьева к его великому несыгранному Рембрандту. Достигнув вершин и в своих комедийных ролях и в образах наших современников, он желал отчаянно, страстно чего-то разительно иного, противоположного. Его влекла к этому творческая и жизненная судьба: он предъявлял ей свой собственный, жесткий творческий счет, где и количество и высокое (в общепринятом представлении) качество сыгранных ролей для него самого еще ничего не решало. Среди его героев были люди сложные, персонажи обаятельные, но масштабы его личности и таланта были так велики, что и в комедийном и в «обычном» современном репертуаре ему было тесно, порою он выглядел, как Гулливер среди лилипутов... Вот почему его так волновала проблема по-настоящему глубокого осмысления современности.

Он с беспокойством и горечью замечал, что «еще не закрыт на театральные подмостки доступ пьесам, в которых наша современность художественно не осмыслена, а наши современники не столько раскрыты, сколько наспех скопированы. Играть в таких пьесах не только трудно, но и, честно говоря, стыдно. Испытываешь такое чувство, будто уверяешь людей в том, чему сам не веришь».

Он всегда был честен и с людьми и с самим собой... Говорят, слава — самый трудный экзамен. Верно говорят! Сколько тому примеров... Меркурьев испытание славой выдержал с великой честью. Уж его-то знали действительно все, от мала до велика, и не только в Ленинграде, но во всей стране и за рубежом. Истинно народный артист. Определяющими же его чертами были глубокая скромность, интеллигентность, доверчивость, полное неумение извлекать какие-то реальные материальные блага из своей популярности. Он так и жил. Самым главным для него было искусство: оно оставалось единственным измерением бытия, а все остальное — несущественным. Он не копил «на черный день», это было ему чуждо. Ученики, искусство, театр — вот его стихия. Он сам был живой системой Станиславского, все олицетворял собою сам: мастерство, правду, идейную позицию, убежденность коммуниста,— смотри на него, впитывай и учись, если, конечно, хочешь и умеешь учиться. Потому что уметь учиться тоже надо уметь...

Он много помогал другим. Но делал это так интеллигентно, так скромно и ненавязчиво, что о добрых его делах не сложилось пышных легенд; он много помогал другим, но так и не собрался помочь себе самому. В его более чем спартанской квартире мыслям, речам, горячим спорам об искусстве было тесно, а вещам — просторно. В последние годы ему было трудно подниматься на третий этаж старого петербургского дома со счастливой цифрой тридцать три по улице Чайковского, и он отдыхал на каждой лестничной площадке. «Вам тяжело, Василий Васильевич?» «Нет, я привык»,— безмятежно отвечал он. Лестница тоже была частью его жизненной дороги.

Он всегда искренне радовался жизни и искусству, был оптимистичным, радостным, добрым и открытым, а потому всем понятным и близким. Только один человек существовал на свете, к которому он был беспощаден: это актер Меркурьев.

Я совсем не хочу, чтобы Василий Васильевич предстал этаким «хрестоматийным добряком»: иногда и у него были с кем-то принципиальные разногласия. Но если он, разобравшись во всем объективно, приходил к выводу, что его мнение было ошибочным, он мог встать на партийном собрании и сказать: «Я был не прав».

Только истинно талантливый человек и благородный художник не боится таких признаний, а ведь многим из нас такой честности недостает; и как же важно беречь и уважать тех, у кого она есть. Только такие люди способны создавать в искусстве истинно высокую нравственную атмосферу, без которой оно просто не в состоянии решать свои высокие задачи.

Неспособный на предательство, измену, подлость, он был верным своей работе, своему долгу, своей любви... У него и любовь была такая же необыкновенная, талантливая, как все, с чем он был связан. Чтобы так любить, тоже надо иметь дар божий. Нас всех, его товарищей, людей разных поколений, изумляли и восхищали взаимоотношения Василия Васильевича и его жены Ирины Всеволодовны Мейерхольд. Сложность личности Меркурьева, то самое внутреннее одиночество гения, о котором мне так хотелось рассказать в этих строках, полная житейская беспомощность и ранимость — все это едва ли помогало ему быть мужем «благополучным», в мещанском смысле слова. Но Ирина Всеволодовна тоже была человеком талантливым и своеобразным, со сложной судьбой. И у них было единое неразделъное общее: театр.

Наверное, эта трепетная любовь к театру и подарила им на всю жизнь такое же именно отношение друг к другу.

Помню, в одном из наших последних с ней разговоров, незадолго до ее смерти, мы говорили о Меркурьеве, как о живом. Странным и нелепым было бы с ней говорить о нем в прошедшем времени, говорить вне единственно важной темы: театр и творчество...

Василий Васильевич был счастлив, работая в искусстве; он был глубоко убежден, что театр нужен и необходим всем, что настоящее искусство способно пробудить «душу живу» всегда и везде. Вот почему Меркурьева-актера и сегодня знают и помнят во многих республиках нашей страны, во многих городах: Новосибирске и Смоленске, Калуге и Уфе, Владимире и Калинине, Архангельске и Казани...

Зрители знают его не только по кинофильмам. Помнят его и по спектаклям, которые артист играл вместе с актерами многих театров, щедро делясь своим талантом, своим сердцем, своим мастерством. Он ничего не прятал, не приберегал для «большой сцены», для «столичного» исполнения.

Однажды его и впрямую спросили: что понимает он под словом «счастье», какой день своей жизни мог бы он назвать самым счастливым.

— День окончания войны! Я даже вспоминать его не могу спокойно — такое это было счастье! — ответил Василий Васильевич дрогнувшим голосом. И в этом был весь Меркурьев—гражданин, сын Отечества, коммунист.

Был, впрочем, в его жизни и еще один счастливый день — в 1924 году. Тогда он учился на втором курсе Ленинградского института сценических искусств, в классе Леонида Сергеевича Вивьена. Курс играл в массовке Александринского театра, в пьесе под названием «Противогазы». Юному Меркурьеву поручили целую фразу: «Чего его бить,— и так одна коровья лепешка!» — вот такая «значительная» была роль... Конечно, он очень старался, произнося эту, историческую для себя, как выяснилось позже, фразу. После спектакля на сцену пришел Юрий Михайлович Юрьев и сказал Меркурьеву примерно так: «У вас, молодой человек, большое будущее. Если хотите, переходите к нам в театр». Он бежал в общежитие, не чуя ног под собою. «Я бежал туда и до сих пор помню это чувство: как я лечу и повторяю про себя юрьевские слова, мне двадцать лет, и я счастлив...»

Так что же — всего два счастливых дня? Значит, не так уж счастлива была эта долгая актерская судьба?.. Нет, другой ответ находим мы для этой жизни. Она была. Она состоялась, эта счастливая судьба.

Надо только понять, что у безграничного таланта всегда остается еще одна, самая важная роль — несыгранная. Еще одна, не открытая людям тайна. Этим он и велик. Неисчерпаемостью.

САМОЛЕТЫ ЛЕТЯТ К ПАРТИЗАНАМ

Герой Советского Союза В. С. Гризодубова

Сорок лет назад, в мае 1942 года, был создан 101-й авиационный полк дальнего действия. Командовала им прославленная летчица Герой Советского Союза Валентина Степановна Гризодубова, которая и сама постоянно вылетала на боевые задания. Несмотря на сильную противовоздушную оборону противника, бывшие гражданские пилоты каждую ночь вылетали на бомбежки. Неожиданно командование поставило полку дополнительную задачу.

Тихим летним вечером в подмосковный авиагарнизон прибыли грузовики с боеприпасами. На летном поле их ждали готовые к вылету самолеты 101-го полка. Боеприпасы следовало доставить партизанам, действующим в глубоком тылу врага. Место выброса обозначат костры, разложенные в условленном порядке. Полет требовал от экипажей высокого профессионального мастерства, смелости, хладнокровия. Они не знали, какая погода их ждет на маршруте, где патрулируют вражеские истребители, да и найти партизанские сигналы в лесу, вдалеке от крупных населенных пунктов и приметных ориентиров, непросто.

Когда в небе зажглись первые звезды, тяжело нагруженные самолеты поднялись в воздух и ушли на запад. Летчики Н. Слепов, И. Гришаков, В. Масленников и В. Бибиков полетели в Белоруссию, Б. Лунц, И. Миненков и С. Васильченко — к брянским партизанам.

Возвратиться суждено было не всем. При подходе к цели самолет И. Миненкова был атакован истребителем. Бортрадист Гуйский сообщил на командный пункт полка: «Самолет поврежден». Затем через несколько минут радировал: «Задание выполнили, груз сброшен точно в указанное место». На этом связь с самолетом прервалась. Экипажи полка, летавшие к партизанам в этот же район, видели в воздухе короткий ночной бой: огненные пунктиры пулеметно-пушечных очередей и пылающий самолет.

Центральный штаб партизанского движения попросил В. С. Гризодубову послать самолет в Брянские леса с посадкой, чтобы вывезти тяжелораненых партизан. Посадочную площадку подготовили у деревни Салтановка-Борки. Летчик Г. Чернопятов прилетел на эту площадку, привез боеприпасы, взял на борт двадцать шесть раненых и доставил их на Большую землю.

В Брянских лесах сосредоточились десятки партизанских отрядов Орловской области под командованием Емлютина, соединения украинских партизан Ковпака и Сабурова. Самолеты 101-го полка снабжали их боеприпасами, оружием, вплоть до пушек. Партизаны оборудовали новую посадочную площадку возле деревни Смелиж, и она превратилась в настоящий лесной аэродром.

Однажды темной сентябрьской ночью экипаж В. Асавина прилетел на партизанскую площадку Лужица. Когда выгрузили боеприпасы, командир спросил: «Где раненые?» Ему ответили, что серьезно раненых нет, но попросили забрать детей, так как предстоят тяжелые бои.

У летчика сжалось сердце, когда он увидел своих маленьких пассажиров: одеты плохо, лица худенькие, в руках немудреные игрушки.

Когда до линии фронта было уже рукой подать, воздушный стрелок Дробышев доложил: «Истребители сзади сверху!» И, не дожидаясь команды, открыл огонь из пулемета. К хвостовым пулеметам встали второй пилот Кульников и радист Монахов.

Атаки истребителей следовали одна за другой. Убит Монахов. Бортмеханик Белоконь взялся за пулемет. Погиб Кульников. К пулемету встал штурман Логинов, и самолет продолжал яростно отстреливаться. Но «мессершмитты» снова и снова заходили в атаку. Истекая кровью, упал смертельно раненный Дробышев. Замолчали и хвостовые пулеметы: ранены штурман, бортмеханик, да и боезапас кончался. Беззащитный самолет был обречен на гибель, но... он уже миновал линию фронта и вошел в зону противовоздушной обороны переднего края советских войск. По «мессершмиттам» ударили наши зенитки. Один истребитель круто пошел к земле, оставляя за собой черный хвост дыма. Но и самолет Асавина был настолько поврежден, что не мог продолжать полет. К счастью, впереди было ровное поле. На него летчик и посадил машину. Пятьсот пробоин насчитали потом, но дети были целы и невредимы. Бомбардировщик не подлежал ремонту. Его, как памятник, установили на братской могиле, в которой похоронили второго пилота Ивана Кульникова, бортрадиста Василия Монахова и воздушного стрелка Ивана Дробышева.

Вскоре В. С. Гризодубова получила приказ эвакуировать детей из всех партизанских отрядов, куда можно было летать с посадкой. Стояла поздняя осень, на высоте три тысячи метров было морозно, а дети в рваной одежонке. Летчики раздевались до гимнастерок, укутывая ребятишек своими меховыми куртками.

Тогда депутат Верховного Совета СССР В. С. Гризодубова добилась, чтобы на аэродром были доставлены комплекты детской теплой одежды. Ее распределили по самолетам, которые летали к партизанам: дети больше в воздухе не мерзли. А боевая работа экипажей оценивалась по количеству ребятишек, вывезенных из немецкого тыла.

* * *

Партизанский отряд Медведева, в рядах которого воевал легендарный разведчик Николай Кузнецов, действовал в глубоком тылу врага. Поступил приказ вывезти из отряда документы чрезвычайной важности и тяжелораненых. Посадочная площадка подготовлена возле деревни Михалино.

Поручили выполнить этот полет командиру корабля В. Бибикову. Когда рассчитывали время полета, то оказалось, что горючего не хватит, чтобы дойти до деревни Михалино и вернуться обратно. Решили дозаправиться на партизанской площадке Смелиж.

Опустились короткие ноябрьские сумерки, и Бибиков вылетел на задание. В Смелиже дозаправился горючим и снова поднялся в воздух. Погода была плохая, тем не менее самолет точно вышел на условленный сигнал партизан: четыре костра, выложенные в линию, и один в стороне.

Летчики пробыли у партизан всего сорок минут. Следовало спешить, чтобы до рассвета перелететь линию фронта. Боеприпасы быстро разгрузили, внесли в самолет раненых. За ними вошел человек с объемистым портфелем.

Набирая высоту, самолет пробил низкую облачность. «Смотреть за воздухом»,— предупредил командир. Это было не лишнее: на маршруте патрулировали немецкие истребители. Первым заметил врага воздушный стрелок Юра Клименко — шестнадцатилетний паренек, воспитанник полка. Самолет резко пошел на снижение и погрузился в спасительную облачность. Но в облаках началось быстрое обледенение самолета. Срываясь с винтов, кусочки льда застучали по фюзеляжу. Антенна обледенела и оборвалась, связь с аэродромом прекратилась. Самолет стал плохо слушаться рулей, и Бибиков с большим трудом снова набрал высоту.

...На командном пункте полка, после того, как связь с самолетом прекратилась, наступило тревожное ожидание. То и дело звонили из Москвы, спрашивали: «Где Бибиков?» Напоминали, что на борту важнейшие документы, которые ни в коем случае не должны попасть в руки фашистов. И вот, когда уже все потеряли надежду, долгожданный самолет вынырнул из сплошной облачности и совершил посадку.

* * *

101-й полк ночных бомбардировщиков участвовал в крупнейших сражениях Великой Отечественной войны. Он воевал под Сталинградом, Орлом и Курском, прорывал блокаду Ленинграда, освобождал Белоруссию, бомбил военные объекты Восточной Пруссии, бомбил Берлин. Позднее был переименован в 31-й гвардейский бомбардировочный авиационный полк.

А. ГОЛИКОВ

Лила Уиздом, Бруки Шилдс, Тери Шилдс.

САМАЯ КРАСИВАЯ

Владимир НИКОЛАЕВ

С виду это обычная фотография из семейного альбома. На ней изображены мать и дочь — они прижались к друг другу — и крестная мать девушки, тоже, можно сказать, родственница. Это с одной стороны, с биографической. С другой стороны, деловой,— это руководство солидной американской фирмы «Бруки Шилдс». Названа она так по имени сидящей в центре девушки. Ее мать, Тери Шилдс,— президент фирмы, ее крестная мать, Лила Уиздом,— вице-президент.

Но что за странная фантазия, почему назвали монополию именем школьницы? Оказывается, поступили так с полным на то основанием, что и станет ясно из нашего рассказа.

Судьба Тери Шилдс на первый взгляд является собой яркий пример осуществления самой главной и самой радужной американской мечты, по которой в США любой нищий может при удаче и старании стать миллионером. Родилась Тери в бедной семье, ее мать зарабатывала на жизнь тем, что убирала в богатых домах. Подростком Тери помогала матери в этом и еще подрабатывала, торгуя бумажными цветами у похоронных контор. Потом она стала продавщицей в косметическом отделе большого универмага. Там Тери познакомилась с Лилой Уиздом, они подружились и поселились под одной крышей. Живут они вместе и сейчас, хотя стали уже крупными деятельницами большого бизнеса.

В тридцать лет Тери встретила Фрэнка Шилдса, сына известного теннисиста. Они поженились, родилась Бруки, и тут же Тери и Фрэнк разошлись. Возможно, эта семейная трагедия сыграла свою роль в последующих событиях, в результате которых Тери из матери-одиночки превратилась в преуспевающего предпринимателя. Узнав с детства почем фунт лиха, она, конечно же, была в страхе перед перспективой одной поднимать ребенка. И ее осенила идея, какая может прийти в голову, наверное, только американке. Тери решила поправить свои дела с помощью своей тогда еще грудной дочери. Да, да, именно так! Когда той было всего одиннадцать месяцев, Тери пристроила Бруки на телевидении, где малютка рекламировала детское мыло. С тех пор она, можно сказать, уже не покидает телестудии, помогает предпринимателям проталкивать на рынок шампунь, пижамы, колготки, джинсы и многое-многое другое. Когда Бруки пошла в школу, ей пришлось заниматься рекламными съемками по вечерам, почти ежедневно. К тому же надо учесть, что такая ее деятельность не ограничивается телестудией. Ей приходится участвовать в бесчисленных съемках для рекламных каталогов.

Подобный бизнес требует порядка, организованности. Вот и создала ее мать фирму «Бруки Шилдс». Единственное достояние фирмы — сама Бруки. Ежегодно она приносит больше одного миллиона долларов прибыли. Эти деньги слагаются из юной красоты Бруки и деловой хватки ее матери. Последняя сама говорит: «Я не люблю посвящать дочь в дела». Да, эта сфера целиком принадлежит предприимчивой мамаше, которую, по ее собственным словам, в джунглях бизнеса ничто не пугает, она признается, что любит борьбу на коммерческой арене. В ходе такой борьбы, как свидетельствует американская пресса, Тери Шилдс может одолеть кого угодно.

Поскольку успех всего этого своеобразного бизнеса зависит от существования юной Бруки, мать по-своему наставляет, опекает и воспитывает ее. С ранних лет она начала учить дочь музыке, балету и верховой езде. С ранних лет мать внушает ей и всем окружающим, что Бруки — самая красивая в мире. «Ее место в Лувре!» — утверждает Тери. Она собирается также заказать художественную биографию дочери одному из ведущих писателей США. Все это, разумеется, понятно: реклама — двигатель торговли. Стараниями президента фирмы «Бруки Шилдс» очаровательная Бруки в 1981 году появилась на обложках тридцати американских журналов.

Хотя Бруки уже семнадцать лет, мать буквально водит ее всюду за ручку. Тери говорит, например, что без нее Бруки может просто потеряться на улице. Мать подсказывает ей каждый шаг, жест, улыбку, слово. Все это подается на публику как взаимное обожание и понимание, кровная неразрывная связь между матерью и дочерью. Правда, даже на людях эта рекламная гармония иногда нарушается. Как-то Тери в припадке ярости колотила дочь по лицу кулаком, известны ее громкие скандалы в обществе и с деловыми партнерами. Известно также, что она хронический алкоголик. Дело доходило до того, что Тери, напившись, приводила домой своих случайных кавалеров, нисколько не смущаясь присутствием дочери. В конце концов полиция арестовала ее за неоднократное вождение автомашины в пьяном виде. Друзья и коллеги Тери решили не брать ее из заключения под залог, чтобы у нее было время подумать о себе, сидя за решеткой. Бруки, видимо, до смерти уставшая от всего этого, согласилась с таким решением. Вот тогда-то и появилась в фирме «Бруки Шилдс» Лила Уиздом, давнишняя подруга Тери. Во время вынужденного отсутствия последней Лила взяла на себя все заботы о деле и о Бруки (впрочем, как разделить эти два понятия?!). С той поры Лила и осталась в фирме и семье Шилдсов.

Под влиянием таких чрезвычайных обстоятельств Бруки, может быть, впервые в жизни проявила свой характер, заявив матери, что уйдет жить к отцу, если та не бросит пить. Правда, вполне возможно, что это был не характер, а подсказка ее новой наставницы, Лилы Уиздом, фамилия которой переводится как «мудрость». Как бы там ни было, Тери направилась в лечебницу для алкоголиков, прошла курс лечения и вот уже два года не запивает. То ли медицина помогла, то ли угроза Бруки подействовала.

Итак, несмотря на кое-какие издержки, фирма «Бруки Шилдс» продолжает процветать. Недавно она успешно вторглась в новую для нее сферу — рынок детских игрушек. Родилась удачная идея создать куклу — копию Бруки. В течение целого года эта сделка утрясалась и для начала принесла фирме один миллион долларов. Сама Бруки, как обычно, не участвовала в деловых переговорах, но явилась на обсуждение эталонной куклы. Внимательно изучив ее, Бруки нашла куклу вполне удачной.

— Но все же надо поубавить грудки,— авторитетно заявила Лила.

— Тогда она будет совсем безгрудой,— возразил автор эталона.

— Не беда, зато сэкономим на пластмассе,— отшутился кукольный фабрикант Фридман.

Тери поддержала предложение уменьшить бюст, заодно потребовала воспроизвести ямочку на щеке куклы и придать ее носу более изящную форму в соответствии с оригиналом. В результате первая партия новых кукол в 200 тысяч штук поступила на рынок. По замыслам Тери Шилдс, образ Бруки должен буквально заполонить Америку, стать в каждом доме чем-то вроде иконы. Мало этого! Тери задумала выйти с Бруки на мировой рекламный рынок, сейчас на эту тему ведутся переговоры с японскими предпринимателями.

Во всем грандиозном рекламном шоу вокруг Бруки есть еще одна немаловажная деталь, тоже типично американская. Едва Бруки перестала под стол пешком ходить, как у нее подметили «скороспелую сексуальность» и за это окре-

стили «маленьким сексуальным котенком» (оба эти выражения взяты нами из американской прессы). Того, кто знаком с сегодняшней Америкой, этим не удивишь, все в порядке вещей. В последние годы страну буквально захлестывают детская проституция и детская порнография, пожалуй, самые ужасные язвы их общества. В США издается около трехсот порнографических журналов, специализирующихся на детях, то есть в них в качестве живых моделей для фотографий выступают мальчики и девочки. Журнал «Тайм» свидетельствует: «Новая тревожная волна проституции среди подростков и детей обрушилась на Соединенные Штаты, причем не только в больших, но и маленьких городах». Так что в такой мир «сексуальный котенок» вполне вписывается.

Когда такому вот «котенку» по имени Бруки исполнилось восемь лет, мать повезла ее в Голливуд на смотрины. В результате Бруки снялась в нескольких фильмах в небольших ролях, а в одиннадцать лет она стала самой юной знаменитостью Голливуда, сыграв роль девочки-проститутки в фильме «Прелестное дитя». Критика назвала Бруки звездой, а ее мать — негодяйкой. Но Тери Шилдс к таким «комплиментам» не привыкать. Еще когда Бруки было десять лет, Тери заставила ее нагишом рекламировать детский крем. Потом фотографии, изображающие сей рекламный акт, попали на страницы американской печати, их продал сам фотограф, решив поживиться на этом деле. Тери, естественно, возмутилась тем, что кто-то, кроме нее, сделал бизнес на ее дочери, и подала на фотографа в суд. Так десятилетняя девочка оказалась в центре грязного скандала, который, впрочем, только способствовал поднятию ее рыночной цены. К настоящему времени Бруки снялась уже в восьми фильмах, причем за последний из них, под названием «Бесконечная любовь», получила полмиллиона долларов. Ее мать говорит, что отныне будет требовать не менее миллиона долларов за фильм с участием Бруки. Еще полмиллиона Бруки заработала за один год на рекламе джинсов.

В то же время о Бруки говорят, что она лично еще не придает такого значения деньгам, как ее деловая мать. Рассказывают, что она недавно гостила с матерью на яхте у одного миллионера. Роскошный корабль стоит десять миллионов, а Бруки в телефонном разговоре с его борта сообщила, что плавает на яхте стоимостью в десять тысяч. Кстати, эту сумму она нередко зарабатывает за один день в рекламном бизнесе.

Но эта своего рода наивность, видимо, скоро испарится. В последнее время мать начала сетовать на «трудный» характер дочери, которая недавно заявила ей: «Я уже не ребенок!» Да, Бруки взрослеет. У ее матери прибавилось забот, теперь она подбирает ей кавалеров. В созвездии Бруки числятся самый известный молодой наездник, футболист и даже издатель. Недавно Тери организовала для Бруки «роман» с самим Джоном Траволтой, молодым актером, таким же идолом для американок, каким Бруки является для мужской половины населения. Дальше обыкновенной рекламной шумихи у них дело не пошло. Пресса справедливо отметила: «При таких женихах, как Траволта, и матерях, как Тери, настоящий роман получиться никогда не может». Ведь Джон Траволта и Бруки Шилдс — это не просто молодые люди, а скорее конкурирующие фирмы, делающие деньги на одном и том же рынке, где человек-товар выставляется за доллары на всеобщее обозрение. Один из кинорежиссеров, работавших с Бруки, верно заметил: «Бруки вся постоянно на виду у толпы, и она боится потерять собственное «я», боится перестать быть личностью. Она отчаянно цепляется сама за себя и недаром называет себя школьницей. Это один из ее способов самообороны». Другой кинематографист добавляет к этой характеристике: «Если случается в съемках пятиминутный перерыв, Бруки тут же спрашивает, может ли она уйти в сторонку и заняться своими уроками». Но что значат эти пятиминутки по сравнению с часами ежедневной работы в кино и рекламном бизнесе?!

Сейчас Бруки живет в особняке из 15 комнат, купленном за 485 тысяч долларов. Кстати, установка системы против грабителей обошлась в 12 тысяч долларов. В дорогой золотой клетке сидит самая красивая девушка Америки!

Бруки Шилдс.

Открытие международной встречи.
Фото А. Федорова

ДЕТЯМ — МИРНОЕ НЕБО

11 мая в Доме дружбы с народами зарубежных стран на проспекте Калинина в Москве открылась международная встреча «Литература и искусство в борьбе за мир и счастье детей», организованная ССОД и посвященная 60-летию образования СССР. В зале присутствовали ведущие писатели, художники, критики, педагоги из всех союзных республик нашей страны, гости из 23 стран, представители ЮНЕСКО, активисты Союза обществ дружбы.

Президент Ассоциации деятелей литературы и искусства для детей и юношества ССОД, писатель А. Лиханов представил собравшимся зарубежных гостей, рассказал о программе работы. С приветствиями к деятелям культуры, работающим для детей и юношества, обратились председатель президиума ССОД З. Круглова, министр просвещения СССР М. Прокофьев, писатель С. Михалков.

Выступавшие с рабочими докладами советские и зарубежные специалисты обменивались опытом организации обучения и эстетического воспитания молодого поколения, говорили о высоком значении идей гуманизма и дружбы, интернационализма в книгах детского чтения. Писатель А. Алексин, кинорежиссер С. Герасимов, писатель М. Хаттаб (Палестина), художник К. Клеро (Франция), критик М. Генчиева (ЧССР) и другие участники встречи выразили тревогу и озабоченность в связи с попытками определенных кругов на Западе перенести атрибуты «холодной войны» на проблемы воспитания детей и юношества, говорили о задачах писателей и художников, работающих во имя счастья грядущих поколений.

Познакомившись с достопримечательностями советской столицы, побывав в Государственной республиканской юношеской библиотеке имени 50-летия ВЛКСМ, участники встречи отбыли в Ереван, где 14—15 мая была продолжена работа международного форума. Гости осмотрели центр эстетического воспитания в Ереване, объединивший под одной крышей филармонию, детский театр, изостудию, многочисленные кружки по интересам. Большое впечатление произвел на всех Музей детского изобразительного искусства — уникальное хранилище детских работ из всех уголков нашей Родины и зарубежных стран. На примере одной из советских республик было ясно видно, какое значение придает Советское государство эстетическому воспитанию юных граждан.

По общему мнению участников встречи, она прошла на высоком уровне, была хорошо организована и послужила достойным вкладом в движение за мир и счастье для детей. Встреча завершилась принятием двух документов — обращения к деятелям культуры всех стран, борющимся за идеалы мира и гуманизма, и обращения к участникам предстоящей сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению с призывом сделать все возможное, чтобы сохранить мирное небо над головами детей — будущего планеты.

Ю. НОВИКОВ

Борис БАННОВ

Я видела, как готовят войну

Мы беседуем с Урзель Лоренцен в ее доме на окраине Берлина. Хрупкая женщина с мальчишеской стрижкой. Волевое лицо. Твердый взгляд серых глаз остается серьезным даже тогда, когда Урзель смеется. Видимо, очень трудно быть непосредственной и беззаботной, если долгие годы пришлось наблюдать, как планомерно, с маниакальной одержимостью готовят атомную войну.

«Я видела, как в военной машине НАТО планируют превратить всю северогерманскую равнину, начиная с моей родины в ФРГ, а затем и всю территорию севера ГДР и далее на восток в сплошные груды радиоактивного пепла,— говорит Урзель Лоренцен.— Я все это пережила...»

Урзель Лоренцен проработала в штаб-квартире НАТО в Брюсселе двенадцать лет. Десять из них — в международном секретариате этой организации. Она занимала пост ассистента в директорате по операциям совета НАТО. В задачу директората входила координация всех мероприятий, которые связаны с деятельностью центра по оценке военно-политического положения, а также планирование и проведение учений.

Урзель Лоренцен достает из стола пачку цветных фотографий. «Видите, это штаб-квартира НАТО в Брюсселе, где я работала,— поясняет она.— Я сама сфотографировала ее с вертолета. Здесь я регулярно присутствовала на сессиях совета, заседаниях комитета военного планирования и военного комитета НАТО, проходивших на высшем уровне. В своей повседневной работе я имела контакт со всеми центральными подразделениями НАТО. А вот на этом фото — мы находимся на вертолетной площадке у штаб-квартиры НАТО. Я стою среди бывших своих коллег — военных и штатских. Тогда они занимались вопросом создания надежного атомного бомбоубежища, чтобы совет НАТО выжил в ядерной войне. Мы летали на вертолете в ФРГ, так сказать, для обмена опытом: там уже было убежище, которое якобы гарантировало надежную защиту. Я не верила в эту надежность. Как можно всерьез говорить о ней, если сами американцы считают, что Европа будет уничтожена в первую очередь, когда разразится атомная война.

Мне приходилось участвовать во многих учениях НАТО. Во Флориде, например, на американской военной базе во время учений «Сивлог-69» мы вышли на белый свет из бомбоубежища после учебного ядерного удара, который Соединенные Штаты якобы нанесли по объектам в Европе и Азии, и нам тогда сообщили, что Европа погибла. В дальнейшей программе учений речь шла о том, как ее восстанавливать, кем заселять...»

— Не могли бы вы рассказать, каким образом начинается на учебных полигонах НАТО атомная война?

Лоренцен. Само собой разумеется, что НАТО первым применяет атомное оружие. На учениях «Сивлог-69», «Уинтекс-77», «Уинтекс Саймекс-79» отрабатывалось нанесение первого ядерного удара. Этот удар мотивировался необходимостью «успешного овладения кризисной ситуацией».

На учениях «Уинтекс Саймекс-79» войска НАТО первыми нанесли ядерный удар по социалистическим странам на 17-й день боевых действий. Таким способом руководство НАТО демонстрировало европейским политикам (об этом прямо сказано в секретных военных документах, прошедших через мои руки), что «оперативное и стратегическое применение ядерного оружия НАТО в Европе реально».

— Но ведь это прямо подразумевает уничтожение европейских народов!

Лоренцен. Действительно, новая евростратегическая ядерная доктрина США грозит уничтожением европейским государствам НАТО. Эта угроза неизмеримо усилится, если НАТО разместит в Европе новые американские ракеты средней дальности и крылатые ракеты.

Я знаю стратегию НАТО и директивы по боевому использованию ядерного оружия. Разрешение на его применение должен дать президент США. Одновременно другие главы правительств стран НАТО должны тоже выразить свое мнение. Однако на практике этот процесс принятия и согласования решений о нанесении ядерного удара в Европе протекает лихорадочно и бесконтрольно. На учениях «Уинтекс» постоянные представители Дании и Норвегии не давали согласия на применение ядерного оружия. Тогда с их позицией просто не стали считаться. Было сказано, что во время войны невозможны продолжительные политические дискуссии и решения должны приниматься военными, а не политиками.

— К сожалению, Вашингтон вторгается в жизнь европейских народов не только во время учений НАТО...

Лоренцен. Это верно. Взять вмешательство в дела Польши. Начиная с 1968 года, то есть после провала контрреволюционного путча в Чехословакии, США и блок НАТО стали активизировать свои действия в отношении Польши. Мне все чаще и чаще попадали на стол секретные отчеты с анализом положения в этой стране. А с 1970 года в стратегических маневрах НАТО Польше стало уделяться все большее внимание. Как свидетельствовали документы, речь шла также и о вмешательстве в хозяйственную жизнь польского государства. Перед союзниками по НАТО ставилась задача организовать таким образом свои капиталовложения и кредиты в польскую экономику, чтобы вызвать нарушения ее структур и кризисные явления. Возбудить недовольство людей старались ослаблением экономики, усилением пропагандистской обработки интеллигенции, влиянием на церковь и использованием национализма в сочетании с пропагандой антисоветизма. Секретные службы стран НАТО через своих агентов в Польше мобилизовывали контрреволюционные силы на борьбу с Польской объединенной рабочей партией.

Урзель Лоренцен (в центре).

Однако американское вмешательство не ограничивается социалистическими государствами. Ему подвергаются и западноевропейские страны. В долгосрочной военной программе НАТО предусмотрена, например, перестройка по военному образцу всех органов управления воздушного и морского транспорта в европейских государствах НАТО. Увеличиваются арсеналы оружия и снаряжения в ФРГ, Дании, Бельгии, Голландии, Люксембурге. В проливах уже в мирное время планируется установить управляемые минные поля, как это делали американцы во Вьетнаме. Я прямо процитирую один из пунктов приложения «Д» о дистанционно управляемых минных полях к натовскому документу:

«Срочно необходимо создать минную систему, обеспечивающую установление перед началом военных действий «безопасных» мин, которые в зависимости от требований политической обстановки могут переводиться в боевое или безопасное состояние».

— Подобные приготовления оправдываются в глазах общественности «угрозой с Востока». На Западе есть масса публикаций на эту тему. Английский писатель Кингсли Эмис даже выпустил новый роман, в котором описал, как Советская Армия оккупировала Англию...

Лоренцен. Это делает массовая пропаганда. Но самые влиятельные политики и военные из НАТО не верят в угрозу с Востока. В моих руках был документ «Исследование Восток — Запад». Он составлен натовскими экспертами. Там говорится, что задачи Советских Вооруженных Сил имеют оборонный характер. В пункте 147 этого документа сказано: «Кажется, нет почти никаких сомнений в том, что главная задача советской внешней политики заключается по-прежнему в попытках развивать дружественные отношения с Соединенными Штатами и избегать прямой конфронтации независимо от колебаний в деле разрядки». Пункт 163. «Стремление советской стороны к спокойному развитию в Центральной Европе окажет положительное влияние на советскую заинтересованность в поддержании разрядки». Пункт 189: «В обозримом будущем Советское правительство продолжит, по-видимому, свою политику разрядки».

Но такие оценки — для посвященных, они не подлежат огласке. Для общественности предназначена дезинформация об «угрозе с Востока». Я была свидетельницей усиленной мобилизации аппарата НАТО на дезориентацию общественного мнения. Все усилия направлялись на то, чтобы доказать существование «советской угрозы» и оправдать форсированное вооружение НАТО. Так, после Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе эксперты констатировали, что достигнуто примерное равновесие военных сил и Советский Союз не имеет агрессивных намерений. Однако руководство НАТО потребовало от секретных служб сфабриковать данные, которые можно было бы использовать как свидетельство опасности нападения со стороны стран Варшавского Договора. Генеральный секретарь НАТО Лунс приказал передать органам печати эти фальсифицированные сведения для разжигания истерии вокруг «советской угрозы». Систематическая дезориентация общественного мнения пропагандистскими органами НАТО сыграла немаловажную роль, когда НАТО принимало роковые решения о производстве и размещении новых американских крылатых ракет и ракет средней дальности.

— Вы не раз говорили, что глубоко встревожены ядерными планами США и НАТО. Какие шаги вы намерены предпринять для борьбы против осуществления этих планов?

Лоренцен. Я без устали буду рассказывать людям о нависшей над ними опасности. То, что вы услышали от меня,— только часть пережитого и увиденного мной за последние годы. У меня много фактов, свидетельствующих о преступности планов Пентагона и НАТО, организаций, главная цель которых — будущая ядерная война.

СОНЕТЫ КОНЦА ВЕКА

Ален БОСКЕ

Имя Алена Боске, поэта, романиста и литературного критика, широко известно во Франции и за ее рубежами. Неоднократно его стихи публиковались в нашей периодике (в том числе и в «Огоньке»), а также в антологических изданиях. Печатались у нас и его обзорные статьи, знакомившие советского читателя с литературной жизнью Франции.

Последняя книга стихов Алена Боске «Сонеты конца века» — необычное явление в современной французской литературе. В предисловии к этой книге ее автор без обиняков говорит о том, что в последние годы «реальность исчезла из нашей поэзии». И далее: «Ни в одном стихотворении я не вижу примет нашей устрашающей действительности». «Сонеты конца века» — полная противоположность таким далеким от жизни стихам. Поэт, прошедший через горнило второй мировой войны, не сложил оружия: его сонеты продолжают борьбу.

ПОРТРЕТ МИЛЛИОНЕРА

В просторном офисе он чувствует порой
тревогу, дискомфорт... Компьютером все это,
как повышенье цен, фиксируется точно.
В висках его стучит: не лопнула ли биржа?

Нефть не иссякла ли в ближневосточных
странах?
Таблетку под язык скорее! Как надежда
на верный капитал, на твердый франк
швейцарский,
под языком она, таблетка эта, тает.

Нет, нужен воздух, свежий воздух:
за наличный
расчет работают и легкие и сердце,
не соглашаются в кредит они трудиться!

И вот хозяин их, у телефона сидя,
их уговаривает продолжать работу,
чтоб дело двигалось и принесло доход.

ПОРТРЕТ ТЕРРОРИСТА

Еще не зная жизнь, ты начал харкать
жизнью...
Имел приятеля, снабдившего тебя
автоматическим оружьем; выбрал «боинг»,
как выбирают алкоголь, чтобы напиться

(тем лучше, что салон набит детьми)...
Пилоту
ты приземлиться приказал; и вот оазис
и минарет вдали: пейзаж арабский вроде...
Ты речь о выкупе ведешь, о правосудье

толкуешь: если все убийцы, что гниют
в тюрьме Истории — Брут, Равальяк,
Ли Освальд,—
не будут выпущены, самолет взорвется,

и в подтвержденье убиваешь стюардессу...
Потом беременную женщину... И страх
тебя преследует: ты сам заложник страха!

ИЗБИРАТЕЛИ БОГА

Бог, дорогой наш друг! Мы поздравляем вас,
поскольку каждому известно, что не много
имели шансов вы на выборах пройти
и, слабый кандидат, рассчитывали только

на страх и ханжество... Однако вы прошли.
Вам закрепить успех теперь необходимо,
возникнуть, например, на голубых экранах
и людям о своей программе рассказать.

Возврат к религии потребует от вас
усилий и забот: не так все это просто;
тут надо вновь явить вам склонность
к чудесам,

и быть загадочным, и место дать абсурду...
Бог, дорогой наш друг! Мы в этом вас
поддержим,
особенно же в том, чтоб в страхе всех
держать.

ЖИЗНЬ ТЕЛЕФОНА

Порою телефон, страшась ночного мрака,
с тоски пытается заговорить с клопами,
которые ползут по стенам на кровать,
под одеяло к двум влюбленным...
Речь ведет он

об ограблениях, о подкупах, о тайных
путях наркотиков, о полицейских рейдах
и неудавшихся засадах; говорит
о преступлениях, что не были раскрыты,

и о политике преступной... Но клопы,
его не слушая, кусают двух влюбленных,
которым из-за них совсем не до любви.

Быть одиноким телефоном очень грустно,
особенно тогда, когда общенья жаждешь
и кажется тебе, что уникален ты.

ИСПОРЧЕННАЯ ПРИРОДА

Решили лепестки: жить лучше без цветов.
Клюв независим стал и отвергает птицу.
И взгляд уже не взгляд: с глазами он
не связан.
И прочь бегут стихи от своего поэта.

Настали времена разрывов и вражды.
Цветы уверены: без лепестков нам лучше.
Для птиц милей полет без клюва и без
крыльев.
Поэт доволен тем, что слов стихи лишились.

Кто неиспорченным остался? Брошен вызов,
и подозрительность растет, и могут скоро
исчезнуть птицы все, и взоры, и поэты,

и скоро все цветы, синтетике сродни,
не будут понимать ни запаха, ни цвета,
ни прелести пленять, ни радости любить.

ПОРТРЕТ ДРУЗЕЙ

Считались гениями в двадцать лет,
а в тридцать
проекты строили, как этот старый мир
толкнуть на подвиги, омолодить... Теперь же
их ум подобен их сигарам: на конце

остывший пепел. Пьют, водой разбавив, виски,
романы прошлые охотно вспоминают,
об отпуске заводят речь: Бермуды,
Таити, Золотой песок, Лазурный берег...

Счет в банке есть у них, и гигиены ради
они стараются не думать. Их душа —
как бедный родственник, что загнан
на мансарду
и умирает там. Они непримиримо
глядят на молодежь (на это ей плевать)...
А в двадцать — тридцать лет совсем другими
были.

ПОРТРЕТ РОМАНИСТА

Романов дюжина, что нравились модисткам,—
вот весь его актив. Теперь почти не пишет:
так, в рифму что-нибудь, заметки, афоризмы;
и путешествует с женою по Европе.

Глядит на Брейгеля в музее, как глядят
на синеву небес. Женева или Базель
успокоение душе его приносят.
Не ездит в Ко́рдову: Рейн, сильно
загрязненный,
ему куда милей... За ним следит жена:
таблетки по утрам, снотворное, фуфайка...
Средь чемоданов неразобранных хотел бы

он умереть в отеле-люкс, где рядом пальмы
и море глупое; и чтоб по-итальянски,
с акцентом южным, соболезнованья были.

ОПРАВДАНИЕ

Кинжалом не пронзал я генерала Франко,
будь проклята его душа! Не истреблял
чилийских палачей. С оружием в руках
в Анголе за ее свободу не сражался.

На частный капитал не налагал секвестра
я в нашем городе, чтобы на эти деньги
построить госпиталь и школу или зимний
бассейн для детворы. Не мог я сделать так,

чтоб лица светлые не меркли от тревоги
и руки честные оков не знали страха;
я тем довольствовался, что писал стихи,

которые для вас, когда меня не станет,
полезней будут, чем я сам при жизни был:
в них трепет музыки, в них синей птицы
трепет.

ПОЛЕЗНОЕ СЕРДЦЕ

Не надо забывать: с насосом сердце схоже.
Весь организм оно питает — мозг, желудок,
другие органы, снабжая свежей кровью
и кислородом их... Сравнить его значенье

с электростанцией, с центральным складом
можно.
Ухода требует оно, как тот компьютер,
что создан по его подобию... Следите,
за тем, чтоб ритм его всегда был одинаков,

чтоб наполнение его нормальным было
и не случилось бы с ним то, что на шоссе
бывает в праздники. Порою называют

его причиною необъяснимых чувств,
и безрассудства, и любви, и тайных вздохов,—
восходит эта клевета к средневековью.

ДЕТСТВО

Когда ребенок потерять боится детство,
он обращается к жирафу за советом,
и неожиданно жираф к себе на шею
его сажает и пускается галопом

вдоль парковых аллей. Все это, словно качка
на быстром корабле, где звезды так близки,
и перевернут пруд, и горы невысоки...
И вот покончено с законами природы

на этом празднике, и старцы и старухи,
из памяти уйдя, уже не смеют больше
веселью помешать, что от куста к кусту

летит, как бал костюмированный, все дальше
и дальше, и жираф так ласков и приветлив,
и, успокоенный, взрослеет мальчуган.

АЛЬТРУИЗМ

Поймите, я не в счет, коль о народе речь,
о фабрике сырой, о слишком горьком хлебе,
о грохоте в ушах, а ночью о насмешке
луны, которая, как яблоко, подгнила.

Поймите, я не в счет: я только выражаю
отчаянье руки, что ждет рукопожатья,
и взгляда, жаждущего встретить взгляд
ответный,
и слов потерянных, когда не слышат их.

Поймите, я не в счет: я лишь напоминанье
о справедливости, о солнце, о деревьях,
о том, что праздником мог стать бы труд
людской.

Поймите, я не в счет; однако, если нужен
кому-нибудь из вас, тогда я что-то значу:
орудие труда, я пользу принесу.

Перевод **М. КУДИНОВА.**

Призвание

Виктор **МАЙ**

«Запах жухлой осенней травы, раскатистый гомон зяблика, кучевые заросли облаков, дальняя даль дороги и другие ассортименты неповторимой родной природы вспоминались ему в тундре, в которой сидел Карамышев, который искал руду, которая была нужна тем, которые ее ждали вдали от тундры, в которой сидел Карамышев...»

Окончательно запутавшись, писатель Яр. Котлов поставил точку и бешено загрустил. Не шел роман, не получалась повестушка, не выклевывался рассказ, не рождались афоризмы. Какая-то посторонняя мысль отвлекала Котлова от работы и билась в него с настойчивостью морского прилива.

— Должно быть, жрать хочу,— догадался Котлов и, бросив литературное мастерство, двинул в ресторан.

К третьему блюду настроение улучшилось. «Черт с ним,— решил Котлов,— в конце концов можно не уметь писать ни строчки и быть при этом уважаемым человеком. Главное — найти себя, понять свое призвание. Я здоров, полон сил и надежд. Руки, слава тебе, господи, есть. Для чего мне они? Неужели только для того, чтобы получать сдачу?»

— Нет, не для того! — решительно подсказал Котлову официант.

— Правильно! — согласился прозревший Котлов.— Сила человека в физическом труде! Вот разгадка вековой тайны нашего бытия!

...Кузнец Яр. Котлов громыхнул раз-другой по наковальне и нехорошо задумался. Горн шумел. Металл краснел. Котлов мыслил. Ковать ему не хотелось. Хотелось смутно чего-то совсем другого. Понемногу «другое» приобрело реальные очертания, и кузнец Яр. Котлов затопал в кафе.

К третьей настроение улучшилось. Учуяв запах родного рукава, Котлов загрустил уже как-то веселее, улыбчивее.

— Нельзя работать без любви к делу. Дело дрянь получается,— решил он.— Ну да ладно! Другим наука будет! Хотя почему, собственно, наука другим? Почему не мне?!

...Аспирант Яр. Котлов устало откинулся от подопытного агрегата и затосковал. «Люди гуляют по газонам, дышат озоном, а я Робинзоном сижу с фазотроном в глухой комнате, как в стойле! А ведь есть на свете что-то радостное, яркое, осязаемое!»

В столовой давали студень. Аспирант Котлов взял на рубль, потом на два. К трояку настроение резко улучшилось. Котлову стало хорошо.

— Застрелиться надо! — просветленно почувствовал он.— Не создан я для этой жизни. Томит что-то несказанное, тянет куда-то, а куда, бог его знает... А тут дернул за курок и спи, как сурок! Вот оно, решение!

...Покойник Яр. Котлов сердито повернулся на другой бок и закуксился. В гробу было скучновато. Котлов слышал, как где-то неподалеку, наверху копали землю.

— Баста, дядя Миша,— донесся до Котлова звонкий и бодрый голос,— кончай копать, всех делов до пенсии все равно не переделаешь!

И все стихло.

Котлов долго лежал в безмолвии, мучительно вдумываясь в услышанные слова. Они загадочно мерцали внезапным просветлением. Казалось, неуловимая мечта его прошлой жизни пряталась в них, игриво приглашая пуститься на поиски.

Котлов лежал и думал. Ему чего-то хотелось так сильно, как никогда прежде.

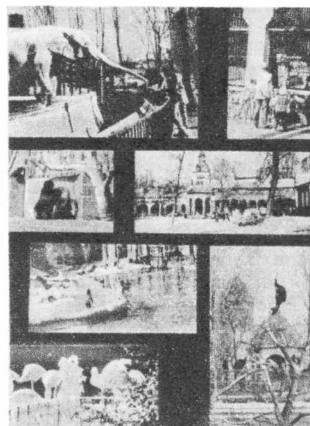
На земле истошно заорали петухи. После третьих настроение улучшилось. Яр. Котлов понял наконец, чего ему всегда хотелось больше всего на свете и для чего он посетил этот прекрасный мир. Он повеселел, вылез из могилы, сплюнул на оставленную дядей Мишей лопату и помчался оформлять себе пенсию.

До старости было далеко, и впереди открывалась новая, яркая, полная радостных свершений жизнь.

Рисунки
Э. Рапутовой

ТИГРЕНОК МИККИ И ЕГО ДРУЗЬЯ

Из многих стран собрались гости на прием по случаю открытия весенней ярмарки в Лейпциге. Не все умели объясняться друг с другом и с равнодушными лицами прогуливались по залу. Вдруг общество оживилось. Генеральный директор управления Лейпцигской ярмарки Зигфрид Фишер сообщил, что прибыл директор зоопарка доктор Зайферт. Директор держал на руках маленького тигренка, который, словно котенок, нежно мурлыкал и лизал ему ладонь. Все плотным кольцом окружили Зайферта и его питомца, к тигренку потянулись десятки рук. Каждый хотел погладить большую ласковую «киску». Вскоре, видимо, малышу надоело, что его гладят и треплют за холку, он стал вырываться, скалить зубы, рычать. Тигренок Микки обворожил присутствовавших, и на следующий день многие отправились в зоопарк.

Зоопарк хоть и расположен в центре города, но отделен зеленой зоной от промышленных объектов и жилых кварталов. Это как островок, на котором созданы отличные условия для жизни зверей. Встретился там и знакомый тигренок, он сидел в клетке с домашней кошкой. Хотелось снять их на память, но, к сожалению, в зале не хватало света.

А вообще-то день этот был необычайно ясным, и я решила воспользоваться случаем — сфотографировать некоторых обитателей прекрасного зоопарка. На снимках, что на последней обложке журнала, вы сможете увидеть друзей тигренка из Лейпцига.

В. ЮСУПОВА

РЕЦЕПТ

Виталий **БАБЕНКО**

Была суббота. Все граждане мира чего-то делали. Кандидат наук Пский рылся со скуки в прошлогодних счетах за квартиру и внезапно обнаружил засаленную бумажку, плотную и хрустящую на ощупь. «Вроде бы пергамент», — заинтересованно подумал Пский. Он повертел бумажку в пальцах. «Конечно, пергамент», — развивал анализ ученый. Он смял бумажку в комок, а затем расправил ее. «Точно пергамент!» — заключил он. «Интересно, откуда у меня здесь пергамент?» — родилась новая мысль.

Надо отметить, что Пский был не совсем дурак, хоть и умудрился потерять где-то начало своей фамилии. Это не мешало ему лихо расписываться с закорючками в платежной ведомости и получать все то, что обычно получают кандидаты наук.

Ценная мысль пришла Пскому поразительно вовремя. Если бы она по привычке не пришла, то, конечно бы, не развернулась та удивительная цепь событий, которую мы взялись описать. «А что же там написано?» — блеснуло озарение. Кандидат осторожно развернул небольшой листок, сложенный вчетверо, и прочел следующее:

«Растертый корень мандрагоры всыпать в левое ухо дохлого хамелеона, к хвосту оного же привязать пакетик с толченым бриллиантом в 33 карата. Все отварить в купоросе вместе с нераскрывшимися бутонами лотоса. В ночь под Новый год выкопать под банановым деревом ямку, а в полнолуние перед своим днем рождения вылить туда отвар. Закопать, сесть на корточки, прижать указательный палец левой руки к правой ноздре, чихнуть трижды и прочитать наизусть третью главу из «Евгения Онегина» на японском языке. Содеяв указанное, каждый да...»

На этом месте загадочный текст обрывался. «Бред! — подумал было кандидат, но тут же перебил себя: — Нет, не бред! Откуда же на пергаменте бред? Какой дурак на пергаменте бред будет писать? Нет, нет, нет! Повезло тебе, кандидат наук Пский. Здесь открытием пахнет. Может быть, даже докторской...» Он понюхал пергамент. Пахло на самом деле докторской...

И Пский стал действовать...

Для начала он вытребовал у завсектором командировку в Непал и провел там год в тибетских горах, распивая чай в компании далай-ламы. Далай-лама, помиравший от хандры в своем монастыре, остался чрезвычайно доволен собеседником и в знак вечной дружбы подарил ему нефритовую шкатулку с желанным корнем мандрагоры.

Вернувшись из Непала, загоревший и полный жажды познания Пский моментально вытребовал командировку на Мадагаскар и два года ловил в джунглях хамелеонов на птичий клей. Хамелеоны были страшно ленивы и предельно хитроумны. На птичий клей они упорно не желали попадаться. В конце концов Пский плюнул в джунгли и купил дохлого хамелеона по пути домой на толкучке в Одессе.

После этого он принялся толочь бриллиант, с каковой целью взял бессрочный творческий отпуск на пять лет. Затем Пский быстренько слетал в Индию за лотосами и, еле сдерживая нетерпение, стал поджидать ближайший Новый год. Конец титанического труда казался близок.

...Сияла полная луна. За окнами искрился декабрьский снег. Кандидат наук Пский сидел на корточках под бананом в оранжерее ботанического сада и лил в ямку купоросный отвар. Бриллиант было чуть-чуть жалко. Он зажал указательным пальцем левой руки правую ноздрю, чихнул трижды от души и нараспев прочитал третью главу «Евгения Онегина» на японском языке. Окончив чтение, Пский зажмурился. Потом открыл один глаз. Затем второй. Ничего не произошло. Пский не знал, что должно произойти, но ждал чего-нибудь чудесного. А здесь все так же сияла полная луна, декабрьский снег по-прежнему искрился. Воняло купоросом и дохлым хамелеоном, который начал оттаивать после долгого хранения в морозильнике. Пский страшно обиделся, вытащил из кармана замусоленный пергамент, порвал в мелкие клочки и отправил вслед теткиному бриллианту...

На следующее утро невыспавшийся Пский наконец явился на работу и от нечего делать на серой поверхности стола, покрытой многолетним слоем пыли, почти машинально стал писать слово «Рецепт». Когда он написал его в тридцать третий раз, в дверях раздался какой-то шум и в комнату стремительно вошел небольшого роста человек, заметно похожий на одного из членов ученого совета.

— Кто же так делает?! — крикнул он Пскому с порога. Тот приоткрыл один глаз.— Венера еще не в фазе, а вы туда же, купорос бьете. Чуть не испортили все!..

И вошедший показал изумленным сотрудникам две красивые бумажки. В одной Пский объявлялся доктором наук. А в другой же весь сектор приглашался на торжественный банкет по поводу успешной защиты его диссертации на тему «Влияние японской силлабики на мутации банановых при одновременном воздействии кристаллогидратов сернокислых солей, алкалоидов мандрагоры, измельченного кристаллического углерода и кожного покрова чешуеязычных, а также общей вредности оккультных наук».

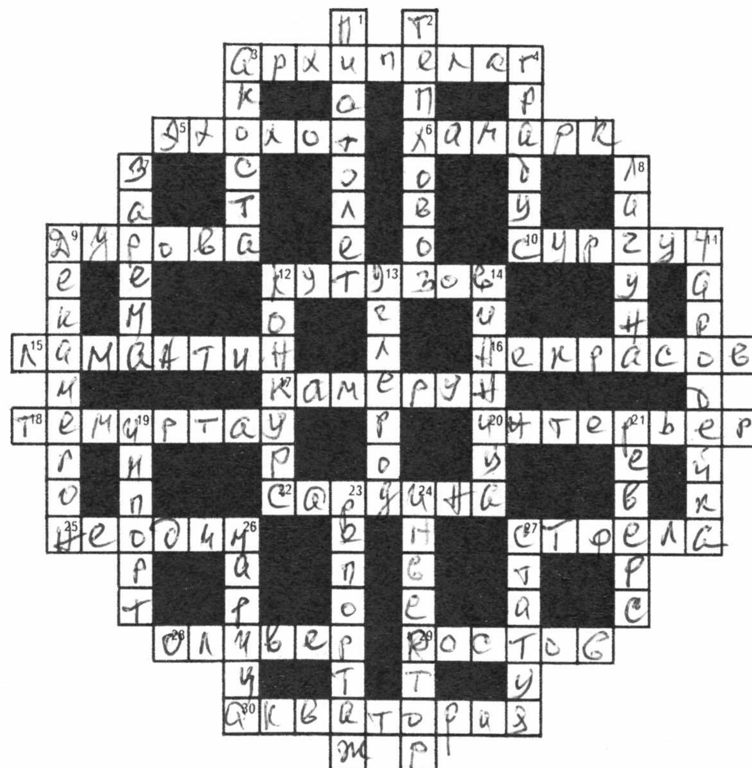
— А вот с фамилией ничего сделать не удалось...

— Ну хоть нашли начало? — встрепенулся загордившийся Пский.

— Нашли, нашли,— успокоил его «добрый гений» и выудил из кармана последнюю бумагу. Это было извещение паспортного стола. Крупные буквы там складывались в одно слово: Остолопский.

Рис. В. Дубова

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Значительная группа морских островов. 5. Прибор для измерения глубин моря. 6. Французский естествоиспытатель. 9. Первая в России женщина-офицер. 10. Смолистое вещество, употребляемое для наложения печатей. 12. Русский полководец, главнокомандующий в Отечественной войне 1812 года. 15. Водное животное отряда сирен. 16. Автор поэмы «Русские женщины». 17. Вулканический массив на берегу Гвинейского залива. 18. Город в Карагандинской области. 20. Внутреннее пространство здания, помещения. 22. Промысловая морская рыба. 25. Химический элемент, металл. 27. Северное созвездие. 28. Аргентинская писательница, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 29. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Война и мир». 30. Водная часть порта.

По вертикали: 1. Стрелковое оружие. 2. Локомотив. 3. Голландский мыслитель. 4. Единица измерения угла, окружности. 7. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан». 8. Мелководный морской залив. 9. Произведение Д. Боккаччо. 11. Опера П. И. Чайковского. 12. Творческое соревнование. 13. Химический элемент. 14. Областной центр на Украине. 19. Ввоз товаров из-за границы. 21. Оборотная сторона медали, монеты. 23. Жанр журналистики. 24. Устройство для преобразования постоянного тока в переменный. 26. Река в Болгарии. 27. Крупное скульптурное изображение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

По горизонтали: 3. Белобочка. 7. Изобретение. 10. «Горение». 11. Спидвей. 12. Лабинск. 13. Баркарола. 16. Амперметр. 19. «Страданья». 23. Касаткина. 28. Пуночка. 29. Субтитр. 30. Заметка. 31. Консульство. 32. Фестиваль.

По вертикали: 1. Лепорелло. 2. Иконоскоп. 4. Брекчия. 5. Бионика. 6. Селигер. 8. «Волга». 9. Дебит. 14. Кура. 15. Линь. 17. «Мама». 18. Маяк. 20. Титул. 21. Дудинка. 22. Непринцев. 24. Сказитель. 25. Тромбон. 26. Норка. 27. Корелли.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Киев — столица Украинской ССР. (См. в номере материал «Колыбель народов-братьев».)

Фото Н. Козловского.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В Лейпцигском зоопарке. (См. в номере материал «Тигренок Микки и его друзья».)

Фото В. Юсуповой.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 03.05.82. Подписано к печати 18.05.82. А 00370. Формат 70 × 108[1]/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1316. Заказ № 2323.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

КОНКУРС В ВОЗДУХЕ

Б. СМИРНОВ

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Для пассажиров это был обычный рейс: сдав багаж и зарегистрировав билеты, они вышли на летное поле Внуковского аэродрома, зашли в спецавтобус и через несколько минут уже поднимались по трапу в самолет. Правда, для большинства из них необычное началось именно с этого момента, потому что огромный воздушный лайнер ИЛ-86 совсем недавно появился на линиях Аэрофлота и продолжает удивлять своими двумя этажами внутренних помещений, прямоугольными стенами трех пассажирских салонов, креслами в девять рядов в ширину и другими новшествами, которыми буквально насыщена новая машина. Но в конце концов не все ли равно, на чем лететь! Лишь бы вовремя подняться в воздух и вовремя приземлиться да в пути не знать никаких хлопот...

Так думали, наверное, многие, удобно расположившись в креслах и готовясь к четырехчасовой дороге. Приглушенный толстыми стенками гул моторов, привычные объявления по внутренней радиосети о скорости, высоте, длительности полета... И вдруг:

— Товарищи, сегодня наш рейс номер 667 по маршруту Москва — Ташкент не совсем обычен: вы присутствуете на конкурсе молодых бортпроводников, который впервые проводится в воздухе, на борту самолета... Конкурс посвящается XIX съезду ВЛКСМ...

И тут все пассажиры заметили, что стюардессы, деловито снующие по проходам, выглядят как-то подчеркнуто празднично, и на форменных жакетах у них укреплены номерки. И всем пассажирам были розданы листки с условиями конкурса и с краткими анкетными вопросами (кто вы, ваша профессия, часто ли пользуетесь услугами Аэрофлота и т. д.). И все пассажиры стали постепенно входить в роль судей конкурса, потому что, как оказалось, у каждого есть свой взгляд на скромную и вроде бы малозаметную работу бортпроводников. Сделать объявление по радио, помочь устроиться в кресле, раздать стаканчики с водой или подносы с дорожным обедом... Условия конкурса не требовали от стюардесс ничего выходящего за рамки обычных их обязанностей: просто работа, обычная работа, как и в любом другом рейсе, но в ней вдруг открылись для пассажиров десятки мелочей, к которым все мы, как оказалось, не так уж равнодушны...

...Нажимаю на кнопку вызова, вмонтированную в ручку кресла. Через несколько секунд в проходе появляется бортпроводница с номером 1 — это, как нам представили по радио, Галина Иванова. Легкий наклон головы, вежливая, внимательная улыбка:

— Я вас слушаю...

Я попросил принести свежую газету, поинтересовался, какая погода ждет нас в Ташкенте. Если можно, еще стакан лимонада... Все мои «проблемы» были сняты мгновенно, и я уже не знал, какую бы еще проверку устроить бортпроводнице. Оглянулся — пассажиры в других рядах тоже задают стюардессам какие-то вопросы, потом, подумав, начинают заполнять конкурсные анкеты. Извинившись, прошу показать мне такую анкету соседа слева. Так: инженер, работает в Ташкенте, летает на самолетах довольно часто. Ему кажется, что лучше других работает стюардесса под номером 2. Почему?

— Вы знаете, бывает, подойдет к тебе стюардесса — говоришь, а она смотрит в сторону, кажется, только и ждет, чтобы повернуться и уйти,— объясняет сосед.— Все вроде сделает, что просишь, а какой-то неприятный осадок у тебя остается. А вот сегодня Таня Чистякова — правильно я ее назвал?— работает и четко, и внимательно, и с такой хорошей улыбкой, что прямо настроение поднялось. Вы тоже, наверное, это чувствуете?

Полет продолжается, своим чередом идет конкурс. Несколько кресел впереди занимают люди в форме работников Аэрофлота — это члены жюри. Они, конечно, смотрят на работу стюардесс не так, как мы, от них никаких просчетов не скроешь... И я прошу председателя жюри, начальника службы организации пассажирских перевозок Московского транспортного управления гражданской авиации Виктора Михайловича Фурсова, посвятить меня в «секреты» мастерства бортпроводниц.

— Девушки хорошо работают, хотя небольшие нарушения есть. Какие? Так и быть, скажу по секрету, ведь итоги конкурса окончательно мы подведем уже на земле. Замечено отклонение от формы одежды, один поднос с обедом был подан не по правилам, возникла заминка при демонстрации кислородного аппарата... Повторяю, это предварительные заметки. Мелочи? Нет, все действия бортпроводников строго регламентируются, из подобных мелочей и складывается общая картина обслуживания пассажиров на борту самолетов Аэрофлота. Для того и проводится конкурс по всему Союзу, во всех управлениях гражданской авиации, чтобы закрепить опыт лучших бортпроводников, чтобы выявить, как говорится, все наши плюсы и минусы.

— А что считается главным в работе бортпроводников?

— Главное — обеспечить для пассажиров в полете все возможные условия для комфорта, сделать полет приятным и безопасным. Сейчас мы с вами смотрим работу лучших бортпроводников Внуковского аэропорта, они демонстрируют, если можно так сказать, классический пример обслуживания. А вот через два дня будет такой же конкурсный полет во Фрунзе, так работники Домодедовского аэропорта обещают показать что-то новенькое!

И вот через два дня мы снова в воздухе. Другой самолет — на этот раз ИЛ-62м, и даже форма другая: домодедовские стюардессы надели нарядные розовые передники. Скучать пассажирам было некогда: домодедовцы устроили на борту небольшую викторину, провели беспроигрышную лотерею, предложили нам что-то вроде передвижного киоска с сувенирами — на память о полете. Время пролетело — и в прямом и в переносном смысле — буквально незаметно, в общих разговорах и шутках, и мне показалось, что на аэродром во Фрунзе мы сошли с самолета не просто попутчиками, а каким-то своеобразным «коллективом рейса № 613».

Здесь, на земле, на небольшой пресс-конференции, признанная в этом полете лучшей бортпроводница Ольга Тонкова рассказала, что такие вот рейсы «с выдумкой» домодедовцы проводят очень часто.

— У нас пассажиры поют на борту, читают стихи, в общем, многие проявляют инициативу. Жалко, сегодня ни одного ребенка на борту не оказалось, знаете, как пассажиры хорошо принимают, когда дети перед микрофоном выступают... Лишние хлопоты для нас? — Оля Тонкова задумалась.— Нет, они не лишние. Мы к каждому полету готовимся, что-то ищем, нам так интересно работать. И пассажиры довольны — знаете, сколько благодарственных записей в журнале!

Так кто же победил — Внуково или Домодедово? Все-таки Внуково. Это решилось в следующем туре конкурса, проходившем на земле,— там первенствовала знакомая нам по рейсу в Ташкент Галина Иванова. А потом москвичам не повезло — в финальных встречах, состоявшихся в Киеве, лучшей стюардессой страны была признана бортпроводница Украинского управления гражданской авиации Татьяна Сечина. Но в целом, как говорят в таких случаях, в выигрыше остались мы, пассажиры,— конкурс в воздухе наверняка стал новой ступенькой, по которой еще выше подымется Аэрофлот.

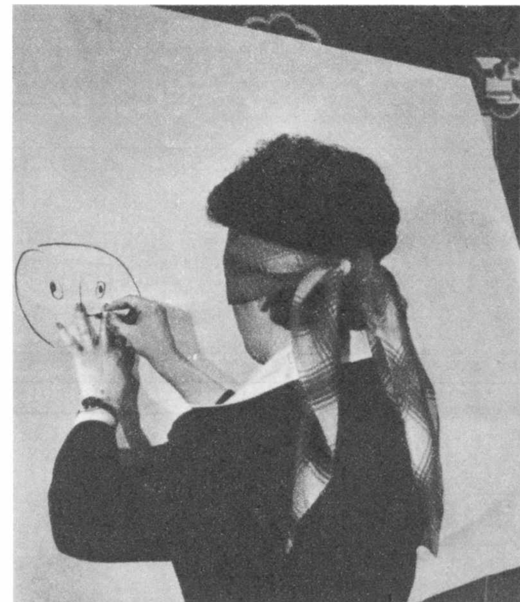

Это не профессиональная танцовщица. Ирина Щипанова — диспетчер Внуковского аэропорта.

Татьяна Чистякова — тоже из Внукова — заняла четвертое место.

Попробуйте порисовать с завязанными глазами! А это входит в условия конкурса.

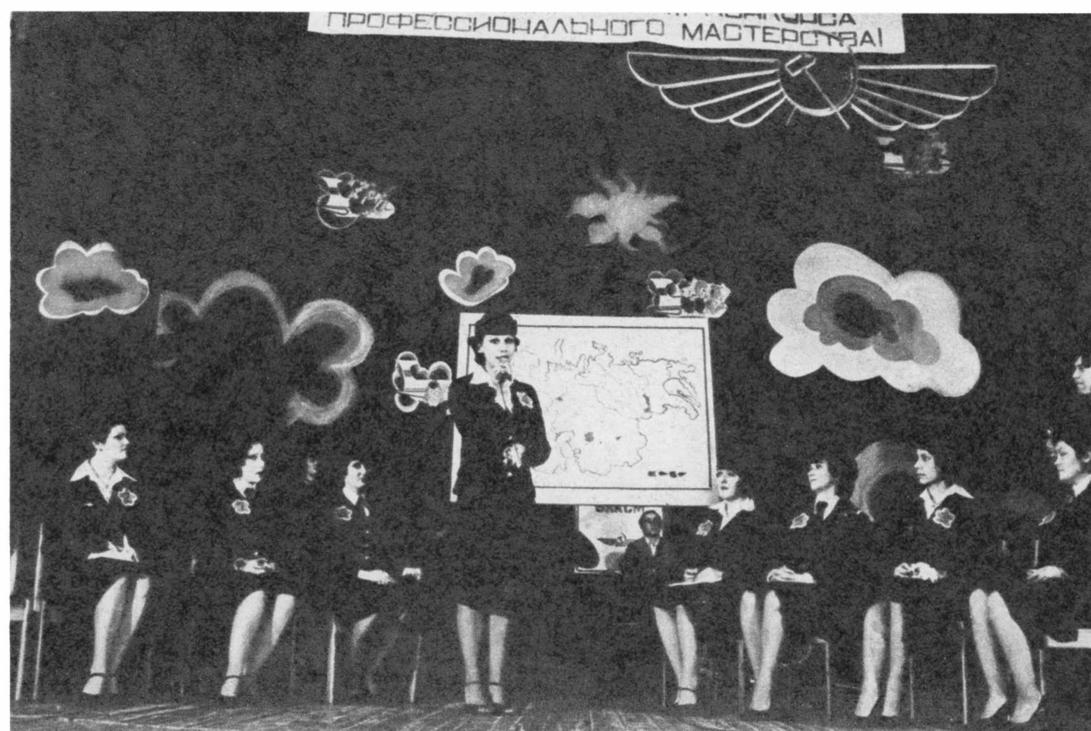
Как вы умеете сервировать стол!

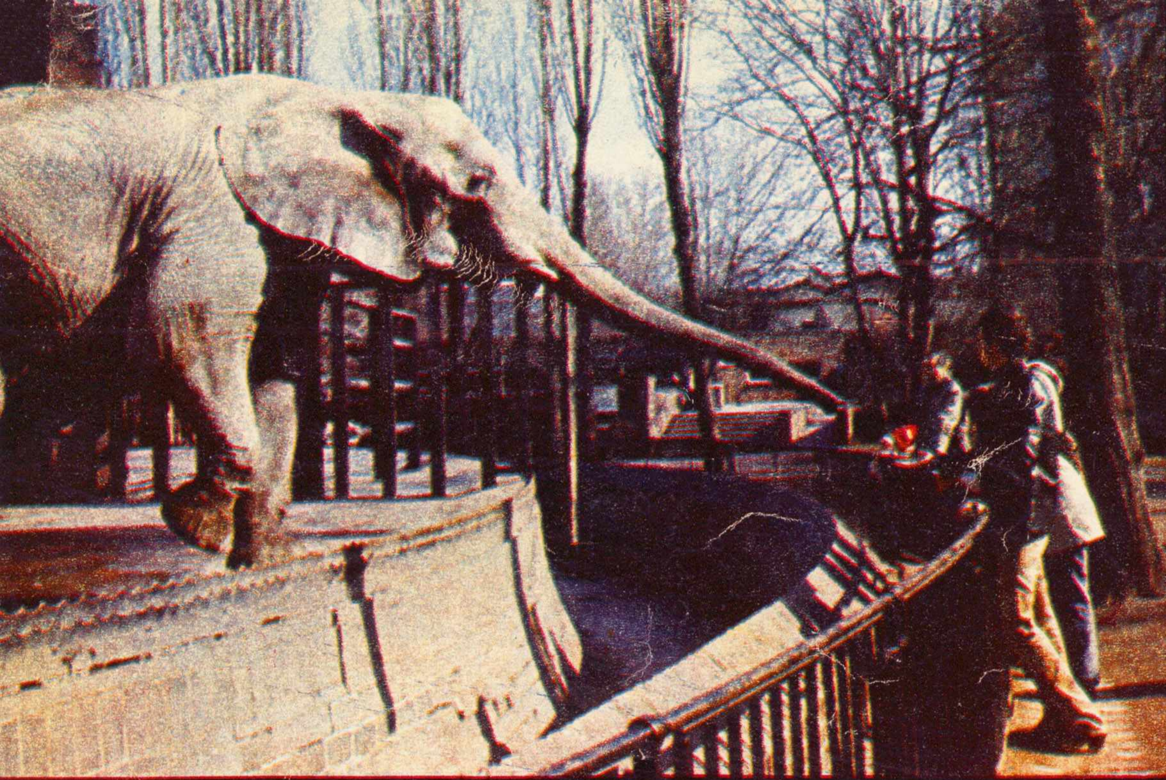

Заседает строгое жюри.

Победила Галина Иванова.

И, наконец, финал.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

